

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ПЕЛЕВИНА Юлия Игоревна

**СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ И АДАПТАЦИИ
ЗАИМСТВОВАННЫХ ТЕРМИНОЛОГИЗИРУЕМЫХ
ПОНЯТИЙ В ТЕРМИНОСИСТЕМАХ ПРОМЕЖУТОЧНОГО
ТИПА**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент
Бредихин Сергей Николаевич

Ставрополь – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Промежуточные терминосистемы узкоспециализированных областей знания: проблемы становления	16
1.1. Информационно-знаниевый континуум: типы представления знаниевых компонентов в текстовом пространстве.....	19
1.2. Типы терминосистем: открытые и закрытые системы терминологизации.....	35
1.3. Функциональная нагрузка элементов промежуточных терминосистем в создании расширенных и узких областей спецификации.....	48
1.4. Трансдисциплинарный характер промежуточных терминосистем дискурсологии и когнитивной лингвистики	66
Выводы по главе 1.....	82
Глава 2. Особенности трансформации и адаптации вербализаторов терминологизируемых понятий в трансдисциплинарных областях	84
2.1. Транспозиция и трансгрессия как адаптационные механизмы транстерминологизации.....	84
2.2. Индивидуальные и коллективные компоненты в процессе транстерминологизации.....	97
2.3. Контаминационные процессы при актуализации констант фоновых знаний, ситуативности и контекстуальности в терминологизированном заимствовании.....	108
2.4. Лингвокогнитивные основания имплементации «зонтиковых» терминов в промежуточные терминосистемы.....	123
2.5. Модификации содержания в процессе имплементации заимствованных репрезентантов терминологизированных понятий....	144
Выводы по главе 2	163
Заключение	166
Список литературы	174

Введение

Предпринятое исследование посвящено одной из насущных проблем современной лингвистики в целом и терминоведения в частности, а именно: анализу процессов терминологизации понятия в терминосистемах промежуточного типа, которые обслуживают не только предельные области абстрактного знания, подвергающегося лишь рефлексивной верификации, знания, но и иррадируют в области предметного взаимодействия с окружающим миром, т.е. отвечают требованиям эмпирической достоверности. Однако понимание промежуточности (транспозиционности и трансгрессионности) системы терминов возможно и в более широком формате как скрытых потенциалов к эффективному функционированию в смежных или же объединенных единым объектом сферах знания. Создание подобных терминосистем предполагает формирование их по типу контаминированного информационно-знаниевого континуума (Серебрякова, Плохая, 2018, с. 132), т.е. на основе взаимодействия как различных деривационных моделей, так и включения разнонаправленных параметров актуализации значения.

Наиболее отвечающим этим требованиям способом является междисциплинарное заимствование терминов, причем оно может носить как интра- так и межъязыковой характер. Контаминационная реализация значения предполагает как сохранение общепонятных компонентов заимствуемой единицы, так и актуализацию обусловленных трансляцией ситуативности и контекстуальности при восприятии и интерпретации феномена. Подобный тип терминодеривации продиктован не традиционной потребностью задействовать в терминоединице только общепринятые или же транспарентные компоненты, с опорой на принципы точности и

однозначности, но, прежде всего, имманентные или же формируемые в условиях конситуативной интерпретации элементы (Wilson, Nisbett, 1978), т.е. необходимостью представить индивидуально-авторскую интерпретацию, детерминированную сферой употребления. Именно такой способ дает возможность как расширять область применения заимствованного терминологизированного понятия, так и трансформировать его содержание без потерь степени терминологичности в условиях адаптации к новой принимающей области информационно-знаниевого континуума.

Актуальность проблем, рассматриваемых в диссертационном исследовании, объясняется, прежде всего, необходимостью создания неких универсальных моделей терминологизации понятия, способных обеспечить формирование непротиворечивых и в то же время открытых как к экспансии, так и к интервенции терминосистем. Таким образом, взаимодействие различных видов актуализации компонентов значения в процессе адаптации заимствуемого термина к вертикальному контексту реципирующей области информационно-знаниевого континуума способствует трансформации целой терминосистемы и специализирует или расширяет сферу её функционирования. При этом не происходит размывания когнитивных пространств, что позволяет гипотетическому реципиенту адекватно воспринимать терминологическую единицу в её целостности, точности и контекстуальности.

Степень разработанности проблемы. Современные области терминологизации отличаются комплексным подходом к репрезентации знания в материи языка. Существует много монографических исследований по проблемам актуализации компонентов значения как в горизонтальном контексте, так и в структурированной системе. Взаимосвязь ментальных процессов со способами их вербализации анализировалась в трудах А. Ю. Агафонова (2003), С. Л. Катречко (1999), Е.С. Кубряковой (2004). Формы и способы контаминации вербально-когнитивных феноменов в аспекте

порождения как первичных рефлексивных объектов, так и их дальнейшей детализации в процессе опредмечивания в языке исследовались в работах Ж. Фоконье (Fauconnier, 2002), Э. Морена (Morin, 1999). При этом моделирование ментальных пространств, обуславливающих перманентный процесс перехода знаниевых компонентов в вербальную форму, обеспечивающую последующее развитие нового знания, достаточно подробно было проанализировано в работе Ф. Н. Джонсона-Лейарда «Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness» ещё в конце прошлого века (Johnson-Laird, 1983).

В рамках когнитивного подхода к формированию терминосистем наблюдается повышение интереса к их классификации в зависимости от функциональных областей и типов репрезентации знания. Современный этап генерации знания характеризуется новым витком дисциплинарной конвергенции, а именно трансдисциплинарностью. Исследованием методологических принципов объединения предметных и фундаментальных областей занимались многие отечественные (Киященко, 2009; Черникова, 2015 и т.д.) и зарубежные (Fox, 2009; Mittelstrass, 1993) ученые – как философы и методологи, так и лингвисты. Возникающие в условиях создания трансдисциплинарных областей знания терминосистемы характеризуются возможностью экстраполяции их элементов в коррелирующие и дистантные сферы когниции. В связи с этим возникает необходимость анализа специфических механизмов транстерминологизации. Эти механизмы представляют собой специфические формы интра- и интердисциплинарного заимствования (Лотте, 1982). Данные процессы осложняются развитием нового знания в глобальном пространстве, а значит, поиском возможностей создания эквивалентных терминосистем в различных социумных и языковых группах. Так, межъязыковое заимствование терминологических единиц изучается в основном в рамках номинирования новых феноменов в процессе, так называемого, предметного заимствования (Ефимов, 2018).

Конвергенции фундаментальных и прикладных терминосистем в качестве особого промежуточного типа посвящены работы ученых пятигорской школы (Акаева, Алимуратов, 2016; Лату, 2015). Однако в последнее время в лингвистических исследованиях появляется целый ряд новых направлений, вводящих в сферу языковедческого анализа множество экстралингвистических факторов. В связи с этим фактом назрела насущная необходимость рассмотрения когнитивных процессов трансформации генерализованного содержания интра- и межъязыковых заимствований в различных терминосистемах, которые достаточно часто становятся «промежуточными» в аспекте обслуживания различных взаимодействующих областей информационно-знаниевого континуума. Особого внимания заслуживает в этом плане работа Р. Теммерман (Temmerman, 2000), в которой на основании сочетания терминологии, онтологии и терминологической лексикографии выделяется «термонтография» – трансдисциплинарная методологическая область изучения терминосистем.

Следует отдать должное трудам по когнитивным механизмам модификации и адаптации семантики терминоединиц, которые анализируются в рамках соответствия коммуникативному потенциалу в той или иной сфере применения (Голованова, 2004), вариативной интерпретации и смены функциональных ограничений терминов (Сложеникина, 2010; Рыженкова, 2001). Некоторые из зарубежных ученых, исследующих метафорические основания номинации, подчеркивают, что она строится на личных ассоциациях и собственном опыте (Babuts, 2017), что в аспекте контекстуальной и конситуативной актуализации приводит к увеличению возможностей пополнения промежуточных терминосистем.

В качестве **объекта** исследования нами избраны термины и терминологизируемые понятия, формирующие специфический тип терминосистем (промежуточных или пограничных), единицы которых

способны как к расширению, так и к специализации потенциальной области применения.

Предметом исследования выступают трансформационные и адаптационные механизмы, применяемые в процессе внедрения транспозиционных и трансгрессионных терминологизированных понятий в вышеназванные терминосистемы.

Цель работы – выявление и анализ особенностей адаптации в процессе транстерминологизационного заимствования, а также механизмов модификации семантики транстермина с учетом функциональных ограничений принимающих трансдисциплинарных промежуточных терминосистем.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить ряд конкретных задач:

- выявить механизмы и способы репрезентации знаниевых компонентов в тексте;
- проанализировать специфику терминосистем промежуточного типа как особых репрезентантов трансдисциплинарных областей информационно-знаниевого континуума;
- описать функциональный потенциал элементов промежуточных терминосистем в аспекте экспликации порождаемых знаний и адекватности их вербального представления;
- выявить роль констант ситуативности, фоновых знаний и контекстуальности в процессе транспозиции и трансгрессии терминологической заимствованной единицы;
- установить виды модификаций содержания транстермина в процессе расширения и специализации рецепирующей области знания;
- описать и классифицировать когнитивные и языковые механизмы влияния транспозиционных и трансгрессионных терминов на трансформацию принимающих терминосистем.

Материалом исследования являются данные словарей различных типов, а также около 1500 контекстов, содержащих трансдисциплинарные интра- и интерязыковые заимствованные понятия различной степени терминологичности, демонстрирующие процессы транспозиции и трансгрессии термина. Данный эмпирический материал был отобран методом стратифицированной выборки с созданием иерархической классификации заимствованных терминов трансдисциплинарных областей лингвистического знания с учетом критерия максимального образования гнезд ассоциатов (детализации). Выборка производилась из текстов научных статей современных областей лингвистического знания (когнитивной лингвистики и дискурсологии), объем проанализированного материала составляет более 1000 страниц русскоязычного и 800 страниц англоязычного текста.

Следует особо подчеркнуть, что степень освоенности и терминологизированности заимствованной единицы в исходной или принимающей области знания не являлась ключевым критерием отбора и дальнейшего анализа продуктивного модификатора терминологического пространства, т.е. сами языковые механизмы адаптации не всегда оказываются адекватным маркером эффективной контекстуальной актуализации.

Методы исследования. Модификации генерализованного содержания и кристаллизация новых граней смысловой иерархии заимствованного терминологизированного понятия в реципирующих промежуточных терминосистемах изучаются на основе комплексной методологии. С опорой на заданную в работах Г. И. Богина, Г. П. Щедровицкого последовательность шагов используются отдельные приемы критического дискурс-анализа, этимологического, компонентного, дефиниционного и контекстуального анализа в целях уточнения содержания заимствованных терминов и понятий и выявления не только актуализируемых элементов эпизодической памяти,

но и закрепляемых в процессе транспаренции семантических компонентов заимствуемого термина.

Методологическая база диссертационного исследования представлена не только традиционными, доказанными в теории языка положениями о ключевых способах терминодеривации и последовательном развитии вербальных систем представления отдельных областей информационно-знаниевого континуума, но и идеями о доминирующих позициях контаминированного пространства семантизации в процессе трансдисциплинарного заимствования и ключевой роли конситуативных элементов при трансляции и модификации базовых и периферийных компонентов концептуальной системы.

Теоретическая база настоящего исследования представлена трудами отечественных и зарубежных авторов по следующим, релевантным для анализа вопросам:

- механизмы вербализации ментальных пространств и различных компонентов информационно-знаниевого континуума: А. Ю. Агафонов (2003), М. М. Бахтин (1979), Н. Н. Болдырев, О. В. Магировская (2009), У. Л. Бриллюэн (1960), С. Л. Катречко (1999), А. Н. Колмогоров (1987), Ю. М. Лотман (1999), С. В. Серебрякова, Е. Е. Плохая (2018), А. Д. Урсул (2010), N. Babuts (2017), D. F. Halpern (2013);

- общая теория номинации и номинирование терминологизируемых понятий: М. Н. Лату (2015), Н. М. Разинкина (1978), А. Г. Рябов (2009), А. А. Уфимцева, В. Н. Телия, Г. В. Колшанский и др. (1977), T. D. Wilson, R. E. Nisbett (1978);

- общие вопросы терминоведения, терминодеривации и пополнения терминосистем: М. Н. Володина (2000), Н. Б. Гвишиани (1986), Е. И. Голованова (2011), В. П. Даниленко (1987), В. М. Лейчик (2009), А. В. Лемов (2000), А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева (1989), О. Ю. Шмелева (2010);

- системные отношения между единицами специального знания и степенью их терминологичности: Х. А. Акаева, О. А. Алимуратов, М. Н. Лату (2004; 2018), Н. Н. Горбунова (2017), Е. С. Кубрякова (2004), Г. Г. Матвеева (1984), Л. А. Чернявская (2010), W. R. Ashby (1962);

- адаптационные процессы терминологического трансдисциплинарного и междисциплинарного заимствования: М. Ю. Волгина (2013), А. М. Клёстер (2012), Е. Н. Князева (2011), И. М. Кочан (2013), Д. С. Лотте (1982), Т. В. Рыженкова (2001), Л. В. Толстикова (2012), И. В. Черникова (2015), R. Fox (2009), R. Temmerman (2000);

- механизмы взаимодействия различных элементов вербализации в процессе адаптации и трансформации смысловых конструктов: Н. Ф. Алефиренко (2005, 2006), С. Н. Бредихин, С. В. Серебрякова (2016), Т. В. Дроздова (2003), Ю. Н. Караулов (1987), Р. Карнап (1959), В. В. Красных (2001), А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович (1983), J. Fodor (1983), E. Tulving (1972).

Гипотеза исследования заключается в обоснованном предположении о необходимости имплементации семантических (общепринятых моделей терминологизации) в контекстуально обусловленном ситуативными и селективными факторами трансдисциплинарном заимствовании при формировании открытых промежуточных терминосистем, а также специфических форм адаптации транстерминов (транспозиции и трансгрессии) в рамках импликации или экспликации при описании функциональных ограничений принимающей системы.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в выявлении и анализе специфических адаптационных механизмов транспозиции и трансгрессии терминологизируемых единиц. Впервые в работе выявлены и подвергнуты комплексному анализу трансдисциплинарные характеристики таких областей современного лингвистического знания, как когнитивная лингвистика и дискурсология;

«зонтиковость» транстермина при этом описана как ключевая характеристика промежуточных терминосистем, а также как база транспозиции и трансгрессии. В диссертации описаны и типологизированы приемы реализации констант фоновых знаний, ситуативности и контекстуальности в процессе заимствования терминов. В рамках исследования уточнено содержание таких понятий, как «промежуточная терминосистема», «трансдисциплинарное и междисциплинарное заимствование», «контекстуальная адаптация», механизмы транспозиции и трансгрессии проанализированы как отдельные виды транстерминологизации.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается, прежде всего, в дальнейшем развитии теории номинации, терминодеривации, когнитивной лингвистики, прагмалингвистики, в уточнении места процессов транспозиции и трансгрессии в ряду моделей терминообразования, классификации механизмов адаптации трансдисциплинарной и междисциплинарной терминологии в условиях контекстуального транспонирования и формирования промежуточных терминосистем, определении векторов взаимодействия коллективных и индивидуальных конситуативных элементов в рамках рефлексивной и эмпирической верификации транстерминов.

Практическая ценность работы состоит в потенциальном использовании теоретических положений и эмпирического материала исследования в лексикографической практике при составлении специальных терминологических словарей, в процессе разработки и чтения вузовских курсов по прагмалингвистике, специальному переводу, научно-техническому переводу, лексикологии, при внедрении некоторых результатов в структуру спецкурсов по критическому дискурс-анализу, терминоведению и семиотике. Результаты анализа механизмов динамической интеракции коллективных и индивидуально интерпретируемых компонентов в процессах

терминологизации могут применяться в практике пополнения терминосистем метаязыков трансдисциплинарного описания (в лингвистике, психологии, искусствоведении).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Диалектическое взаимоотношение ментальных структур нового специального знания и вербального представления информационного потока в конкретной области информационно-знаниевого континуума осуществляется на основе исходного общепринятого распремечивания (в ядерных компонентах) и постоянной рефлексивной трансформации инвариантных структур в потенциально конвенционализируемые знаки индивидуальной терминодеривации.

2. Трансдисциплинарность промежуточной терминосистемы понимается как выход за границы одной концепции на основе создания новых условий функционирования транспозиционных и трансгрессионных элементов на следующем витке когнитивной спирали при холистическом рассмотрении предмета исследования. Промежуточные терминосистемы когнитивной лингвистики и дискурсологии демонстрируют наличие специфических логико-семантических и когнитивно-гносеологических блоков, обеспечивающих универсальные векторы транстерминологизации. Специализация и конкретизация терминоединиц и их дериватов в трансдисциплинарной системе осуществляются на основе конситуативной интерпретации и введения дополнительных маркеров присутствия наблюдателя в рамках создания единого ядра восприятия и трансляции, что обуславливает новые функциональные ограничения. Промежуточная терминосистема определяется двумя типами взаимодействия: 1) конвергенцией фундаментальных и прикладных терминологий, 2) наддисциплинарной конвергенцией.

3. Специфика расширения функционала трансдисциплинарных областей информационно-знаниевого континуума и их метаязыков

обуславливается возможностью осмысления содержания и объективации, максимальной конкретизацией объектов рассмотрения, детерминированностью элементов самой функциональной сферой, а также коммуникативно-прагматическими свойствами вербализаторов. Наряду с классическими функциями (репрезентативной, сигнификативной, коммуникативно-когнитивной, прагматической), элементы промежуточных терминосистем также реализуют функции генерации нового знания, классифицирующую и моделирующую.

4. В процессе транстерминологизации можно выделить два доминирующих механизма адаптации элементов: 1) транспозицию – перенос термина в трансдисциплинарную область, не предполагающий экспликацию новых парадигматических связей в принимающей терминосистеме; 2) трансгрессию – заимствование термина с конвенционализацией новых парадигматических связей на основе дефинитивного экспонента. Транспозиционные и трансгрессионные изменения содержания терминологических единиц носят дихотомический характер – трансформация всех аспектов термина вызывает адекватный отклик всей системы, которая в свою очередь задает векторы преобразования семантики и функционала термина.

5. Индивидуальные компоненты значения в транстерминах промежуточных терминосистем, функционирующих в условиях создания новых функциональных ограничений, находятся в аргументативной корреляции с коллективными конвенционализированными компонентами значения (лексикографическими и психолингвистическими). Ключевыми характеристиками данной корреляции являются: 1) организация по принципу семантем (вербально-концептуальных единиц), 2) примат констант фоновых знаний, субъективности, контекстуальности, 3) процессуальный характер аргументативного сравнения с коллективными паттернами, прогнозирующими распределение конкретного содержания.

б. Основой внедрения заимствуемого термина в промежуточную терминосистему является его «зонтиковый» характер, который в зависимости от степени нивелировки реализуется в структурных, ориентационных и онтологических моделях адаптации семантики исходного термина. «Зонтиковость», помимо выполнения функции расширения имплементационных пространств в корреляции с компонентами значения неактивных в узусе этимологического или контекстуального периферического пластов, создает функциональные ограничения, действуя как конситуативная детерминанта. Модификация значения термина в процессе трансдисциплинарного заимствования зависит от факторов частотности его употребления в различных дискурсивных практиках, обеспечивающих генерацию и трансляцию новых знаниевых компонентов.

Достоверность теоретических выводов и практических положений исследования подтверждается современной методологией анализа, адекватной целям и задачам работы; выверенной и достаточно апробированной системой исходных теоретических посылок, служащих отправной точкой развертывания авторской рефлексии; логичностью и последовательностью авторского структурирования текста диссертации; соответствием подтвержденных рефлексивной верификацией положений основным постулатам современного терминоведения и теории смыслопорождения; репрезентативностью и значительным объемом подвергнутого анализу эмпирического материала.

Апробация основных результатов и положений, нашедших отражение в диссертации, представляет собой регулярные обсуждения на заседаниях кафедры теории и практики перевода ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», доклады на конференциях различного уровня – международных (Армавир 2020, Волгоград 2019, Грозный 2020, Петрозаводск 2021, Ростов-на-Дону 2021), всероссийских (Армавир 2018, 2019), публикации в сборниках научных трудов (Пятигорск 2019, 2020).

Выводы на основе теоретических положений и некоторые практические результаты исследования представлены в 12 научных работах, среди них 4 опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации; 2 в изданиях, входящих в международную базу цитирования Web of Science.

Структура диссертации: работа имеет традиционную структуру и включает в себя введение, две исследовательские главы, заключение, список использованной литературы (177 наименований), список словарей и справочников (23 наименования), а также перечень источников эмпирического материала (27 наименований).

Глава 1. Промежуточные терминосистемы узкоспециализированных областей знания: проблемы становления

Современные процессы роста как общего объема информационных потоков, так и расширения сфер различных видов знания носят дихотомический характер. С одной стороны, наблюдается постоянное размежевание узкоспециализированных областей, вычленяющих в имеющемся информационно-знаниевом континууме предельные понятия и критериальные признаки описания и анализа явлений и феноменов в их конкретизированном представлении, с другой – отдельные дискурсивные практики, репрезентирующие сходные области, объединяются в их трансдисциплинарном пограничном описании. В рамках данных процессов неизбежен рост энтропийных явлений в ключевых способах интенсификации специализированного и промежуточного понимания основных единиц, транслирующих когнитивные ситуативные компоненты, т.е. узкоспециальных терминологических единиц. Так возникают промежуточные терминосистемы, данный термин достаточно распространен в исследованиях пятигорской школы (Акаева, Алимуратов, 2016; Лату, 2018) и предполагает конвергенцию фундаментальных и прикладных областей знания и терминологий, их обслуживающих. Мы же вводим в понимание данного термина ещё один признак, а именно: наддисциплинарную конвергенцию. При этом сам объект исследования когнитивной лингвистики и дискурсологии, терминосистемы которых и подвергаются анализу в нашей работе, предполагает инструментарий для метаязыкового описания как фундаментальной методологии, так и прикладных, воплощенных в материи языка способов и приемов осуществления лингвокогнитивной деятельности, что отвечает признакам «промежуточности», постулируемым учеными

пятигорской школы. Для снятия этой проблемы и подготовки прочного основания дальнейшей терминологизации необходима выработка единых моделей актуализации ищущих вербального воплощения компонентов и конкретизаторов отдельных граней терминологизируемого понятия. На протяжении долгого периода существования научного знания как такового проблемы формирования ментальных формант в общей системе теоретического осмысления, их дальнейшей вербальной репрезентации и внедрения в формирующуюся систему новых элементов представляли наиболее сложные вопросы для лингвистической науки в целом и для терминоведения в частности. Создание непротиворечивых и адекватных той или иной области информационно-знаниевого континуума терминосистем в аспекте их комплексного воздействия на всё общество является первостепенной задачей.

В рамках исследования данных процессов транстерминологизации и освоения заимствованных терминов в новой контекстуальной области научного знания в последнее время появляется множество работ, посвященных различным аспектам этой проблематики. Так, исследовательский интерес некоторых ученых, например Ж. Фоконье, М. Тёрнера и др., направлен на анализ механизмов и ключевых факторов концептуальной интеграции при образовании бленда как семантического пространства для представления нового (конкретизированного или генерализованного) смысла (Fauconnier, Turner, 2002). Модели интенсификации различных фреймов при создании нового концептуализируемого понятия (нового смысла, не являющегося суммой исходных компонентов) на основе сложившихся вербализаторов подвергается анализу в работах отечественных ученых (Кубрякова, 2002; Залевская, 2004). Подобный интерес к транстерминологизации, под которой принято понимать как процесс, так и результат перемещения имеющейся в той или иной дисциплине термиединицы в смежную или дистантную

область знания, которые сопровождаются трансформацией или модификацией его содержания и созданием междотраслевого онима (Ермакова, 2018, с. 221). Этот процесс обусловлен самой природой когнитивно-дискурсивного подхода, согласно канонам которого «каждое языковое явление должно изучаться в двух его аспектах: как когнитивном, так и коммуникативном (дискурсивном)» (Кубрякова, 2009, с. 6), причем указанные аспекты исследования, как предполагается, не противоречат друг другу, а стремятся к взаимодополнению. В качестве обозначения специфических механизмов адаптационных процессов при транстерминологизации в несмежных, но коррелирующих областях информационно-знаниевого континуума нами избраны термины *транспозиция* и *трансгрессия*, под которыми в нашей работе будет пониматься не стандартное заимствование, а дихотомический процесс преодоления предела (Подорога, 2011, с. 91), ограничения интерпретации терминологизированного понятия, наложенного конситуативной областью исходной терминологизации по эксплицитной (трансгрессия) или же имплицитной (транспозиция) модели.

Базой транспозиции и трансгрессии служит современная специфика развития и функционирования отдельных областей информационно-знаниевого континуума – перманентная когнитивно-коммуникативная деятельность в сфере науки не только способствует расширению трансдисциплинарных областей получения новых знаний, но и спецификации новых конситуативных ограничений интерпретации актуализируемого значения термина. При подобном подходе между языковыми структурами, вербализующими специфицирующие или генерализующие компоненты содержания понятия, обладающего склонностью к моноинтерпретации, в дискурсивном процессе актуализируются различные форматы знания (фреймы, сценарии, концепты, понятийные и концептуальные категории и т.д.). В этом случае в

пространстве транстерминологизации устанавливаются четко определенные отношения репрезентации, при которых языковые структуры как бы «замораживают» наши мысли в форме конкретного феномена – объекта мыследействования (Щедровицкий, 1999), поддающегося тщательному рассмотрению во множестве когнитивных ракурсов и препарированному на составляющие. Это и есть отдельные знаниевые (когнитивные) компоненты общего пространства интерпретации, исследование информативной репрезентации которых является ключевой проблемой интенсификации и трансляции той или иной научной концепции, формирующей условия констатирующего восприятия на основе апперцептивной рефлексивной верификации, т.е. в рамках системы замыкающейся на самой себе, но в то же время органично включающей обоснованные условиями транстерминологизации элементы.

1.1. Информационно-знаниевый континуум: типы представления знаниевых компонентов в текстовом пространстве

На настоящий момент интенсивное развитие научного знания и технический прогресс обуславливают необходимость создания особого пространства взаимодействия по выражению формирующихся и трансформирующихся ментальных пространств. Данные области науки и техники не просто активно входят в жизнь современного обывателя, но и являются собой основу для построения узкоспециализированных областей и трансляции результатов, полученных на основе исследований данных сфер знания, в широкое научное сообщество, которое часто представляет

антагонистичное направление в конкретной области знания. Информация, эксплицированная вне рамок привычного номинирования, воспринимается или интерпретируется неадекватно, в случае отсутствия у гипотетического реципиента-интерпретатора необходимых «схем действований» по работе с текстовым пространством в вертикальном контексте новой сферы деятельности.

Процесс представления нового знания в текстовом формате является предельно осложненным не только отсутствием адекватных единиц, однозначно и точно выражающих ментальные конструкции, но и перманентным изменением вербализованного и порождаемого «внутреннего» знания, т.е. двойственной природой самого «информационно-знаниевого континуума». Данный термин был введен С. В. Серебряковой и Е. Е. Плохой в рамках изучения пространств представления когнитивной информации и способов её транслирования как в первичных, так и во вторичных научных текстах. Под ним понимается некое «единое пространство познания и коммуникации» (Серебрякова, Плохая, 2018, с. 130). Следует указать, что понятие континуальности для описания смешения текстовой и объективной реальностей использовалось и ранее. Например, в работе И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования (2006) континуальность именно текста достигается за счет нарушения континуальности реальной (Гальперин, 2006, с. 87). Конечно, характеристики переплетения и нелинейности изложения присутствуют и в нашем понимании континуума, но в случае понимания информационно-знаниевого континуума, как это изложено в работах С.В. Серебряковой и Е.Е. Плохой, т.е. как вербально-когнитивного единства, объективная, рефлексивная и текстовая реальности оказываются тем самым пространством интерпретации, который и подвергается анализу. Контаминированные процессы построения специального текста отдельной предметной области отличаются поэтапным формированием понятийного аппарата, который призван не только наиболее

точно передать ментальные корреляты своих ментальных единиц, но и служить потенциальным базисом для создания новых ассоциативных гнезд, которые позволят развить ту или иную теорию или концепцию в вербальной форме. Этапы формирования текстового пространства и соответственно терминосистемы пригодной для актуализации различных нюансов интерпретируемого понятия, а значит и для создания ассоциативных гнезд в процессе дальнейшего научного осмысления предметной области представляют органичное единство деривации, трансляции и интерпретации: 1) понимание проблемной области анализа и рассмотрение эмпирически верифицируемых областей; 2) подбор актуальных моделей вербализации нового знания; 3) выявление наиболее эффективных способов актуализации специфических компонентов понятий средствами языка; 4) определение на основе коррекции и рефлексивной верификации адекватности вербализованного понятия; 5) имплементация в текстовом пространстве схем действия по распрямлению актуальных смыслов; 6) анализ деривативного потенциала терминологизированного понятия в аспекте расширения гнезд ассоциатов и новых терминосистем (Bredikhin, Pelevina, Abakarov, Makhova, 2021, p. 305).

С учетом того, что последний этап призван упрочить положение новых моделей представления знаниевых компонентов, он является и отправной точкой для создания нового витка герменевтической спирали по изучению того или иного феномена, а значит вызывает к жизни повторение ротационного процесса, вновь повторяющегося с первого этапа. Таким образом, по справедливому замечанию С. В. Серебряковой и Е. Е. Плохой, «весь информационно-знаниевый континуум в его диалогическом единстве образует познание как таковое, представляющее собой общее пространство смыслопорождающей активности, ментальной работы, которая осуществляется на основе эксплицитной и имплицитной информации» (Серебрякова, Плохая, 2018, с. 134).

Процесс вербализации отдельных областей информационно-знаниевого континуума осложнен множеством корреляций ментальных и вербальных пространств. По самой своей сути каждый из специальных подязыков представляет собой не только результат интенциональной рефлексии над феноменами объективной реальности, но и адекватный инструмент когнитивной деятельности по оперированию явлениями той или иной области знания. Процессы категоризации и концептуализации объективной действительности происходят именно в рамках её вербального освоения (Кубрякова, 2009, с. 5). Следовательно, в процессе анализа способов представления знаниевых компонентов необходимо учитывать не только когнитивные механизмы имплементации ментальных областей и их структуризации, но и формальные аспекты языковой репрезентации, т.е. взаимонаправленные процессы опредмечивания и распредмечивания информационно-знаниевых пространств. Эта дихотомия в вербализации ментальных объектов и последующий их перевод вновь из текста в рефлексивную сферу является основой генерации, обработки (категоризации), фиксации и переработки (модификации) полученных перцептивно и апперцептивно данных (Ширяева, Литвишко, 2021). Блоки информации, таким образом, представляют собой нечто ситуативное, темпоральное, непосредственное, а знание – это интимизированный и пакетированный в сознании конструкт, нечто наличное, служащее точкой отсчета для сравнения с элементами, получаемыми в информационном потоке (Кубрякова, 2009, с. 9).

Само осознание необходимости выражения и трансляции гипотетическому адресату отдельных компонентов ментальных конструкций включает в себя несколько предварительных операций (предданностей). Ими являются восприятие объективного явления, активизация его критериальных характеристик «для себя» (распредмечивание), модификация в конситуативном пространстве интерпретации и дальнейший поиск

опредмечивающих возможностей и трансляцию в информационном потоке (Stillings et al., 1998, p. 20). А в случае повторения подобных операций в отношении рефлексивного явления, т.е. осознания необходимости перевыражения уже опредмеченного в протовысказывании знаниевого компонента, может трактоваться как своеобразная операция по исчислению и интерпретации информационного потока (Алимурадов, 2010, с. 25).

Таким образом, взаимное перетекание информационных и знаниевых компонентов осуществляется в рамках вербализации. Как указал А. Д. Урсул, информационный поток как вербализованное представление рефлексивных феноменов может быть охарактеризован не только свойством отражения объективной реальности, но и вариативностью (разнообразием) её интерпретативных аспектов (Урсул, 2010, с. 27). Тот же критерий множественности интерпретативных вариантов подчеркивает и У. Л. Бриллюэн, для которого информация описывается прямой функцией «отношения числа возможных ответов до и после (получения сообщения) (...)» (Бриллюэн, 1960, с. 15). Точность же и однозначность, пытающиеся свести к минимуму интерпретативную вариативность, которая соответствует экспликации узкоспециализированной области информационно-знаниевого континуума, должны фиксироваться именно в понятиях, дающих возможность прогнозирования дальнейшего развития этой сферы (Урсул, 2010, с. 218). При этом вариативность возможна не только в самой форме представления терминологизируемого понятия, но и в конситуации функционирования, что по большей части обусловливается «нестабильностью компонентов их системно-структурной организации, прежде всего экспонентных и понятийных характеристик» (Лемов, 2000. с. 9).

Эта информативная составляющая трансляции информационно-знаниевого континуума обладает признаками единообразного, цельного и формального представления, т.е. вне зависимости от вариативности

содержания отдельной области, способы вербализации зачастую универсальны, а различные номинанты представляют лишь условные позиционные в предметной области эквивалентны, детерминируемые потребностями выявления и констатации ядерного компонента (Иванова, 2010, с. 183). Именно этим формально-информационным компонентом и обеспечивается формирование коллективного пространства понимания. План выражения (способы опредмечивания знаниевых компонентов) унифицируется. И это касается не только лексических и синтаксических аспектов академического стиля, но и имманентно присущих схем аргументации, интенсификации и актуализации абстрактности и всеобщности. Данные унифицированные модели опредмечивания знаниевых компонентов в языковых структурах позволяют трактовать когнитивные процессы именно как совокупность операций по восприятию, интерпретации и дальнейшей трансляции информации. При этом исходное «предзнание» в результате постоянных модификаций может привести к появлению новых понятий, воплощающих «движение мысли» и способных найти вербализацию в новых языковых конструкциях, уже не обязательно отвечающих требованиям эмпирической верификации, но обязанных соответствовать критериям верификации рефлексивной (Урсул, 2010, с. 216). Данный процесс, опредмечивая в материи языка знаниевые компоненты, легитимизирует, дезавуирует или конкретизирует ту или иную информационную модель действительности, созданную в определенной части информационно-знаниевого континуума.

Каждый из этапов формирования текста как опредмеченной рефлексии, призванной эксплицировать некую часть информационно-знаниевого континуума, содержащего множество суждений, сложившихся на основе как знаниевых, так и информационных предданных, характеризуется интенциональностью и содержательностью, т.е. знание, тем более воплощаемое в специальном тексте, всегда опредмечивается сознательно в

процессе трудного выбора не только адекватных компонентов потенциально понимаемых реципиентом, но и языковых способов выражения, способствующих данному пониманию (Катречко, 1999, с. 68). В вербализационном процессе ведущую роль занимает именно интенция, как неоднократно подчеркивал уже Дж. Р. Сёрл, наделение некоего феномена потенциально познаваемым и способным к трансляции смыслов всегда сопряжено с так называемым намерением означивания (meaning intention) (Searle, 1983). Константа интенциональности в качестве одной из наиболее значимых в порождении нового содержания понятия и инструмента осмысливания объективной реальности и интерпретации текстового пространства указывается и в работах С. Н. Бредихина наряду с субъективностью и модальностью (Бредихин, 2015). Совокупность реализации в языковом представлении этих констант порождает не только максимально возможный в аспекте адекватности мыслительному содержанию текст, но и дает возможность имплементировать в него «схемы действия» по дальнейшему распрямечиванию реципиентом, что в итоге и создает единое пространство понимания.

Дифференциация этого намерения по «внедрению» собственных знаниевых компонентов в текст с помощью языковых единиц различного уровня представляется основополагающим принципом как в когнитивной лингвистике, так и в лингвофилософии. Когнитивистское понимание данного принципа, мы полагаем, более широко. Даже сама коммуникативно-коммуницирующая система, т.е. язык и агенты коммуникации со своими рефлексивными пространствами, «жаждущими» выражения, – уже содержит указание на способы оптимизации положения конкретной области во всем информационно-знаниевом континууме, да и самой системы в ряду других систем. Т.е. промежуточная терминосистема, содержащая заимствованные терминологизируемые в новом контексте единицы, занимает определенное место среди других терминосистем благодаря намеренности своего создания

и позиционирования. При этом все же следует признать, что для подобного рассмотрения необходимо классическое матурановское допущение о вариативности интерпретации и адекватности доступных для познания и дальнейшей трансляции объективных и рефлексивных реальностей, которое коренится в самой биологической концепции когниции (Maturana, Poerksen, 2004). Вне зависимости от антропоцентричности когнитивных процессов человек-познающий, в отличие от человека-рефлексирующего (*homo reflectibus*) (Бредихин, 2014 б), всегда сталкивается с парадоксами познания и понимания, которые основываются на принципиальной сокрытости некоторых аспектов исследуемого и описываемого феномена. Эти «теневые» области информационно-знаниевого континуума и стремится «высветить», осознать и транслировать узкоспециализированный текст трансдисциплинарной области знания, создаваемый на основе интенциональной активной рефлексии, распредмечивая и повторно опредмечивая все ипостаси исследуемого феномена. Именно такое представление знаниевого компонента в текстовом пространстве не стремится к абсолютизации аутопоэза (саморегуляции) в стереотипном, эталонном понимании, но обеспечивает как субъективную, так и объективную осмысленность вербализуемых понятий.

Данные постулаты значимы для случаев, когда вербализуется знание не непосредственного человеческого опыта, а информационные компоненты, которые, несмотря на предварительное языковое представление, все же являются в своих индивидуальных и эпизодических компонентах нетранспарентными для реципиента в полном объеме. В этом случае неработающим оказывается «семантизирующее понимание» (Богин, 1993), ведь анализ только языковых форм не дает доступа ко всем возможным смыслам. Это соответствует мысли У. Матураны о том, что недоступность чужого знания, получившего однажды эмпирическую верификацию, выражается именно в определенной степени неадекватности моделирования

воспринимаемой области информационно-знаниевого континуума. Т.е. при семантическом понимании возможным представляется только субъективное начало в сравнении имеющихся у реципиента знаниевых компонентов с воспринимаемыми, а это означает постоянное формирование относительных, субъективных систем (Глыбин, 2006, с. 35).

Субъективность системы понимания и трансляции воспринятого только из информационного потока знания ставят вопрос об объективности его дальнейшего перевыражения и трансляции (Агафонов, 2003), а также адекватности стереотипного моделирования областей информационно-знаниевого континуума. На основе этого сомнения можно поставить вопрос и об адекватности той или иной картины мира вне зависимости от лингвокультуры функционирования. Наличие вариативных и конкурирующих систем имплементации знаниевых компонентов возможно объяснить исходными, которые были сформулированы ещё Д. Юмом, – при условии, что слова есть отражение идей, то как говорящий может быть уверен в совпадении идей слушающего со своими (Юм, 1967, с. 158). Так рождается методологический парадокс вербальной экспликации компонентов информационно-знаниевого континуума.

Широкие возможности преодоления подобного парадокса открывает интенсификация личностного, ситуативно детерминированного в преломлении через коллективное, конвенционализированное. Основы исследования такого типа вербализации ментальных структур были положены в конце XX в. работой Дж. Лакоффа и М. Джонсона, явившейся отправной точкой биокогнитивизма нового формата, “Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought” (Lakoff, Johnson, 1999). Ключевым постулатом данного подхода наряду с интенциональностью можно признать репрезентируемость, т.е. опредмечиваемость информационных компонентов. Их распредмечиваемость в сознании не подвергается сомнению ведь иначе базовая функция информации не может

быть реализована в принципе. Репрезентируемость знаниевых компонентов, полученных на основе эмпирики и рефлексии, зиждется на обязательном наличии системы кодирования, которая и представляет собой материальную надстройку над идеальным базисом рефлексивного мира (Stillings, 1998, p. 6). Этой системой кодирования для банальной трансляции ноэватической (неосознанной и ненаправленной) рефлексии является естественный язык с его единицами, имеющими знаковую природу, правилами регуляции сочетаемостных потенций (синтактикой в широком смысле). Трудности возникают при невозможности данной системой обеспечить транслируемость таких компонентов рефлексивной реальности, которые осложнены субъектно-объектной асимметрией. Такой системой инкодирования служат различные метаязыки, в которых семантическая интерпретация не только сложных, но даже элементарных знаков создаваемой для решения специальных задач системы не всегда адекватна законам композиционной семантики и невариативным алгоритмам (Bredikhin, Pelevina, Abakarov, I. N. Makhova, 2021, p. 308).

Ключевым в данном случае представляется именно следование конвенциональным и незуальным моделям экспликации взаимовлияния и модификации ментальных пространств в вербальном выражении в соответствии с законами семантической интеграции знаков той или иной языковой системы. Прорывными в аспекте анализа и создания методологии по исследованию композиционных параметров комплексных вербализаторов, а также выделению и описанию различных механизмов актуализации периферийных или же вновь формируемых содержательных компонентов значения в генерализованное целое являются работы Ж. Фоконье и М. Тернера (Fauconnier, Turner, 2002; Turner, 2006).

Однако сама специфика вербализации компонентов ментального пространства в текстовом целом создает проблему дальнейшего распредмечивания смысла, изложенного в рамках эмпирической

верификации. Некоторые исследователи отмечают, что «любой взгляд на язык как знаковую систему человеческой коммуникации» (Кравченко, 2006, с. 136) представляет собой операцию интроспективного характера, т.е. индивидуальная интроспекция и представляет собой этот порог интерпретации. Это значит, что каждый из элементов информационно-знаниевого континуума, вне зависимости от типа источника получения первичного (эмпирического) или вторичного (рефлексивного) знания, в условиях его вербализации будет требовать только рефлексивной верификации. При этом сами вербализованные понятия в метаязыке описания, в промежуточной терминосистеме, будут уже создаваться и функционировать на третьем уровне абстракции, ведь «в основе нашего говорения о механизмах языковой деятельности лежит сам язык» (Эко, 2004, с. 31). При этом не решенным в системе любого неинтегративного представления остается вопрос о единообразной (вербальной) форме репрезентации ментальных конструкторов, имеющих разный как по объему, так и по типу имплементации формат. Примарным принципом выражения в данном случае должны становиться распрямление и повторное опредмечивание именно внеязыковых, конситуативно ограниченных информационных структур.

Безусловно, каждый из вербальных репрезентантов ментальных (знаниевых) компонентов является одновременно структурой, хранящей ключ к распрямлению собственного содержания, однако на уровне неинтенциональной рефлексии этот принцип работает в аспекте понимания только конвенционализированных элементов в привычном для вербализатора контексте. Создание нового контекстуального окружения полностью трансформирует иерархию компонентов внутри терминологизированного понятия, а прошедшие актуализацию новые знаниевые компоненты создают для себя новое поле интерпретации, т.е. происходят именно процессы транспозиции и трансгрессии – «слома» исходных ограничений системы и

создания новых в другой системе. Таким образом, именно трансдисциплинарная вербализация «как особая область когнитивных взаимодействий» (Кравченко, 2006, с. 154) дает возможность представления и трансляции находящихся на стадии формирования областей информационно-знаниевого континуума, которые представляют собой по большей части контаминированные пространства «мышления на грани и за границами языка» (Бредихин, 2014 а, с. 8).

Текст, который создается с целью трансляции вышеописанных ментальных конструктов, сам по себе, вне конситуативного интерпретативного пространства, ограничивающего и конкретизирующего распределение содержания, не представляет собой меру соответствия терминологизированного понятия рефлексивной верификации. Однако он задает верный вектор распределения, отсылая к области информационно-знаниевого континуума, релевантной для данного распределения. Это значит, что текстовый продукт имплементации знаниевых компонентов имеет прямую связь не только с пониманием коммуникативной ситуации, адресантно-адресатной фокусности и решением конкретных коммуникативных задач (Караулов, 1987, с. 55), но и с тем парадигмальным пространством, в котором и существуют необходимые для интерпретации условия и ограничения, т.е. с областью информационно-знаниевого континуума.

В коммуникативном процессе, т.е. по сути, процессе трансляции знаниевых компонентов в информационном потоке, текст является тем содержательно-смысловым единством (Леонтьев, Шахнарович, 1983, с. 73), которое не только в своей континуальной форме определяет вектор распределения, но и в своем результирующем понимании создает модификации информационно-знаниевого континуума. По замечанию Т. М. Дридзе, актуализация знаниевого компонента текстовой реальности в своей предметности ориентирована не на вербализацию «...смысловой

информации вообще, а смысловой информации, цементируемой замыслом, коммуникативно-познавательным намерением» (Дридзе, 1984, с. 57), т.е. информации, легитимизированной именно специализированной областью трансляции. А потому коррелятивные отношения вербальных и мыслительных пространств должны обеспечиваться органичной связью как лингвистических средств (цельности, связности, законченности, объективности, коммуникативности), так и экстралингвистических параметров (интенциональности, ситуативности, субъективности, модальности) (см. Сорокин, 1985). Создание органичного пространства трансформации информационных компонентов в знаниевые и наоборот предполагает прогностику особого рода, основанную на социокогнитивном моделировании (Ширяева, Авшаров, 2018) как динамики линейного развертывания информационного потока, так и векторов возможного расширения конкретной области информационно-знаниевого континуума.

В рамках реализации главной цели – трансляции знаниевых компонентов, текст всегда в ряде ключевых задач обеспечивает и решение задачи по актуализации различных видов информации в общем потоке. При этом имплементативной основой именно знаниевых компонентов является когнитивная информация, реализуемая в большинстве случаев конвенционализированным набором языковых средств (Серебрякова, Плохая, 2018). Именно когнитивная информация представляет собой ту «струю» информационного потока, которая и является транслятором и основой закрепления актуализируемых знаниевых компонентов. Базовые характеристики когнитивной информации (осмысленность и потенциальная возможность не только восприятия, но и интерпретации, верификации и т.д.) всегда сопровождаются «согласованностью с окружающей нас действительностью» (Тюленев 2004, с. 218), т.е. релятивностью той области информационно-знаниевого континуума, которая и является детерминантой опредмечивания и распредмечивания необходимого смысла. Эта же

«согласованность» дает возможность модифицировать области этого континуума в рамках как рефлексивных, так и реальных действий, иными словами «изменять в ходе своей деятельности окружающую действительность» (там же).

Таким образом, познание, текстопостроение и реальное действие в рамках дуалистического представления (на соединении вербалики и ментальных пространств) может быть воспринято как недискретный механизм, наиболее удачно описываемый в терминах нерасчлененного семантического понимания, как слово, представляющее собой действие в объективном мире (по типу древнегерманского глагола *mahalen* – *и делать и говорить*) (Бредихин, Махова, 2022, с. 110). Актуализации в данном случае подвергается именно комплексный процесс познавательной, инструментальной и креативной деятельности человека. Каждый из этих видов деятельности предполагает возможность своей реализации не только в объективной реальности, но и в рефлексивной, а значит, когнитивный (знаниевый) компонент текстового пространства «отражает фрагмент действительного или / и возможного мира в его преломлении в сознании субъектов текстовой деятельности, соотнесенный с конкретной социокультурной средой и замыслом автора» (Баранов, 1993, с. 87). Добавление в диаду функционально-прагматического направления детерминативной области информационно-знаниевого континуума, превращает механизм представления ментальных конструкций в тексте в функционально-прагматико-релятивный феномен.

Распредмечивание знаниевых компонентов, как и их дальнейшая трансляция в текстах специализированных областей знания, зиждется, прежде всего, на восприятии и интерпретации именно когнитивной информации, которая оформляется с учетом трёх устоявшихся параметров: объективности, абстрактности и плотности (компрессивности) (Алексеева, 2004, с. 257), в которых к сфере объективности мы можем отнести и привязку

к конкретной области информационно-знаниевого континуума. Учитывая специфику того или иного типа представления различных компонентов смыслового содержания в научных текстах, можно сделать однозначный вывод о том, что наибольшим экспликаторным потенциалом и областью контаминации отдельных элементов обладает именно терминологизируемое понятие, вербализующее когнитивную информацию. Данный факт обуславливается, прежде всего, когнитивными характеристиками ментальных конструкций в различных сферах науки (возможностью осознания содержания, возможностью объективации, максимальной конкретизацией объекта, принадлежностью к конкретной парадигматической сети, т.е. детерминированностью самой функциональной сферой) и коммуникативно-прагматическими свойствами вербализаторов (точность, однозначность, принадлежность к конкретной терминосистеме и т.д.). Таким образом, наблюдаются четкие корреляции актуализируемых элементов ментальных конструкций с вербализуемыми в тексте информационными блоками, отвечающими вышеозначенным характеристикам. Место и ценность компонентов, вербализующихся в конкретном дискурсивном пространстве, представляют собой не только результат процессов категоризации, но и ключевой фактор, определяющий вектор специализированной коммуникации, формирование и трансляцию определенных смыслов и установок (Багиян, Ширяева, Аракелова, 2019, с. 33).

Знаниевые компоненты не могут в рассматриваемых специфических пограничных областях пониматься только в качестве результатов механизмов когниции, они опредмечиваются в динамическом процессе постоянной их вербализации и последующей модификации сфер информационно-знаниевого континуума. Подобное рассмотрение базируется, прежде всего, на восприятии продуцента как субъекта когниции не только в рамках предметно-практической, но и когнитивно-коммуникативной деятельности –

в вербальном представлении ментальных конструкций, полученных как в случае объективной, так и рефлексивной верификации. Вследствие этого когнитивные процессы формирования и актуализации компонентов «преодоления» границ при транспозиции и трансгрессии вербализатора действуют наряду с множеством других аспектов целостной интеракции продуцента – текста – реальности – реципиента. Глубинное содержание знания, формируемое в процессе когниции, органично экстраполируется при распределении вербальной информации на цели, а, следовательно, и на смыслы когнитивной деятельности субъекта. Каждый когнитивный процесс с самого момента определения предмета познания и вплоть до его «завершения», т.е. опредмечивания в виде информации в вербальном воплощении (терминологизированном понятии), способной служить основой для дальнейшего производства нового знания, может рассматриваться как понимание в широком смысле этого слова. Взаимоотношение понятий «конситуативно интерпретируемые», «отрефлектированные» знаниевые компоненты и зашифрованная в языковых выражениях «информация» необходимо связываются с понятием «значение» термина в той или иной системе, относимого к сфере конвенционализированных систем, имеющих различный характер. В следующем параграфе нами будут рассмотрены различные характерологические признаки как открытых, так и закрытых терминосистем в аспекте формирования специфических промежуточных видов, описывающих формирующиеся пограничные области информационно-знаниевого континуума и требующие задействования механизма транспозиции и трансгрессии.

1.2. Типы терминосистем: открытые и закрытые системы терминологизации

В процессе постоянной трансформации типов систематизации знания, в условиях расширения как междисциплинарных связей, так и тесного взаимодействия различных течений и концепций в сходных областях современного научного знания, формируются не только интегративные и промежуточные отрасли, но радикально перестраивается и весь понятийный аппарат подобных дисциплин. Возникновение новых и констатирующее переосмысление существующих терминологизированных понятий резко увеличивает потребность в модификации номинационных моделей. Этот процесс некоторые ученые называют «терминологическим взрывом» (Гринев, 1993, с. 9), при этом появление или же трансформация содержания того или иного термина в условиях создания нового знаниевого контекста сопровождается модификацией всей существующей или формирующейся терминосистемы. С проблемами отнесения той или иной единицы к терминосистеме, а значит и с выведением четкого определения термина (установления его критериальных признаков, отличающих его от иных функциональных эквивалентов), наука столкнулась достаточно давно, сейчас насчитывается более 20 дефиниций (Даниленко, 1987). Однако список классификационных ограничений, позволяющих определить потенциал вхождения единицы в систему метаязыкового описания, продолжает расширяться. В значительной части интроспективный характер ноэтической рефлексии при создании или переосмыслении термина обуславливает стихийность данного процесса, но рассмотрению в нашей работе подвергаются промежуточные терминосистемы лингвистических отраслей знания, а потому перед нами стоит задача описания именно

процессов и механизмов интенциональной транстерминологизации, включающей процесс создания новых функциональных полей, новых ограничительных условий означивания для заимствуемых терминов вне зависимости от экспликации новых парадигматических связей в дефиниции – транспозиции и трансгрессии. Именно создание из саккадического стихийного процесса управляемого вектора дает возможность выстраивать терминосистему «по правилам», формировать единое пространство восприятия её единиц (Азимов, 2010, с. 5).

Терминологизированные понятия, представляющие собой некий набор конситуативно детерминированных актуализированных знаниевых компонентов, не только определяют семантику термина, но и формируют на основе базовых элементов принципы систематизации и иерархизации создаваемого «концептуального пространства» информационно-знаниевого континуума. Однако парадигматическая системность понятийного ряда дополняется и повторно верифицируется системностью лингвистического характера, эксплицируемой постоянным проявлением у вербализаторов понятийной общности определенного набора языковых признаков, что определяется способами номинирования и принадлежностью вербализаторов как к вторичной системе (языку), так и третичной системе абстракции (метаязыку). Эта лингвистическая системность маркируется как линейными, так и нелинейными моделями объединения не только элементов, но и subsystem (Конечкая, 1984, с. 26). Таким образом, системность как возможность очерчивания вокруг себя определенного круга функционирования и детерминирования связей с другими иерархически выстроенными элементами некоей концептуальной совокупности является одним из ключевых, если не доминантным признаком термина, определяющим саму возможность его существования (Акулинина, 2003, с. 17). Следует отметить и особый вид системности терминоединицы, а именно имманентную (внутренне присущую отдельному элементу), минимальные

единицы которой рассматриваются в трех планах терминологии: экспонентном, понятийном и денотативном (Лемов, 2000, с. 16). Существование системной организации составляющих обязательно предполагает наличие системности на макроуровне надсистемы, т.е. имманентная системность термина обеспечивает системность метаязыка. Именно в аспекте этой детерминирующей иерархической общности компоненты можно говорить о различии терминологии и терминосистемы. Так, по мнению одного из известнейших отечественных терминологов В. М. Лейчика, критерий объединения отдельных элементов конситуативными связями, демонстрирующими взаимоотношения их содержательных компонентов в условиях конситуативной интерпретации при представлении единой целостной концепции или теории, является ключевым при делимитации терминосистемы от терминологии как неиерархизированной совокупности номенов терминологических понятий (Лейчик, 1981, с. 64-65).

Однако наполнение этого критерия выделения терминосистемы в различных терминоведческих концепциях трактуется по-разному. Так, некоторые ученые считают, что для формирования системных отношений достаточно наличия некоторого ряда номинантов в едином «терминополе», которое представляет собой перечень взаимосвязанных специальных понятий, т.е. ориентируются только на план содержания (см. Акулинина, 2003, с. 62-64). Другие исследователи включают в перечень обязательных условий формальные признаки вербализации, т.е. план содержания обязан иметь функциональную привязку только в условиях конкретного плана выражения, ментальные корреляты (понятия) в данном случае не являются самой системой, но обуславливают векторы систематизации последней и определяют экспликативные возможности номинации с той или иной степенью точности, однозначности и полноты (см. Акулинина, 2003, с. 75).

В настоящее время разграничение понятий «терминология» и «терминосистема» привело к неоправданному опрощению понимания

терминосистемы только как некоей закрытой совокупности, в которой функциональными потенциями, ограниченными практикой применения, обладают только конвенционализированные номинанты. В этом случае терминология и формируемая закреплением внутриотраслевых парадигматических связей терминосистема противопоставляется лексике естественного языка, а её элементы, детерминированные текстовой конситуативностью, включаются в особые замкнутые терминологические поля (Капанадзе, 1965, с. 86). И именно кодификация и унифицированность интерпретации создают, по мнению некоторых ученых, не только системность, но и фиксированность (закрытость) рассматриваемых систем (Кобрин, 2003, с. 37). Жесткое разграничение терминов и нетерминов (языковых единиц, не относящихся к метаязыкам специального описания) включает в ряд характерологических признаков (точность, однозначность и т.п.) такой критерий, как «независимость от контекста», однако в условиях промежуточных терминосистем, в рамках создания их на основе транспозиции и трансгрессии, понятие контекста расширяется от вербального, текстового пространства функционирования до глобальной области информационно-знаниевого континуума. Это значит, что о закрытости подобной терминосистемы не может идти и речи.

Таким образом, четкая делимитация терминологизированных единиц, функционирующих в том или ином метаязыке, содержание которых распредмечивается только в контексте определенной области знания, от сходных по моделям образования и демонстрирующих лишь большую степень полисемичности и привязки к вербальному контексту слов естественного языка, по мнению ряда терминоведов, не вполне оправдана (Головин, 1976, с. 23). При этом возможности как одних, так и других единиц к лексико-семантическим преобразованиям (не говоря о типе данных модификаций – интенциональных или же естественно происходящих) позволяют выделить критерий специализированной конситуативной

соотнесенности в качестве ключевого при отграничении терминосистемы как иерархизированной совокупности формальных единиц в рамках той или иной научной системы, при этом рассматриваемые единицы [термины] характеризуются четкой дефиницией только в рамках этой системы (Bussmann, 1998, p. 479).

С другой стороны, степень интенциональности модификации содержания единицы, безусловно, влияет на системные характеристики терминологизируемой единицы и саму возможность формирования относительно закрытой области применения. Так, по мнению В. М. Лейчика, стихийно и сакадически появляющиеся квазитермины, обозначающие терминологизируемые понятия и функционирующие в открытом пространстве формирующихся областей знания, не создают терминосистемы, но описывают круг терминологии, а интенционально создаваемые на основе конвенционализированных моделей и стремящиеся к очерчиванию четких границ функционирования будут входить именно в терминосистему (Лейчик, 1979, с. 107). Интенциональность в актуализации знаниевого компонента единицы – это ключевой фактор формирования ядра в иерархии терминосистемы: чем выше степень интенциональности, иллюкативной цели конкретизировать и специфицировать содержание терминологизируемого понятия, тем четче и прецизионнее описание и структурирование терминологических гнезд в той или иной области знания и её эксплицирующей терминосистеме. Необходимо оговориться, что сами по себе различные структурные отношения (родо-видовые, атрибутивные, функциональные и др.), существующие между единицами, не создают систему, это лишь логическая схематизация совокупности единиц. Относительно ограничить функциональное поле термина позволяет дальнейшая дефиниция и нивелировка первоначальной «зонтиковости» (Воркачѳв, 2003) терминоединицы.

В рамках рассматриваемых нами трансдисциплинарных промежуточных терминосистем дискурсологии и когнитивной лингвистики присутствуют все традиционно выделяемые в других видах терминосистем группы элементов. В качестве первой и системообразующей можно выделить основные терминоединицы, вербализующие ядерные понятия рассматриваемой области информационно-знаниевого континуума, которые и образуют центральные понятия концептуальных гнезд. Производные от них конкретизирующие термины эксплицируют коррелирующие с ними видовые и аспектные понятия. Данные терминоединицы можно разделить по структурным основаниям на простые и сложные, при этом осложненность обязательно предполагает не простую конкретизацию, но формирование на основе нескольких ядерных или производных терминов номена нового терминологизированного понятия, содержание которого отлично от простой суммы исходных. Базовые терминоединицы вербализуют понятия трансдисциплинарных отношений в промежуточной терминосистеме, т.е. сохраняют компоненты функциональных ограничений в процессе транстерминологизации. Заимствованные термины, привлекаемые из смежных областей знания, не проходящие процесс трансгрессии, а внедряемые по принципу предметной смежности рассматриваемых феноменов и дающие понимание семейного сходства (*family resemblance*) отдельных концепций внутри единого научного направления, формируются на основе транспозиции без дифинитивного закрепления места внутри принимающей терминосистемы. Общенаучные термины вербализуют основные знаниевые компоненты как маркеры научности и аргументативности специализированного описания. Термины широкой семантики функционируют во множестве терминосистем без создания специфических функциональных ограничений (Лейчик, 2009, с. 126-128).

Наличие трансгрессионных элементов, а также компонентов, внедряемых без прохождения процесса транстерминологизации говорит о

дихотомичности формирования системы на основе взаимонаправленных механизмов дифференциации и интеграции. Функциональная нагрузка отдельных элементов терминосистемы позволяет не только структурировать их ряды, но и создавать целостную когнитивную модель описания области информационно-знаниевого континуума, что отвечает интегративному механизму формирования терминосистемы. Обеспечивается целостность системы и механизмами дифференциации в рамках интенциональной координации уровней иерархического взаимодействия элементов, процедур создания функциональных ограничений и делимитации специализированной области научного знания. В рамках действия дифференциальных механизмов выстраиваются не только субординативные отношения, создающие отдельные подсистемы концепций внутри единого направления, но и сверхсистемы, которые оказываются уже новой базой для следования принципам интегративности.

Следование этим принципам как системообразующим снимает традиционное разграничение систем на закрытые и открытые, так как условная устойчивость и перманентное обновление функциональных ограничений той или иной промежуточной интегративной терминосистемы не обеспечивает достаточного уровня самодерживания, служащего основанием для игнорирования множественных эффектов стороннего воздействия (адресантно-адресатной фокусности, расширения концептуальной области, смены векторов акцентуации и т.д.).

Таким образом, исследуемые нами терминосистемы представляют собой целостные открытые системы иерархизированных элементов, обеспечивающих генерацию и трансляцию нового знания в отдельной области информационно-знаниевого континуума, а значит оперативно и адекватно реагирующие на модификации конситуативного окружения.

Очевидным представляется тот факт, что не только системность, выверенная взаимосвязь и строгая иерархическая организация являются

критериальными характеристиками терминосистемы, но и высокая степень интенциональности в процессе создания и выстраивания её элементов. Таким образом, некоторые квазитермины или предтермины, демонстрирующие достаточную степень функциональной вариативности, т.е. именно те термины, которые зачастую успешно используются в промежуточных формирующихся терминосистемах, выпадают из рассмотрения терминоведческих исследований. Равно как и не обсуждается их системность, обеспечиваемая базовыми компонентами, актуализируемыми в конкретной области информационно-знаниевого континуума. Эти элементы как некое ядро притяжения элиминируют процессы «схлопывания» и превращения терминосистемы в закрытую и замкнутую, однако не снимают необходимости введения определенных ограничительных условий функционирования. Так, В. М. Лейчик утверждает, что отдельная терминосистема, описывающая конкретное познавательное пространство и функционирующая в своей иерархической организации, представляет собой когнитивную модель той или иной области знания, однако лишь в случае достаточного уровня категоризации и конвенционализации, достигаемого этой областью информационно-знаниевого континуума, т.е. при условии закрепившейся собственной теории, делимитации объектов и предметов исследования и связей между ними (Лейчик, 2009, с. 119). К критериальным признакам терминосистемы следует отнести и уже упомянутую нами выше иерархическую организацию, базирующуюся на внутренней упорядоченности входящих в неё элементов. Эта организация может быть названа структурной и продиктована системными аспектами, «нет системы без структурной соотнесенности элементов, как и нет структуры без системы элементов, характер соотнесенности которых она выражает» (Блох, 2004, с. 16-17).

Следует подчеркнуть, что системность, структурность, целостность, относительная устойчивость, формально-вербализационная и ментально-

содержательная связность элементов отнюдь не приводят к закрытости терминосистемы и не лишают её возможности расширения или модификации. Именно такое понимание промежуточных терминосистем порождает вопросы об их междисциплинарности или трансдисциплинарности. Принципы вхождения новых элементов в данные системы могут быть соотнесены как с первым типом актуализации знаниевого компонента, так и со вторым. Для нас ключевым является следование в процессе заимствования и адаптации терминоединицы определенным этапам, на которых и реализуются эти принципы. Кроме того, следует учитывать и уже упомянутые выше механизмы транспозиции и трансгрессии, как процесс «освобождения» от функциональных ограничений исходной терминосистемы и создание новых конситуативных границ в принимающей промежуточной терминосистеме, – ведь одна и та же единица в различающихся ситуативных (вертикальных) контекстах представляет собой уже не одну, но разные по своему наполнению и функциям единицы (Firth, 1956, p. 221).

На настоящий момент не существует единой и непротиворечивой позиции по проблеме соотношения понятий «междисциплинарность» и «трансдисциплинарность». Некоторые современные методологии постулируют тождественность данных подходов на основе принципа кооперативного взаимодействия в рамках преодоления ограничений, накладываемых конкретной функциональной областью (Mittelstrass, 1993). Другие утверждают, что в них есть принципиальные различия, так как трансдисциплинарность применяется к проблемам, выходящим за границы конвенционализированных областей информационно-знаниевого континуума и предметность её не унифицирована (Киященко, Моисеев, 2009, с. 22). Когнитивные области, требующие трансдисциплинарного заимствования в отличие от междисциплинарной интеграции, предполагают аргументированный слом ограничений в конситуативной интерпретации и

выстраивание нового поля применения и понимания, т.е. задействование механизма трансгрессии, некоего «сдвига в пограничную с жизненным миром сферу» (Киященко, 2006, с. 18), и транспозиции – привнесения элемента без экспликации изменений парадигматических связей. Данные транстерминологизационные механизмы порождаются не только несовпадением конвенционализированных областей, но и «языковой несовместимостью» терминосистем, эксплицирующих их когнитивное пространство. Междисциплинарные области знания, как и интегративные терминосистемы их обслуживающие, не предполагают девальвации конситуативных делений, а лишь нацелены на кооперацию для создания более широкого интерпретативного пространства. Трансдисциплинарные области, коими и представляются современные лингвистические направления дискурсологии и когнитивной лингвистики, снимают категориальные рамки конкретной лингвистической концепции и формируют «экстра-систему» терминов. Под экстра-системой терминов понимается органичная взаимосвязь системы терминов и понятий, стоящих за ними, как надсистема интегрированных субсистем отдельных концепций, объединенная в их синергетическом единстве и формирующая функциональные ограничения, относящиеся в равной степени к каждому из отдельных направлений трансдисциплинарной области.

Под влиянием формируемой над-дисциплинарной области знания языковая и когнитивная системы конструируют собственные модели номинации и наделяют трансдисциплинарные заимствованные терминоединицы специфическими характеристиками, основанными, прежде всего, на реализации принципа дополнительности актуализируемых элементов (Сидоренко, Строгина (Пелевина), 2018, с. 386). Промежуточная терминосистема, пытаясь элиминировать пробелы в исходных функциональных ограничениях, обязательно ищет новые способы и компоненты, которые подвергаются категоризации и концептуализации на

основе синергетического взаимодействия элементов-доноров (Morin, 1999), т.е. исходное значение и экспликаторные характеристики в системе донора часто не совпадает с ассоциативным соотнесением такового в принимающей системе. В самом определении термина, при этом не важно в какой из терминосистем он действует в качестве элемента, предполагается дальнейшее развитие его содержания, т.е. термин уже есть условно закрытая современным вертикальным контекстом научного знания субсистема, *достаточно точно и полно отражающая основные, существенные на данном уровне развития науки признаки существующего научного понятия* (Герд, 1991, с. 3).

Исходные отраслевые контексты функционирования транстерминологизированной единицы включают в себя конвенции, унификации, традиции, концептуально-отраслевую сферу, отношения, место в узальной иерархии, хронотопические характеристики коммуникативного взаимодействия. В условиях изменения векторов функциональной привязки (создания новой области информационно-знаниевого континуума) неизбежна модификация сложившейся ранее или формирующейся промежуточной терминосистемы, что оказывает первостепенное влияние на процессы трансдисциплинарного заимствования. Это не путь традиционного межотраслевого заимствования и не стандартный системный подход к учету наличных приемов интегральных методологий в экспликации нового знания, но синергия сложных систем, которые характеризуются не только способностью к самоорганизации и саморазвитию, но и трансформации с учетом фактора наблюдателя, систем интенционально моделируемых и конструируемых. Разрешение проблемы противонаправленности векторов деривации в условиях подобной осложненности в современных условиях успешно решается таким направлением как Complexity Science (наука о сложных системах), в которой на основе над-дисциплинарного подхода

нивелируются недостатки теории динамических систем, общей теории систем и моделирования.

Таким образом, трансдисциплинарность промежуточной терминосистемы понимается как выход за границы одной концепции не посредством обычного привлечения терминоединиц смежной или коррелирующей области научного знания, но на основе создания новых условий функционирования этой единицы на следующем витке когнитивной спирали при холистическом рассмотрении предмета исследования. Модификация схем и моделей вербализации знаниевых компонентов в трансдисциплинарных направлениях приводит к синергетическому взаимопроникновению ядерных компонентов содержания терминологизируемых единиц, переструктурированию иерархии различных элементов и, в конечном счете, трансформации субсистем и ассоциативных гнезд.

Как показывает анализ эмпирического материала, транспозиция и трансгрессия терминологизированного понятия в терминосистемах промежуточного типа осуществляется на основе введения в конвенционализированную формальную конструкцию (неузуальных для той или иной донорской области научного знания и той или иной исходной языковой системы) модифицированного элемента как эквивалентного соответствия ядерного компонента первоначальной структуры в качестве генерализованного значения. Эта условная конситуативная генерализация, как ни странно, не только конкретизирует значение симиляра в новой трансдисциплинарной области информационно-знаниевого континуум, а изменяет место термина в иерархии принимающей терминосистемы. На основе именно этих специфических видов адаптации (транспозиции и трансгрессии) осуществляется производство той самой инструментарно-описательной системы, которая представляет собой «гармоничное устройство, способствующее раскодировке» (Штайн, 1999, с. 7) подобных

комплексных областей информационно-знаниевого континуума «в единстве горизонтальных и вертикальных связей в которой все приведено в соответствие» (Там же).

Таким образом, в процессе трансдисциплинарного заимствования и последующей адаптации и актуализации заимствованной единицы в принимающей метаязыковой системе можно выделить несколько операций, обеспечивающих механизмы транспозиции и трансгрессии: распределение отдельных компонентов в контексте исходной области знания, перераспределение структурных содержательных элементов, нивелировка исходных конситуативных функциональных ограничений, опредмечивание и актуализация избранного к трансляции компонента, выстраивание нового конситуативного пространства функционирования, рефлексивная верификация экспликативного потенциала терминоединицы в новой терминосистеме с установлением её парадигматики. Некоторые приемы, которые задействованы в процессе идентификации специфических конситуативных элементов трансдисциплинарного заимствования, в рамках синергетического взаимодействия контранаправленных векторов различающихся когнитивных областей и обслуживающих их метаязыков при восприятии и интерпретации термина могут оставаться открытыми. Детерминирование механизмов трансляции в условиях промежуточных терминосистем носит амфиболический характер: опора на вербальный контекст может приводить как к верной, так и к искаженной интерпретации, а новые конситуативные ограничения призваны конкретизировать область функциональной имплементации термина.

1.3. Функциональная нагрузка элементов промежуточных терминосистем в создании расширенных и узких областей спецификации

В данном параграфе нами будет рассмотрена специфика функциональной нагрузки терминосистем промежуточного типа, которая непосредственно детерминирована областью информационно-знаниевого континуума и направлений её применения в условиях производства и трансляции нового научного знания. В классическом коммуникативно-функциональном терминоведении выделяются четыре функции терминосистем и единиц, составляющих их иерархическую структуру. Первичной представляется номинативная функция терминоединицы и соответствующая ей в более широком представлении экспликативная функция области описания. Не менее важной является сигнификативная, дающая возможность означивания языковой единицей некоего элемента рефлексивной реальности, которой соответствует сходная функция идентификации конситуативной области интерпретации знаниевых компонентов. Информационная или коммуникативная функция терминоединицы предполагает возможность трансляции знаниевого компонента в информационное поле, т.е. саму возможность последующего распрямления терминологизируемого понятия. Именно на основе реализации данной функции, а также прагматической и осуществляется расширение трансдисциплинарной области. Прагматическая функция в рамках своего интеллектуального аргументативного воздействия способствует интенсификации ключевых методологических принципов концепции или теории (Матвеева, 1984), а также модификации концептуально-понятийного пространства принимающих областей,

изменению механизмов интегрирования модусов рассмотрения изучаемых феноменов одной дисциплины или направления в другую, по сути, росту степени трансдисциплинарности.

Кроме того, ключевым для нашего исследования является введение новых дополнительных функций транстерминологизированных элементов, компонентов термина и пограничных терминосистем. Так, реализация специфической функции генерации нового знания обеспечивает в совокупности с когнитивной не только рецепцию и усвоение выходящего за пределы интра- и междисциплинарного знания, но и порождение новых знаниевых компонентов на луче осознанной рефлексии, направленном вовнутрь. Эти «кванты» нового знания нуждаются в постоянной рефлексивной верификации и вербализации. Определенный в такой системе «звукоряд становится не только обычным средством обозначения объекта исследования, но и средством активизации познавательной деятельности, направленной на кодирование свойств и признаков познаваемого и называемого объекта» (Алефиренко, 2006, с. 47). При этом рост значимости классифицирующей функции позволяет более детально иерархизировать совокупность элементов исследуемых терминосистем, определить функциональное место в постоянно расширяющейся сети парадигматических отношений.

В настоящее время в терминоведении бытует мнение о ролевой функциональной детерминированности термина, что вполне коррелирует с витгенштейновской концепцией значения как употребления (Витгенштейн, 1994). Однако необходимо оговориться, что основы применимости Л. Витгенштейна относятся только к области вербализации. Экстраполируя эти положения в сферу терминоведения, можно заключить, что роль термина, выполняемая им в том или ином текстовом окружении, является его функцией, а функциональная область в данном случае сужается только до системы метаязыка, в которой существует только языковой субстрат, и

терминосистемы. Важным аспектом является именно различие терминов в своем основном значении как единиц, входящих в условно ограниченную систему и только в неё, от терминоэлементов, подвергающихся семантическому переосмыслению (Володина, 1996, с. 91). При понимании термина как внутрисистемной, неспособной к экстраполяции единицы из виду упускается сама область информационно-знаниевого континуума, которая является как инициальной точкой, определяющей векторы опредмечивания знаниевых компонентов, так и постоянно изменяющимся результатом данного опредмечивания. Концепция функциональности как применимости ограничивается только возможностями эмпирической и коммуникативной верификации, исключая верификацию рефлексивную, на основе которой в современном мире происходит пополнение научных знаний в трансдисциплинарных областях. Гораздо большими возможностями, интегрирующими в деятельность-коммуникативную концепцию другие вышеозначенные функциональные компоненты, являются воззрения А. А. Реформатского, согласно которым полифункциональная вариативность терминологических единиц может быть объяснена в рамках привлечения к лексическим и логическим аспектам анализа гностико-когнитивного ракурса (Реформатский, 1986). Теснейшее взаимодействие различных функций терминосистемы не позволяет рассматривать функции её элементов в отрыве друг от друга, что ещё раз легитимизирует именно трансдисциплинарный подход в изучении и обуславливает создание именно промежуточных метаязыков описания.

В качестве субстрата для образования терминологических единиц промежуточных терминосистем рассматривается не только естественный язык, но и исходные для трансдисциплинарной области знания терминосистемы. Каждая из лексем языковой системы, как мы и говорили ранее, реализует четыре основные функции в своем употреблении: номинативную, коммуникативную, сигнификативную и прагматическую.

Ключевым вопросом является возможность реализации каждой из данных функций, а также некоторых специфических в термине.

Реализация примарной номинативной функции в терминосистеме промежуточного типа различными её элементами не вызывает сомнений, ведь именование феноменов, операций и взаимоотношений между ними, выделяемых и порождаемых в результате рефлексивной деятельности в условиях ограничений конкретной области информационно-знаниевого континуума представляется самой сутью вербализации. Номинативная активность именно в области рефлексивных, а не предметных действий составляет главную особенность этого процесса в терминосистеме промежуточного типа, т.е. вербальная экспликация именно понятийного аппарата в условиях рефлексивной верификации (на третьем уровне абстракции) является ключевой функцией рассматриваемого типа терминосистем. Каждый из элементов специального знания актуализируется в той или иной терминоединице в процессе трансляции динамики когнитивных процессов в узкоспециальных сферах. При этом следует учитывать проблемы множественной конситуативной реализации данной функции, т.е. некоторая лексическая единица вне зависимости от степени точности предполагает возможность вариативной экспликации в условиях адаптации её для функционального или когнитивного контекста. В связи с этим в последнее время принято говорить не о номинативной, а о репрезентативной функции термина при вербализации терминологизируемого понятия (Ма Цзяньгуан, 2008).

Следует также подчеркнуть, что специфика конситуативной вариативности обеспечивается самой природой именованного в подъязыках науки, а именно максимальной степенью детализации как рефлексивной, так и объективной реальности. Различная степень детализации коррелирует с разнообразными формантами вербализуемого знания (концептами, фреймами и т.д.), которые, однако, получают вторичную структуризацию (Дроздова, 2003,

с. 7). Данный процесс, выстраиваемый на основе уже описанного выше классификационного признака, в иерархизации элементов описания приводит к формированию регулярных соответствий и ассоциативных гнезд терминов и сложных конкретизирующих единиц (цепочек именований). Факт дробной дискреции фактов реальности специальных сфер носит универсальный характер, чем выше специализация области информационно-знаниевого континуума, тем выше дробность членения (Лейчик, 2009: 64). Связано это с тем, что промежуточные терминосистемы трансдисциплинарных областей знания возникают в условиях формирования и категоризации новых объектов анализа при отсутствии их именований. Но в то же время отсутствие конситуативно детерминированных вербализаторов сопровождается наличием таковых в коррелирующих областях знания, представляющих собой донорские сферы транстерминологизации. Уровень детализации и соответственно сужения перечня актуализируемых элементов определяется степенью широты исходных областей трансдисциплинарного объекта, т.е. необходимость нивелировки больших функциональных ограничений при создании нового конситуативного пространства интерпретации обеспечивает наивысшую степень детализации и дифференциации терминоединицы. Это можно наблюдать в динамике процесса адаптации к принимающей области знания в рамках транстерминологизации.

Например, широко используемый в современной лингвистике термин *концепт* демонстрирует возрастание функциональных ограничений в процессе интенсификации критериальных актуализируемых признаков при транстерминологизации. В «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило данная детализация продемонстрирована в двух контекстуально ограниченных областях лингвистического знания (традиционной и когнитивной): *КОНЦЕПТ* [лат. *conceptus* мысль, понятие]. 1) *Смысловое содержание понятия, объем которого есть предмет (денотат) этого*

понятия, напр. смысловое значение понятия «Венера» – древнеримская богиня любви. 2) **В когнитивной лингвистике: оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга** (Жеребило, 2010, с. 165) – (шрифтовыделение автора. – Ю.П.).

В приведенных определениях конвенционализируется исходный компонент «рефлексивная природа» данного феномена. Однако в первом случае интрадисциплинарного описания подчеркивается ассоциативная связь терминоединицы с традиционной семантикой на основе коррелятивных соответствий *смысловое содержание, понятие, денотация* и экспликации в авторском аргументативно-проясняющем фрагменте: «Венера» – *древнеримская богиня любви*. Во втором случае актуализируется именно ассоциативное гнездо терминов, исходных для транстерминологизации коррелирующих областей знания, в ядерную область содержания перемещаются такие элементы, как «связь с психологией» – *оперативная единица памяти*; «связи с физиологией и общей неврологией» – *язык мозга*; «детерминация культурой» – *концептуальная система* и т.д.

Ещё большей детализации и конкретизации подвергается номинативный процесс в горизонтальном контексте с учетом примарной методологии лингвокультурологического направления как функционального ограничения: *Концепт – микромодель культуры, а культура – макромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею* (Зусман, 2001, с. 41). При этом дополнительными обертонами, конкретизирующими место термина в терминосистеме и четко очерчивающими его парадигматические связи в системе трансдисциплинарной области лингвокультурологического направления когнитивной лингвистики, являются транспозиционные термины *микромодель* и *макромодель*. Таким образом, репрезентативная функция элементов в промежуточной терминосистеме имеет некоторые отличия как от терминов в традиционных «монодисциплинарных» областях

информационно-знаниевого континуума, так и от лексических единиц естественного языка.

Функция означивания некоего внеязыкового объекта вербальными средствами неразрывно связана с репрезентативной функцией замещения ряда актуализированных конситуативных признаков некоей материальной сущностью (Конецкая, 1984, с. 27). Анализ сигнификации ключевых феноменов отдельной области информационно-знаниевого континуума находится в тесной корреляции со степенью детализации и мотивированности обозначаемых объектов. Дробность элементов познания и описания мотивируется именно логикой наблюдателя, вычленяющего все новые релевантные признаки объекта, а экспликация этого вычленения отражает «логику структурирования, координаты субъекта познания на более мелкие» (Болдырев, Магировская, 2009, с. 8).

В данном случае элементы конкретизации и генерализации в их языковой экспликации играют решающую роль, т.е. форма сигнификации зависит от того, вербализуется ли объект, представляющий ядро ассоциативных понятий (класс феноменов) или отдельный элемент этого гнезда. Отличительной особенностью реализации сигнификативной функции терминоединицами в промежуточной терминосистеме является их вариативный план экспликации в отличие от дефинитивного характера большинства интрадисциплинарных терминов (Авербух, 2005). С одной стороны, возможность термина точно и единооформленно обозначать в научном тексте его определение обладает множеством преимуществ (Веселов, 1971). Так, четкое конвенционализированное замещение понятия в речи, т.е. максимальная денотативность термина, способствует унификации интерпретации и единому пониманию объекта описания в различных конситуативных областях. С другой стороны, подобная форма репрезентации расширенного перечня критериальных признаков объекта существенно сужает транспарентность термина и дальнейшее производство

ассоциативных рядов в системе, а значит и ограничивает не только её расширение, но и прецизионность. Для нас разграничение дефиниции как перечисления элементов, актуализированных в том или ином функциональном пространстве, и собственно термина в качестве категоризованной абстракции, созданной для обеспечения лаконичности высказывания и редукции количества парадигматических связей в пограничной терминосистеме, является ключевым. Определение, по сути, может играть значительную роль в аргументативном (дефинитивно эксплицируемом) процессе создания новых функциональных ограничений при трансгрессии. При этом обладающие общей логической функцией и формой вербализации конкретизирующие многокомпонентные термины проясняют феномены рефлексивной реальности на основе герменевтической спирали, т.е. посредством вариативных номинант, обладающих одинаковой степенью экспликаторного потенциала. Например, в определении, приведенном в «Словаре лингвистических терминов», одно из ключевых понятий теории языковой личности не содержит раскрытия экстенционала и транслирует лишь альтернативные именованья: **КОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ. Второй, тезаурусный уровень, на котором хранятся знания о мире** (Жеребило, 2010, с. 154).

Подобные формы терминологического означивания (совпадающие, по сути, с дефиницией) наглядно показывают, что даже при сохранении транспарентности в мотивировании термина как «снятой абстракции» актуализированными оказываются не все необходимые и достаточные условия (НДУ), ограничивающие функциональную область. Все попытки вербализовать признаковую совокупность в немотивированном термине не реализуемы в принципе. Дифинитивная терминологизация в условиях промежуточных терминосистем оказывается недоступной, поскольку приблизительная и субъективная экспликация «значимых» компонентов признаковой структуры, если и удовлетворяет условиям текстовой

конситуативности, то не может транслировать необходимых для распределения НДУ в области информационно-знаниевого континуума. Именно ввиду факультативности дефинитивной функции, что, однако, не снижает роли сигнификативной, в промежуточной терминосистеме наибольшей востребованностью обладает метафорическая и ассоциативная мотивированность. При этом максимальный уровень отрефлексированности понятия, стоящего за термином, позволяет постулировать наличие того или иного вида мотивировки в трансгрессионной терминосистеме (этимологической, структурно-компонентной, историко-функциональной и т.д.).

В данном случае необходимо прибегнуть к такой характеристике транстерминологизированных элементов, как ориентированность, так как его мотивированность в широком понимании, как интенциональность в создании и производность, не вызывает сомнений. Ориентированность же терминов промежуточных терминосистем представляется одной из базовых характеристик, способствующих созданию новых ограничений на втором этапе заимствования при трансгрессии. Данная характеристика как обуславливается социальными факторами применимости, так и легитимизирует новое поле употребления при транстерминологизации. Именно ориентация термина задает при условии достаточного уровня распространения и сформированности трансдисциплинарной области знания векторы интерпретации всякого маркированного текста как относящегося к конкретной области информационно-знаниевого континуума. А ориентированность ядерных терминосистем фиксирует векторы расширения ассоциативных гнезд. Таким образом, даже без наличия четкой дефиниции на основе экспонента реципиентом-специалистом определяется если не точный перечень критериальных признаков, очерчивающих границы понятия, то зона функционирования и место в иерархической структуре (терминосистеме) (Ребрушкина, Арискина, 2012, с. 209).

Анализ репрезентативной и сигнификативной функций единиц промежуточных терминосистем неизбежно затрагивает вопрос о такой ключевой характеристике термина как точность. Большинство терминоведов постулируют связь степени точности языкового выражения с уровнем категоризации понятия (Wilson, Nisbett, 1978), т.е. выбор лексической единицы и её экспликативный потенциал оказывается тем прецизионнее и выше, чем менее вариативным оказывается рефлексивный объект и наиболее полно исчислены все НДУ отнесения его к тому или иному классу (Канделаки, 1977). Однако подобная характеристика точности, а значит адекватности терминоединицы в её сигнификативной роли не является исчерпывающей. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода в качестве дополнительных факторов оценивания точности предлагаются именно компоненты дискурсивного пространства когниции, т.е. не процесс осмысления как таковой, но темпоральные, ситуативные и контекстуальные условия актуализации термина (Борхвальдт, 2001). При реализации таких условий происходит неразделимая генерация как системных отношений внутри иерархической структуры, так и функционального пространства, динамики развития и конвенционализации терминоединиц как узловых точек (каркаса) описываемой области информационно-знаниевого континуума (Ширяева, Литвишко, 2021). Таким образом, условием повышения степени точности, в том числе и транстерминологизированных единиц, будет являться степень их функциональной освоенности и широкой трансляции.

Коммуникативная функция термина в промежуточной терминосистеме трансдисциплинарной области знания также имеет свои особенности по сравнению как со словами естественного языка, так и с элементами интрадисциплинарных областей знания. Необходимо указать на то, что в терминологиях единицы план информирования реципиента подразумевает не просто обратную связь, но и ответные рефлексивные действия не только по восприятию, но и по встраиванию термина в индивидуальное пространство

трансдисциплинарной когниции, предполагающей как дальнейшую его трансляцию, легитимизацию, так и экстраполяцию полученных апперцептивно знаниевых компонентов в процесс генерации нового знания. Таким образом, следует говорить о комплексной когнитивно-информационной функции (Володина, 2000). В аспекте расширения областей информационно-знаниевого континуума, основанных как на интроспективной, так и на коллективной рефлексии необходимо разграничивать индивидуальные коммуникативные функции и социальные. Индивидуальные при этом несут в трансдисциплинарных областях знания не меньшую нагрузку, чем социальные. Так, при интенциональной рефлексии над содержанием терминоединицы в поле интерпретации привлекаются ассоциаты личностного характера, что расширяет конкретизирующий потенциал ядерного элемента. В условиях данного расширения вербализация исходного знания и переход её в информацию приводит не только к конвенционализированным в процессуально-эмпирическом понимании результатам, но и созданию когнитивно-коммуникативного знания нового порядка, основанного на анализе распределенных элементов формального языкового воплощения понятия. Трансляция специального знания в определенных функциональных ограничениях концепций, находящихся в процессе становления, предполагает повышенный процент «экспромтной» кодификации, т.е. создания новых терминов на основе имеющихся лексем естественного языка или переосмысления терминологических единиц исходных областей. Отметим, что в некоторых случаях функциональная нагрузка именно единиц естественного языка представляется наиболее близкой к трансдисциплинарной промежуточной терминологии, особенно это касается квазитерминов, как операционных инструментальных единиц экспликации индивидуально полученного знания. Так, «любые лексические единицы языка, перешедшие в узкоспециальную область и послужившие для обозначения конкретных понятий этой области» (Волгина, 2013, с.171) могут

выполнять репрезентативную и сигнификативную функции, однако в данном случае примарной все же выступает прагматическая в рамках индивидуальной аргументации.

Взаимонаправленные процессы ин- и декодирования (перехода ментальных структур в вербальные и наоборот) обуславливают перманентную динамику конвенционализации инвариантных структур по субъективным моделям, субъективация и объективация в данном случае детерминируется адресантно-адресатной фокусностью. Адресантом осуществляется постоянный поиск наиболее эффективных моделей кодирования тех компонентов понятия, которые должны репрезентировать наиболее важные в конкретном горизонтальном контексте значения, т.е. происходит субъективация значения транстермина. При восприятии реципиентом данные компоненты интерпретируются в первую очередь и, даже будучи не конвенционализированными, объективируются и транслируются в следующих метатекстах, что в конце концов приводит к их закреплению в качестве релевантных уже в вертикальном контексте конкретной области научного знания. Степень детализации и богатство когнитивного уровня языковой личности продуцента и реципиента играет здесь ведущую роль: чем выше возможности интерпретации транстермина, тем более широкое пространство функционирования он очерчивает вокруг себя. Упорядоченность самой терминосистемы при этом не страдает, а новые парадигматические связи упрочиваются конкретизирующими элементами. Индивидуальные коммуникативные аспекты при попадании в область конкретизации конвенционализируются и уже могут сами служить базой для трансляции и расширения области информационно-знаниевого континуума. Говоря о трансляторных потенциях таких образований в аспекте создания традиции в описании специального знания, следует признать, что синергия коллективного и личностного в темпоральном плане служит лишь фактором осложнения. Расширяющийся круг реципиентов и продуцентов знаниевых

компонентов новой концепции или научного направления как в игре в «испорченный телефон» начинают по-новому интерпретировать термин, меняющиеся функциональные ограничения повышают энтропию и зачастую трансформируют всю терминосистему. При этом нельзя четко определить, положительным или отрицательным это влияние оказывается для трансдисциплинарной области информационно-знаниевого континуума.

Прагматическая функция элементов трансдисциплинарных терминосистем непосредственно связана с коммуникативной, т.е. соотнесенность адресантно-адресатной фокусности с формами и механизмами означивания рефлексивных объектов детерминируется не только самим коммуникативным пространством, но и прогностикой конвенционализации областей употребления. Аргументативная составляющая как опциональная характеристика расширения и закрепления новых оперативных моделей по исследованию ментальных объектов приобретает огромное значение, иногда это объясняется и необходимостью деактуализировать некоторые элементы исходной терминоединицы.

Вышеперечисленные традиционно выделяемые функции терминов в трансдисциплинарных областях должны быть дополнены некоторыми специфическими функциями. Прежде всего, речь идет о генерации новых знаниевых компонентов в результате транспозиции и в гораздо большей степени трансгрессии, а также функцией инкоативного компонента для расширения функциональной области. При построении промежуточной терминосистемы на основе имеющихся и новых терминоединиц, дополняющих исходные терминополья исходных дисциплин, довольно часто возникают «пробелы» как в элементарном составе, так и в определении внутрисистемных связей между единицами системы. При формировании отличной от существующих, являющихся синергетическими образованиями концепций и теорий выстраивается новый аппарат формализации, который полностью меняет не только условия функционирования, но и перестраивает

методологические подходы, которые были адекватными при применении к анализируемым объектам, но не дают всестороннего охвата при холистическом рассмотрении (Мулуд, 1973, с. 308). Так, например, центральное понятие трансдисциплинарной области дискурсология определяется именно в рамках того или иного направления, о чем свидетельствует весьма пространная описательная дефиниция: *ДИСКУРС* – (нем. *Diskurs*, франц. *discours*, англ. *discourse*) – *многозначный термин-понятие, используемый в лингвистических, литературоведческих, философских, психологических, исторических исследованиях. При определении Д. в современной лингвистике существенное значение имеет научная традиция, различные сложившиеся параллельно друг с другом национальные научные школы дискурсивного анализа* (Чернявская, 2006, с. 53).

Необходимо подчеркнуть, что трансдисциплинарный характер и синергетическое взаимодействие множества исходных методологий постулируется в самом определении и представляет собой главную характеристику данного «зонтикового» термина: *Д. как лингвистическая категория определяет особую исследовательскую стратегию, предполагающую макросемантический и одновременно глубинно-семантический анализ текста, направленную на выявление эпистемических предпосылок и условий порождения высказываний/текстов, обусловивших определенные в данной коммуникативно-прагматической и социально-исторической ситуации формы, структуры, языковые единицы или иные текстовые характеристики* (Чернявская, 2006, с. 53). Указание на дихотомическую направленность векторов анализа в рамках трансдисциплинарной теории, а также подчеркивание эпистемологической природы полученных результатов дискурсивного анализа однозначно вербализует примарные задачи и саму функциональную область получаемых именно знаниевых компонентов, нуждающихся в рефлексивной

верификации. Дискуссионность и множественность бытующих как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике дефиниций «дискурса» также следует воспринимать не как невозможность четко определить объект исследования и методологический подход, а именно как условие и одновременно результат транспозиционного или трансгрессионного заимствования и амфиболичность генерируемых знаниевых компонентов (холистичных и дискретных одновременно).

Транстермины входят в промежуточные терминосистемы, описывающие трансдисциплинарные области информационно-знаниевого континуума, в качестве формальных репрезентантов когнитивных структур. На основе такого типа имплементации в систему они трансформируют сигнификативную функцию вербализаторов и сближаются с компрессионными символами (математическими, фоно-графическими и т.п.). Создавая символическое пространство функционирования, подобные элементы занимают место не просто инструмента описания и трансляции, но выполняют инструментальную функцию в когнитивном процессе, «препарируя» рефлексивную реальность. Реализация этой функции дополнительно подчеркивает необходимость и единственную возможность создания новых знаниевых компонентов в рефлексивном пространстве, ведь в своей когнитивно-теоретической деятельности исследователь оперирует не предметами, феноменами и явлениями, устанавливая корреляции и трансформируя их в рамках эмпирической верификации, – эти единицы подменяются не просто знаками, но моделями, функционирующими в интерпретативном пространстве. Таким образом, органичное соединение сигнификативной и генеративной функции обеспечивает учет функции моделирования реальности на основе интенциональной рефлексии в апперцептивном формате новых знаниевых компонентов, требующих последующего опредмечивания в расширяющейся промежуточной терминосистеме.

Терминоединицы, выполняющие такие функции в промежуточной терминосистеме, структурируют не только когнитивные, но и теоретические языковые модели, которые, взаимодополняя друг друга, нивелируют как когнитивные, так и системные лакуны, способствуя точной формализации специфической области информационно-знаниевого континуума. При этом тексты, порождаемые для трансляции знаниевых компонентов в узкоспециализированных областях, конкретизируют объективные синтагматические и парадигматические связи. На основе создания этих устойчивых связей в реальном функционировании обеспечивается детальная классификация как формальных знаков, так и ментальных феноменов, стоящих за ними.

Необходимо учитывать и иные возможности моделирования и классификации в трансдисциплинарных терминосистемах, которые имманентно содержатся в транспонированных или же трансгрессированных элементах и направлены на детерминирование векторов декодирования вербализованной информации и формирование основы для перманентного перетекания их в ментальные структуры и генерации нового знания. В формальном пространстве текста происходит первичное декодирование опредмеченных в понятиях; затем апперцептивно воспринятые феномены подвергаются категоризации и генерализации в тех аспектах, которые релевантны фокусу реципиента; в рамках соотнесения с конситуативным пространством интерпретации создаются модели распредмечивания знаниевых компонентов для производства нового знания в определенной специализированной области информационно-знаниевого континуума, которые формируют базис построения нового информационного потока.

В современных условиях производства трансдисциплинарного знания примарными становятся именно эти «дополнительные» функции. Они в свою очередь обеспечиваются не только традиционным аргументативным прояснением своего употребления, но и задействуют интроспективные

способы порождения знания, т.е. создают область чувственной эмотивной апперцепции. Ситуативность, субъективность и темпоральность предваряют транстерминологизацию на основе метафорического, метонимического и ассоциативного моделирования. Кроме того, использование метафоризации при создании вербализатора терминологизированного понятия имеет место при в рамках механизма транспозиции при создании квазитерминов на основе переосмысления их парадигматических связей в системе (Разинкина, 1978, с.164).

Такой способ актуализации знания в вербальных единицах отходит от тривиальной логики языкового выражения и уже не основывается на релятивной базе языковой точности и адекватности, транстермин по всем законам трансдисциплинарного знания уже не обозначает некий формальный класс объектов описания, но сам представляет собой категоризованную модель нескольких методологий в снятом виде, т.е. предполагает не соответствие некоей логической системе описания, но исчисляет и группирует исходные логики (Bentham, 2003). Однако в полной мере подобную функциональную нагрузку может выполнять только трансгрессионное заимствование ввиду наличия экспликаторов парадигматических связей. Трансгрессионный термин является и элементом порождения, и результатом дискурсивных практик, которые сопровождают и сами являются доминантной частью процесса познания (Fox, 2009).

Вариативность таких транстерминов достигается реализацией их классифицирующей функции на основе имплементации в ассоциативные гнезда сначала исходных областей информационно-знаниевого континуума, а затем выстраивая ряды сходных в структурном и семантическом (по ядерному актуализированному компоненту) планах элементов (терминоединицы с одинаковым генерализующим компонентом, например, *фрейм-образец*, *фрейм-экземпляр*, *фрейм-структура*, *фрейм-роль*, *фрейм-сценарий*, *фрейм-ситуация*). В других случаях превалирующим в

определении классификационного ядра выступает морфологический элемент (например, термины с единым суффиксом: *кодификация, актуализация, интенсификация, деривация* и т.д.). Такие ассоциативные ряды сами создают отдельные подсистемы в промежуточной терминосистеме, irradiруя в смежные области информационно-знаниевого континуума. Т.е. вариативность как самого элемента, так и терминосистемы в целом представляется одной из ключевых функций, способствующих развитию трансдисциплинарности и модификации систем (Мухортов, 2003).

Транстерминологическая вариативность гораздо ближе к вариативности естественного языка, чем к содержательной и формальной вариативности интрадисциплинарных терминов. Для него не характерно образование «термов» как монокатегориальных единиц экспликации понятия, в данном случае более уместно ассоциировать его актуализируемые в различных номенах компоненты с «ноэмой», итроспективно объединяющей гнездо по семейному сходству в конкретном конситуативном пространстве. Это конситуативное и темпорально детерминированное пространство конкретизации позволяет выделить синхронную и диахронную вариативность в промежуточных терминосистемах (ср. эволюцию термина *дискурс/дiскурс* в конситуативном функционировании в социологическом и лингвокультурологическом направлении дискурсологии). Основным результатом реализации вариативности может являться именно трансформация всего интерпретативного пространства (Сложеникина, 2010) и создание новой трансдисциплинарной промежуточной терминосистемы. Следует также указать на тот факт, что так называемая «дифференциальная энтропия», т.е. некоторая степень распределения случайных девиаций системы координат, характеризующаяся в обычных нелинейных системах неинвариантностью (Колмогоров, 1987, с. 47), в случае с трансдисциплинарными промежуточными системами представляет собой

именно базовое свойство, диктующее необходимость преобразования всех отношений в системе и обретающее собственный смысл.

Можно утверждать, что функциональный диапазон элементов промежуточных терминосистем не ограничивается только традиционно выделяемыми и описанными выше специфическими, а включает в себя ряд факультативных, реализуемых только в конкретно порождаемом горизонтальном контексте в условиях употребления квазитермина или предтермина. Уровень абстракции самой ментальной структуры и детализации трансдисциплинарной области создают дополнительные сложности в «приписывании» новых функциональных ограничений рассматриваемых единиц.

1.4. Трансдисциплинарный характер промежуточных терминосистем дискурсологии и когнитивной лингвистики

Формирование терминосистемы трансдисциплинарных областей информационно-знаниевого континуума в различных языковых системах следует некоторым универсальным векторам пополнения и развития. Длительный путь (последние полвека) создания транстерминов дискурсологии и когнитивной лингвистики не поставил точку в данном процессе. Актуальность и повышенный исследовательский интерес к рассмотрению лингвистических феноменов в русле данных направлений являются ключевыми факторами корректировки, переосмысления и обновления знаниевых компонентов концептуализированных терминологизированных понятий рассматриваемой сферы. Интегративный

характер терминосистемы, с одной стороны, позволяет имплементировать в неё единицы зачастую не коррелирующих областей, с другой – порождает разночтения и амфиболию в их интерпретации и функционировании. Контаминированные процессы построения специального текста отдельной предметной области отличаются поэтапным формированием понятийного аппарата, который призван не только наиболее точно передать ментальные корреляты своих единиц, но и служить потенциальным базисом для создания новых ассоциативных гнезд, которые позволят развить ту или иную трансдисциплинарную теорию или концепцию (Bredikhin, Pelevina, Abakarov, Makhova, 2021, p. 304). В связи с этим возникает объективная необходимость снятия проблем излишней конситуативности в процессе топикально и методологически детерминированных векторов анализа трансгрессионных и транспозиционных процессов, чего можно достигнуть на основе привязки новой терминосистемы к процессу создания новых ограничений употребления и интерпретации её элементов, ведь «там, где неспециалист ограничивается чисто внешними признаками обозначаемого предмета, профессионал видит элемент стройной системы понятий» (Гринев-Гриневиц, 2008, с. 27).

В рамках критического анализа различных направлений и течений современной лингвокогнитивной науки в России и за рубежом возникают обоснованные точки расхождения, возникающие вследствие актуализации различных компонентов многогранных смысловых конструкторов в рамках транспозиции и трансгрессии, включающей межъязыковое заимствование и создание новых условий функционирования терминоединиц при транстерминологизации, эти проблемы можно с уверенностью отнести к прикладным терминологическим. В условиях глобализации и создания единой сферы трансдисциплинарного взаимодействия ученых-когнитивистов формирование отдельной, адекватной, непротиворечивой терминосистемы является первостепенной задачей эффективной реализации

последовательности шагов анализа речевой деятельности трансляции нового знания и языковых феноменов формализации. Построение подобной терминосистемы, как и анализ процессов её формирования, неизбежно связан с применением комплексного подхода, включающего герменевтико-ноэматиический анализа на основе интроспекции, поскольку имплементация отдельных смысловых компонентов (в особенности генерализирующего характера), базируется, прежде всего, на неузуальных способах ассоциативного переноса в области характеризующиеся признаками новума и творимости. Интроспекция задействуется в процессах актуализации нового компонента и адаптации самого транстермина, а модификация принимающего пространства и связей, обеспечивающих его иерархическую структуру, основывается на ретроспекции к донорским областям и проспективных ожиданиях развития принимающей терминосистемы.

Каждая из промежуточных терминологических систем, подверженных влиянию различных сфер научной деятельности человека, призвана учитывать множество компонентов, составляющих не только эмпирическую, но и рефлексивную (функциональную) верификацию элементов, её формирующих (Serebriakova, Bredikhin, Plokhaya, 2021). Зарубежные специалисты по конвенциональным развивающимся саморегулирующимся системам уже на первом этапе их изучения настаивали на трансдисциплинарном системном подходе к процессам интенционального заимствования терминов из некоррелирующих областей знания, создающим и определяющим функциональный потенциал «зонтиковых» терминов, которые подвергаются транспозиции в условиях недифинитивного переноса, а также трансгрессии при многоуровневом анализе когнитивных и формальных признаков их дефинирования (Staw, Sandelands, Dutton, 1981). Следующая схема наглядно представляет глубинные связи лингвокогнитологии и других областей информационно-знаниевого континуума, корреляции с которыми на первый взгляд достаточно условны.

Однако скрытые от неспециалиста функциональные взаимосвязи явственно проявляются на уровне интеракции методологических принципов трансдисциплинарного взаимодействия при образовании нового функционального пространства употребления терминов, заимствуемых на основе механизмов транспозиции и трансгрессии (в большей степени). Эта общность формируется на основе учета нескольких факторов: 1) наличие внутрисистемных структурных и понятийно-семантических связей, которые могут быть экстраполированы во внешние коррелирующие области; 2) созданные внутрисистемные связи образуют на основе исходных и формируемых ограничений определенную семантико-функциональную структуру; 3) эта структура может быть экстраполирована на основе семейного сходства на коррелирующие референтные сферы (Чернышенко (Моногарова), Раздубев, 2014, с. 125). Так, методы математического моделирования, в частности приемы создания априорно-апостериорных моделей, весьма успешно могут быть применены в рамках когнитивного моделирования. Следует оговориться, что интуитивно схожие способы применялись и до возникновения отдельного когнитивного направления в лингвистической науке (моделирование вербального взаимодействия на основе языковых игр как упрощенных форм вербализации и обеспечения коммуникативной успешности взаимодействия Л. Витгенштейна), но их трансформация к новым реалиям произошла только в результате формирования наддисциплинарного методологического инструментария и относительной унификации системных элементов рассматриваемой области знания.

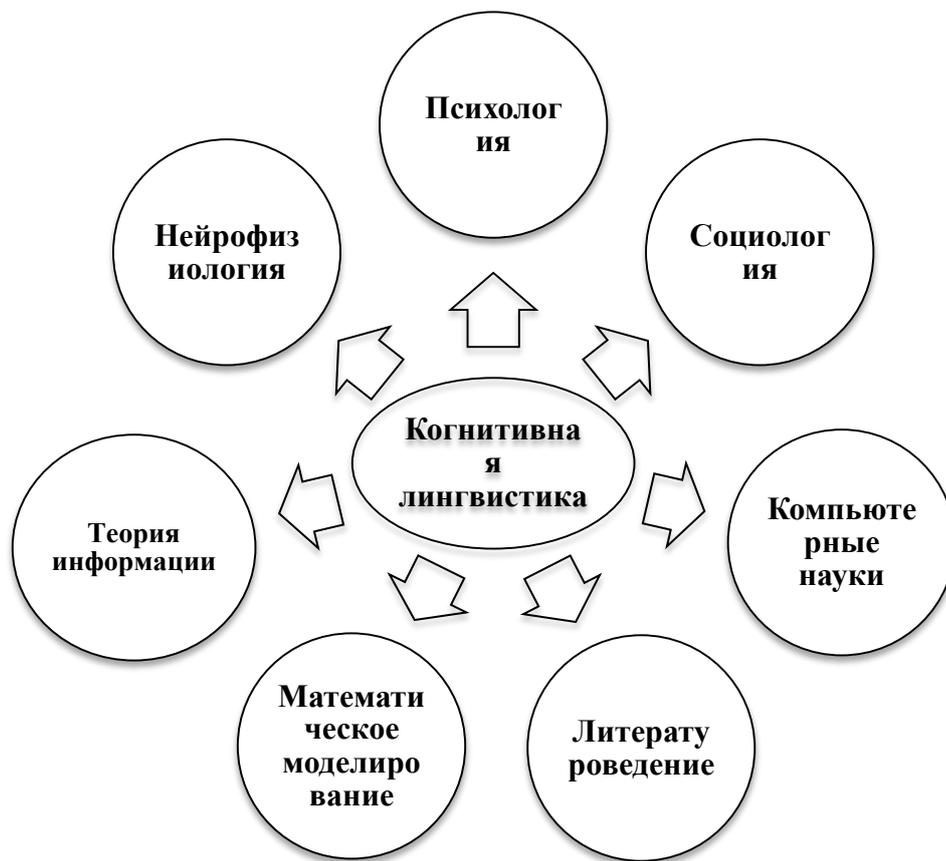

Рисунок 1 – Трансдисциплинарные связи при формировании синергетической области когнитивной лингвистики в информационно-знаниевом континууме

Что касается вопроса о доминировании донорских систем транстерминологизации, то для исследуемых нами направлений таковыми будут: 1) психология (а именно её бихевиористское и гештальт направления), 2) IT-технологии (их области, связанные с анализом данных, а также созданием искусственного интеллекта), 3) математическое моделирование (прежде всего, системный анализ, теория функциональных множеств и неравновесных состояний).

Наличие в промежуточной терминосистеме трансдисциплинарной области «Когнитивная лингвистика» терминоединиц, созданных на основе актуализации периферийных компонентов понятий смежных и не коррелирующих наук и областей профессионального знания, не являющихся простой суммой элементов конситуативной интерпретации, но

взаимодополняющих друг друга в синергии, является главным доказательством не просто её интегративного и междисциплинарного, но именно трансдисциплинарного характера и перманентного расширения парадигматики компонентных корреляций (Бредихин, Пелевина, 2022, с. 72). Рассмотрим данные транстерминологизационные сдвиги более подробно.

В первую очередь следует проанализировать топикальные корреляты несоотносимых на первый взгляд сфер знания (естественных наук). Так в примарном ядерном компоненте термина **когнитивная матрица** в случае имплементации метафоризированного основания «трансформация», создается интенциональная аллюзия к алгоритмизированной схеме формирования парадигматических отношений внутри моделируемого пространства. Новое трансдисциплинарное понимание термина формируется внутри так называемого «парадигмального сдвига» в общей системе употребления, что призвано отражать объективные характеристики нового пространства описания (Горбунова, 2017, с. 22). При этом именно матричные характеристики дают возможность вариативного наполнения ячеек, детерминируемого математически рассчитываемыми потенциями в конкретных контекстах: *Предвосхищение как дальнейшее прогнозирование исходит из типологической вероятности элемента и/или события из Мира текста* (Масленникова, 2014, с. 112). В данном случае вводятся компоненты теории вероятности, способствующие преобразованию систем координат (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ntes/2654/МАТРИЦА>) при решении уравнения поиска эквивалентного соответствия при переводе.

Высокую степень транспозиционной терминологичности демонстрирует высказывание о кластеризации когнитивной матрицы в условиях привлечения к анализу языковой личности психоэмоциональной сферы: *...под матрицей понимается структура и объем знаний о рационально- и эмоционально-коммуникативном поведении людей. Эта структура состоит из когнитивных элементов, называемых в работе*

пазлами (макро- и микро-), которые в совокупности и формируют матрицу соответствующих знаний... (Шаховский, 2018, с. 69).

Присутствие расширительных транспозиционных компонентов позволяет создать основу для производства новых терминологизируемых понятий, по сути, предтерминов или квазитерминов в формирующемся подъязыке когнитивной лингвоперсонологии. При этом в качестве **макропазлов** воспринимаются целые направления, являющиеся исходными для создания трансдисциплинарной области и объединяемые по топикальному принципу, а как **микропазлы** актуализируются функциональные единицы классификации и систематизации: *Вторым крупным макропазлом, никак не пересекающимся с первым, является трехчастная структура по Ю. Караулову. Этот макропазл включает анализ и описание следующих микропазлов: 1) вербально-семантический уровень структуры ЯЛ; 2) тезаурусный; 3) мотивационный* (Там же).

В исходных областях знания вне учета создания новых расширительных интерпретаций **кластер** понимался как некоторая ограниченная совокупность микрообъектов, но не областей объединения коррелирующих систем описания. Так, в работе Леона Фестингера «An Introduction to the Theory of Cognitive Dissonance» кластеризация происходит только на уровне ментальных микроэлементов, квантов когнитивных структур: *The total amount of dissonance that exists between two clusters of cognitive elements is a function of the weighted proportion of all relevant relations between the two clusters that are dissonant* (<https://panarchy.org/festinger/dissonance.html>). При этом, как следует из вышеприведенного отрывка, когнитивные процессы обязательно содержат несколько зон кластеризации, которые зачастую ограничиваются лишь одной «когитемой» как комплексной, однако элементарной единицей языкосознания (когнитивный план) и речемысли (трансляционный план) (Фефилов, 2010).

Таким образом, каждая из терминологизируемых единиц создает вокруг себя определенную область функционирования на основе введения в ядерное поле структуры термина релевантных компонентов, актуализируемых в процессе создания новых условий функционирования. Это интерпретативное пространство выводится из исходных областей на основе трансгрессии – преодоления установленных лимитов и создания вторичных ограничений.

Трансдисциплинаризация знания и транстерминологизация элементов метаязыков описания требует, прежде всего, задействования механизмов метафорического терминообразования. При использовании метафоризированных единиц в качестве трансгрессионных терминов когнитивной лингвистики на передний план выходит «зонтиковый» характер этимологических компонентов неактуального пласта содержательной структуры: *...существование когнитивного диссонанса, независимо от степени его силы, принуждает человека полностью нивелировать амплитудные колебания модельного и отклоняющегося компонентов* (Фестингер, 1999, с. 211). В вышеприведенном примере реализуется компонент «отклонение величины от её среднего значения» (Ожегов, 2008, 24), который интенсифицирует имманентно присущий дефинитивному толкованию, но скрытый в узуальном употреблении элемент «модельность», «образец». Процесс сравнения в условиях осознания диссонансных отклонений от стереотипизированного (прогнозируемого) когнитивно-коммуникативного действия и формирует единство и непротиворечивость в интерпретации «зонтиковой» трансгрессионной единицы в рассматриваемой терминоститеме.

Следует отметить имманентный «зонтиковый» характер в качестве доминантного критерия потенциальной транспозиции и трансгрессии как в интраязыковом заимствовании, так и в межъязыковом. Переход компонентов при адаптации в новой терминосистеме обеспечивается именно

возможностью интерпретации промежуточных элементов активного пласта содержания, т.е. транспозиция ядерного элемента значения термина в принимающей области знания. Например, термины *междоменный* и *межпространственный мэппинг* обладают в исходной области ядерным компонентом «совокупность элементов системы с едиными функциональными ограничениями применимости», который практически без изменений транслируется в терминосистему когнитивной лингвистики. Однако при трансляции возникает новый конкретизирующий элемент области функциональных ограничений «минимальный», «элемент системы», «детерминант структурных отношений», маркируемый сопутствующими вербализаторами более обширных ментальных образований «фрейм» и «область»: *Metaphor includes **cross-domain mapping** which can feed a **cross-space mapping** in some discourse* (Fauconnier, 2020, p. 215). При дальнейшей конкретизации условий функционирования дефинитивный термин уже включает экспликацию этих актуализируемых системных парадигматических отношений: *any connected **field of conceptualization**, with respect to which the **semantic structure** is characterized* (Langacker, 1987, p. 347). Кроме того, установление во фразе партитивных отношений конкретизирует функциональные ограничения самих транспозиционных терминов: *domains are relatively complex knowledge structures which relate to coherent aspects of experience* (Evans, 2007, p. 61). Использование же усилительных конкретизаторов *relatively complex* и *coherent aspects* закрепляет конвенциональность терминоэлементов в промежуточной трансдисциплинарной области информационно-знаниевого континуума.

Весьма интересными являются механизмы конкретизации ядерных компонентов смысла, содержащихся в «зонтиковых» терминах при их имплементации в смежные или же некоррелирующие области знания. Так, оба ядерных узואльных компонента междисциплинарной единицы *база* при переходе в область когнитивной лингвистики сохраняются: *когнитивная*

база (КБ) – определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета. Информация, кодируемая и хранимая в виде когнитивной структуры, включает в себя не только сведения о мире, но и знание языка, и знание о языке (Красных, 1998, с. 45).

Достаточно четко прослеживается актуальный слой, содержащий компоненты «основа для формирования надстройки» и «иерархическая структура элементов», т.е. в условиях конкретизации и концептуализации делимитированного объекта описания – ментальных структур – онтологическая инструментальная форманта только подкрепляется, т.е. происходит репрезентация «специфической логики», не логики языковой, а логики социумной группы (Карасик, 2002, с. 114). При этом следует отметить существенное расширение возможностей и критериальных признаков элементарных единиц «когнитивной базы». В иных научных областях данное понятие имманентно предполагает рядоположенность и гомоуровневость включаемых в объем «пакетированного хранения» единиц: *...база данных целостная совокупность данных, которая отображает состояние объектов и их отношений* (Роберт, Лавина, 2006, с. 5). Гетерогенность объектов хранения в когнитивной базе подтверждается различными типами объективации знаниевых компонентов: *не только сведения о мире, но и знание языка, и знание о языке* (Красных, 1998, с. 47).

Кроме того, в качестве присутствующих в исходной «зонтиковой» единице компонентов в периферийной области и актуализируемых при переходе термина можно отметить «интенциональность», необходимая при заполнении слотов когнитивной базы: *когнитивная база представляет собой стереотипные знания, которыми должен овладеть индивид в процессе социализации* (Егорова, 2012, с. 64). Намеренность включения

элементов в «базу» в сфере когнитивной лингвистики проявляется не только в выборе способа импринта, но и в необходимости постоянного сравнения поступающих на «конвейер отбора» единиц с константами культуры, т.е. стереотипами, легитимизированными в том или ином сообществе. Каждый из этапов формирования терминологической единицы следует этому принципу интенциональности как опредмеченной рефлексии, призванной эксплицировать некую часть информационно-знаниевого континуума, содержащего множество суждений, сложившихся на основе как знаниевых, так и информационных предданных характеризуются необходимостью и достаточностью условий имплементации и содержательностью (Bredikhin, Pelevina, Abakarov, Makhova, 2021, p. 306).

Одними из наиболее часто репрезентируемых базовых компонентов в подобных терминах промежуточной трансдисциплинарной терминосистемы когнитивной лингвистики оказываются «схематичность», «модельность». Функционируя в качестве первичного обертона, структурирующего все предметно и топикально детерминированное интерпретативное пространство, данные компоненты встречаются в следующих единицах: «гештальт», «сценарий», «фрейм» и т.д. Например, в понятии «сценарий» как *специфический темпорально маркированный концепт эксплицированный в динамической последовательности эпизодов* (Вэньцзя, 2016, с. 22), предполагает введение дополнительного форманта «предписанный алгоритм». Это происходит на основе метафоризации целевых признаков структурирования концепта, в случае акцентуации процессуальности концептуализации как схематического действия, детерминированного конкретными условиями его введения в концептосферу индивидуума или целой группы. Происходит это не просто на основе прогнозируемой последовательности действий, она к тому же должна быть легитимизирована внутренней логикой, т.е. *представлять собой последовательность логических шагов, необходимых для решения проблемы*

(<http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/13881>).

«Логичность» появления знаниевых компонентов в структуре примарно когнитивного образования – транстермина – является неотъемлемым условием его интерпретации, поскольку сбои, как информационно-технические, так и концептуально-когнитивные в этом процессе приводят к потере единой канвы научного описания, рождая неинтенциональную амфиболию, способствующую энтропии парадигматических связей в промежуточной терминосистеме (Бредихин, 2021, с. 8). В данных условиях необходимым для создания единого вектора интерпретации «зонтиковых» терминологических единиц является процесс формирования генерализующего значения в рамках более подробного рассмотрения в горизонтальном контексте критериальных признаков понятия, при котором нивелируется и происходит углубление знаниевого пространства при одновременном сужении парадигматических связей в ассоциативном ряду поясняющей части толкования термина.

Весь ряд терминоединиц «зонтикового» характера с некоторыми оговорками, исключаящими внедренные и неосвоенные, понятийно не определенные квазитермины, предтермины и терминоиды, можно определить как гетерогенное понятийно-терминологическое пространство (Буянова, 2011, с. 66), в котором на сегодняшний момент четко прослеживаются не только результативные феномены, но и терминодеривационные процессы.

Таким образом, наглядно прослеживается трансдисциплинарный характер научной концептуализации рефлексивной реальности в топикально и методологически детерминированном интерпретативном пространстве рассматриваемых в нашем исследовании направлений дискурсологии и когнитивной лингвистики. В этой сфере конситуативной интерпретации можно выделить конкретные области имплементации: научно-техническую (транспозиция и трансгрессия терминов из области ИКТ и смежных дисциплин), естественнонаучную (заимствование с переосмыслением

терминоединиц матанализа, теоретической физики, астрофизики и т.д.), общественно-гуманитарных наук (трансформация содержания терминов социологии, искусствоведения и др.). Определение именно этих конвергирующих областей в качестве доминантных для трансдисциплинарного заимствования обусловлено концептуальной спецификой этих пространств информационно-знаниевого континуума и интегративных комплексов их формирующих. В случае совмещения множества элементов разноструктурных терминосистем на основе функциональной и понятийной осложненности, а также стратумной волативности, динамичности и гетерогенности актуальным представляется такое же членение лингвокогнитивного субконтинуума на отдельные узлы бифуркации. Именно частичное перекрытие периферийных пластов контаминируемых понятий создает на основе модификации содержания ядерную зону при имплементации термина в промежуточную терминосистему на основе механизмов транспозиции и трансгрессии (Бредихин, Пелевина, 2022, с. 75).

Дифференциация по областям и делимитация субконтинуальных областей возможна по причине транспарентности механизмов терминодеривации и наглядной работы речемыслительной автономизации и спецификации, которые строятся на вариативном, неабсолютном характере дифференциальных признаков с сохранением интегрального стержня. Очевидно то, что процессы транстерминологизации при создании промежуточных терминосистем когнитивной лингвистики и дискурсологии в отличие от стандартного междисциплинарного заимствования является политомичным, т.е. единым в своей многоплановости.

Интенсификация того или иного компонента может осуществляться не только с учетом инициального толкования элементов, присущих источниковой области знания, но и включать в себя этимологические основания, заимствуемые из другой метаязыковой системы (Bredikhin,

Marchenko, Pelevina, Pelevina, 2019). Т.е. слиянию подвергаются инокультурные и ино-информационные периферийные элементы. Например, в высказывании: *В то время как гештальт являет собой целостностный образ, сообщение, фрейм является выделенной частью, кирпичом в таком сообщении* (Ходоренко, 2011, с. 198) – наблюдается не только интенциональное заимствование ядерной составляющей термина из психоанализа, транслирующей именно форму стереотипизированного представления, но и введение и актуализацию ассоциативного этимона прагерманского префикса *-ge-*. Так, многие ученые сходятся во мнении, что данная приставка, помимо своего результирующего значения (Vaan, 2008, p. 84) в одном из доминантных на сегодняшний день функционировании при образовании причастий вторых в германских языках, обладает и этимологическим, в настоящее время не проявляющимся в узусе компонентом комитативности. У. Локвуд в своей работе «Historical German Syntax» прямо указывает на родство с латинскими «когнотантами» *cum/con-/co-* (Lockwood, 1968, p. 72), что ставит данный термин в один ряд с образованиями, которые эксплицируют не только целостность и рефлексивный (ментальный) характер данного феномена, но и обязательную схематизированность и стереотипизированность гештальных структур, рассматриваемых современной когнитивистикой. Т.е. «образность» *гештальта* обязана пройти не только процесс концептуализации и фреймирования, но и подвергнуться конвенционализации, перейдя из разряда психологических индивидуально-личностных феноменов в социокультурное коллективное образование. А устойчивость данной конструкции даже при вариативности периферийных компонентов обеспечивается сохраняющимся стержневым элементом «зонтикового» характера, присутствовавшего уже в прагерманском состоянии в основе *stallōn-*. Следует заметить, что в данной основе сплетаются как интенциональные компоненты активного формирования образа, так и имманентно присущие саморазвивающимся

системам механизмы неволонтактивной эволюции. Транстерминологизированная единица «гештальт» в отечественной когнитивной лингвистике понимается в качестве концептуальной структуры, целостного образа, вмещающего как рецептивные, так и апперцептивные компоненты формирования единицы познания в их не дискретном, зачастую аморфном первичном восприятии.

Преимущество акцентуации этимологического компонента видится в его «генетической» узнаваемости сохраняемых и без особого труда интерпретируемых в новых трансдисциплинарных контекстах базовых знаниевых компонентов, при этом большая степень темпоральной экстраполяции обуславливает более высокий уровень внедрения неактуальных в узусе компонентов. Сходное фоно-графическое оформление подобного рода терминологических единиц призвано не просто облегчить процесс профессиональной и научной интеракции, что, по сути, является лишь следствием, но интенсифицировать именно доступный для интенциональной рефлексии над языковой формой пласт распредемчивания генерализованного смысла транстермина уже в принимающей системе.

Кроме установленного факта проникновения терминоединиц, обладающих «зонтиковым» характером, в промежуточные терминосистемы трансдисциплинарных областей когнитивистики и дискурсологии, наблюдается и обратный процесс внедрения компонентов конкретизации, которые легитимизируются и в исходных областях информационно-знаниевого континуума. Т.е. глубокое проникновение из субконтинуальных сфер в теории и концепции естественных наук и прикладных исследований в метафоризованном виде с модифицированным пониманием ядерной сферы, при этом данные процессы не ограничиваются локальной (национальной) импликацией, а демонстрируют глобальные универсальные признаки. Каждый из узкоспециальных терминов в качестве некоего суперинформативного субстрата вербальной материи в топикально и

методологически маркированном тексте играет важнейшую роль при интенциональном моделировании продуцентом результата деятельности на третьем уровне абстракции. Логические операции намеренного интегрирования представляются примарным механизмом выявления сущности феноменов и их опредмечивания в современном научном и профессиональном метаязыке (Буянова, 2013, с. 167). Этот аспект в качестве определяющей тенденции действует во всех современных динамически развивающихся терминосистемах, возникающих в условиях трансдисциплинарного взаимодействия разных областей науки и создания новых комплексных научных дисциплин (Тухарели, 1995, с. 96).

На основе проведенного анализа можно констатировать наличие в промежуточных терминосистемах когнитивной лингвистики и дискуртологии специфических логико-семантических и когнитивно-гносеологических блоков, которые и обеспечивают некоторые универсальные векторы (имплицитной) транспозиции и (эксплицитной) трансгрессии и дальнейшего пополнения понятийного аппарата рассматриваемой области информационно-знаниевого континуума, т.е. определения синсемантов ментального лексикона в порождении их при генерации нового знания во внутренней речи (Манаенко, 2015, с. 34). В качестве субконтинуальных разрядов можно выделить, вкупе с традиционными смежными топикальными сферами, понятийные блоки «эмпирико-верифицируемой метафоры» и «структурно-этимологического переноса» из некоррелирующих областей знания. Специализация и конкретизация терминоединиц и дальнейших дериватов в трансдисциплинарной системе осуществляется на основе конситуативной интерпретации и введения дополнительных маркеров присутствия наблюдателя в рамках создания единого ядра восприятия и трансляции, что формирует новые функциональные ограничения.

Выводы по главе 1

Экспликация знаниевых компонентов в текстовом формате является комплексным динамическим процессом, сопровождаемым факторами отсутствия адекватных единиц, однозначно и точно выражающих ментальные конструкции, и трансформацией опредмеченного в языковых структурах и порождаемого «внутреннего» знания, т.е. двойственной природой информационно-знаниевого континуума. В процессе трансляции знания в информационном потоке текст становится содержательно-смысловым единством, детерминирующим вектор распределения смысловых структур в своем процессуальном развертывании, способствующим модификации информационно-знаниевого континуума как результата опредмечивания знания.

Когниция, текстопостроение и реальное действие как конвергенция языкового и ментального пространств является недискретным механизмом. Актуализации при подобной экспликации подвергается комплексный процесс познавательной, инструментальной и креативной деятельности человека, формируемый на основе трансдисциплинарного взаимодействия методологических принципов коррелирующих и дистантных областей информационно-знаниевого континуума.

Трансдисциплинарные области знания демонстрируют более высокий уровень интерреляции как ментальных сфер, так и их языковых формализаторов, чем классические формы полидисциплинарности, интердисциплинарности, междисциплинарности, которые отличаются друг от друга типом связи методологических оснований: взаимной, кумулятивной, интерактивной (Князева, 2011, с. 193). Создание метаязыков описания в рассматриваемых областях предполагает формирование промежуточных

терминосистем, отличающихся преодолением функциональных границ одной теории или концепции на основе транспозиционных и трансгрессионных элементов при холистическом рассмотрении предмета исследования. Промежуточные терминосистемы когнитивной лингвистики и дискурсологии демонстрируют наличие специфических логико-семантических и когнитивно-гносеологических блоков, обеспечивающих универсальные векторы при использовании транспозиции и трансгрессии.

Функциональная нагрузка элементов промежуточных терминосистем гораздо шире, чем у интрадисциплинарных и сближается с некоторыми возможностями естественного языка, демонстрируя при этом сугубо метаязыковые функции: генеративную, коммуникативно-когнитивную, классификационную, моделирующую, системомодификационную. Большинство из специфических функций реализуются в условиях конкретно порождаемого горизонтального контекста, зачастую при использовании квазитерминов или предтерминов, т.е. терминологизации на основе механизма транспозиции. Уровень абстракции самой ментальной структуры и детализации трансдисциплинарной области создают дополнительные сложности в «приписывании» новых функциональных ограничений рассматриваемых единиц.

Базой механизмов транспозиции и трансгрессии служит специфика самого терминологизируемого понятия, его иррадиационный потенциал и «зонтиковый» характер, нивелирующий исходные функциональные ограничения и создающий новые конситуативные ограничения интерпретации актуализируемого значения термина. Модификация схем и моделей вербализации знаниевых компонентов в трансдисциплинарных направлениях приводит к синергетическому взаимопроникновению ядерных компонентов содержания терминологизируемых единиц, переструктурированию иерархии различных элементов, ассоциативных гнезд и субсистем.

Глава 2. Особенности трансформации и адаптации вербализаторов терминологизируемых понятий в трансдисциплинарных областях знания

2.1. Транспозиция и трансгрессия как адаптационные механизмы транстерминологизации

В современном терминоведении наблюдается повышенный интерес к изучению процессов сложной терминологизации в специфических узкоспециализированных направлениях научного знания. Спорные вопросы междисциплинарного, межъязыкового, комплексного заимствования терминов не могут быть решены только в рамках общей теории термина (Лемов, 2000; Хижняк, 1998 и др.). Обусловлено это тем фактом, что динамические, условно устойчивые терминосистемы современных метаязыков не просто являются результатом процессов категоризации и концептуализации научного знания, т.е. их функционал ограничивается трансляционными потенциями информационно-знаниевого континуума, но и сами как инструментарий научного мышления демонстрируют расширительный потенциал. Специфика формирующихся трансдисциплинарных терминосистем объясняется политомичностью и синергией взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов. Отличия элементов данных систем обнаруживаются не только в формальном плане, но и большей частью в социальном, темпоральном и топикальном бэкграунде специализированных областей информационно-знаниевого континуума. Попытки обеспечения относительной симметричности экспонента и понятийного содержания в рефлексивном

пространстве приводят к появлению специфичных механизмов создания и заимствования терминов – транстерминологизации, которая на сегодняшний день представляет собой один из наиболее способов пополнения и легитимизации формирующихся промежуточных терминосистем, продуктивных и адекватных условиям наличия множества унифицированных интрадисциплинарных терминологий.

Переход конвенционализированных элементов одной терминосистемы в другую не является тенденцией последнего времени, а имеет весьма богатую и длительную историю. В то же время эта проблема ввиду разнородности системных и функциональных характеристик таких единиц всегда являлась наиболее сложной в терминоведении и требовала комплексного решения. Множественность подходов к её решению, неоднозначность в делимитации и анализе терминологической транспозиции привела к росту исследований в области адаптационных и модификационных процессов в различных принимающих терминосистемах (Авербух, 1986; Бурт, 1984). С увеличением количества подобных работ неизбежным оказался анализ семантических процессов, сопровождающих процессы изменения глубинной структуры номинантов, вся совокупность этих переходов в области именованности и трансляции компонентов специального знания назван транстерминологизацией.

В аспекте общего понимания проблематики такого перехода и делимитации подобного явления в ряду моделей терминодеривации были выполнены несколько работ отечественных лингвистов (Буянова, 2011; Рыженкова, 2001; Суперанская, Подольская, Васильева, 1989). Однако в этих исследованиях отсутствовал собственно анализ как особенностей семантической модификации имманентной системы термина, так и всей принимающей терминосистемы, сопровождающих транстерминологизацию. Несколько работ как отечественных, так и зарубежных терминоведов было посвящено специфике формирования вторичных терминосистем на основе

полидисциплинарной или междисциплинарной конвергенции (Бушин, 1996; Hoffmann, Kalverkämper, Wiegand, Galinski, Hüllen, 1997).

Терминологичность того или иного репрезентанта понятия в области специального знания имеет вариативный характер и определяется на основе градуированной шкалы точности и репрезентативности, это казалось бы внутреннее свойство термина зависит от парадигматических связей в системе метаязыкового описания (Хижняк, 1998). Поскольку семы в структуре значения транстермина иерархизированы, то каждый из компонентов может получать актуализацию в том или ином контексте (горизонтальном или вертикальном), в этом и заключается вариативный характер репрезентации. Степень точности и её положение на шкале может быть определена с учетом частотности появления компонента в объединенных тематически горизонтальных контекстах, а репрезентативность прямо пропорциональна высокоиндексности (значимости компонента в вертикальном контексте). Учитывая эти два параметра, можно построить кривую модификации значения в двух осях координат.

Отраслевая и языковая дифференциация терминосистем (в особенности в разноструктурных языках) влечет за собой появление различных моделей терминодеривации в условиях как универсальных, так и национально специфических векторов трансляции знаниевых компонентов информационно-знаниевого континуума. Различные экстралингвистические факторы транстерминологизации в рамках их влияния на сам процесс становления и развития теорий и концепций, а также систем описания исследовались в последние два десятилетия на основе выделения специфических формантов, влияющих на условия адекватной экспликации понятий (Cabre, 2003). Решению вопроса о смещении актуальных компонентов на основе метафорического переноса в рамках естественноязыковых процессов номинирования посвящена работа известного бельгийского переводоведа и терминоведа Ф. Стёрс (Steurs, 2004).

Одной из наиболее авторитетных работ по исследованию семантических «девиаций» в процессе междисциплинарного заимствования терминов, анализирующих не только механизмы эксплицитной и имплицитной транстерминологизации, но и системообразующий потенциал заимствованных единиц, является диссертация Т. В. Рыженковой (Рыженкова, 2001). В результате транстерминологизации происходит дублирование номенов в коррелирующих или дистантных терминосистемах двух исходных метаязыковых областей. При этом следует интерпретировать эти межотраслевые номинанты как омонимы, а не как полисеманты, поскольку именно функциональные ограничения исходных сфер применения не дают возможности актуализации «зонтикового» компонента. Сохранение же единого семантического компонента – некоего инварианта, который обязан транслироваться в другие области употребления, но при этом может содежать лишь аллюзивные признаки (Песина, 2005, с. 54-55), который зачастую представляет собой категоризационную ядерную когитему не является основанием для сохранения парадигматических связей с иными элементами двух терминосистем даже в условиях совпадения некоторых дифференциальных сем коррелирующих сфер употребления. А поскольку термину присуща именно функциональная конситуативная привязка, развивается так называемая межотраслевая омонимия, которая полностью нивелируется при создании единого пространства трансдисциплинарной промежуточной терминологии. Анализ различных механизмов транстерминологизации (с охранением понятийно-содержательного состава, модификацией его периферийных областей или же трансформацией ядерного состава при образовании нового омонимичного термина) не дает полного понимания способов изменения не только метаязыкового пространства экспликации, но и самих векторов развития трансдисциплинарного знания. Таким образом, требуется делимитация и описание совершенно специфичных механизмов, обеспечивающих не только снятие ограничений

исходных областей, семантическую трансформацию, но и создание новых функциональных ограничений в принимающей области знания, – транспозиции и трансгрессии термина.

Ключевая для понимания транстерминологизации делимитация эксплицитного (дефинитивно-формирующего) и имплицитного (функционального) механизмов перехода в новую область употребления является основой для выделения трансгрессионного и транспозиционного видов транстерминологизации. В случае транспозиционного заимствования терминологическая единица, актуализируя сохраненные в новой области информационно-знаниевого континуума знаниевые компоненты, расширяет или конкретизирует парадигматические связи внутри принимающей промежуточной терминосистемы в рамках модификации (изменение позиции ядерных компонентов). При трансгрессии термина элемент не просто изменяет функциональное поле, но и конвенционализирует его в описательной аргументативной дефиниции, закрепляемой в лексикографических источниках, которые содержат «верифицированную, системно организованную информацию» (<http://www.ipu.ru/node/17409>). Таким образом, изменения внутренней структуры транспозиционного элемента касается только его понятийного и денотативного планов, а в случае трансгрессии трансформации подвергается расширенный экспонент в его описательной форме, т.е. трансгрессия обеспечивает экспликацию и фиксацию места элемента внутри терминосистемы. Концептуальное содержание транспозиционного термина, получающее вариативную интерпретацию, не эксплицированную в определении, маркирует процесс перехода и создания неконвенционализированных новых функциональных ограничений, т.е. образуется квазитермин метаязыка описания.

Выявление функциональных ограничений при транстерминологизации того или иного типа коррелирует с видами семантических модификаций и трансформаций, происходящих в условиях имплицитного или эксплицитного

дефинирования устанавливаемых связей для элемента терминосистемы. Так, оба вида транстерминологизации предполагают модификацию микро- и макрополей заимствованной единицы, однако, в случае трансгрессии расширительное поле конкретизации будет намного богаче ввиду детального описания критериев категоризации. Экспликативный потенциал транспозиции всегда ниже, чем таковой трансгрессии, по той же причине. При этом актуализация родо-видовых и партитивных отношений не зависит от вида транстерминологизации, поскольку имплементирование квазитерминов зачастую представляет более широкие возможности связывания их с более широким кругом ядерных номинантов, чем в условиях редифинирования. В условиях применения транспозиции сохранность «зонтиковых» элементов гораздо выше, т.е. выше и степень комбинаторной валентности транстермина. Вышеописанные результаты семантических модификаций, безусловно, создают дополнительное пространство вариативного номинирования, создания «частично омонимичной пары», учитывающей различные методологические основания в направлении изучения объекта трансдисциплинарной области знания. Этот процесс имеет место как в интраязыковой, так и межъязыковой транстерминологизации.

Рассмотрим некоторые случаи транспозиции термина в системах трансдисциплинарных областей информационно-знаниевого континуума. Так, например, в своем исследовании отношений корреляции и концептуализации понятия и его вербализатора в специальных подъязыках лингвисты Университета Гранады Памела Фабер, Пилар Леон и Хуан Антонио Прието, выполненном в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, используют множество подобных квазитерминов, которые создают искусственную амфиболию в интерпретации понятия, стоящего за ними.

It accomplishes this by specifying a set of generic concepts that characterize the domain as well as their definitions and interrelationships (Faber, Leon-Araúz, Prieto Velasco, 2009, p. 2). – Это достигается путем определения **набора**

общих понятий (перечня родовых понятий / набора метаконцептов), которые характеризуют предметную область (прецедентный мир / домен), а также их определений и взаимосвязей (перевод автора – Ю.П.).

В данном примере термин *generic concept* представляет собой комплексное образование на основе конкретизатора уже сложившегося в терминосистеме вербализатора *concept*, понимаемого как ментальная единица, что созвучно с дефиницией отечественной школы концептологии: *КОНЦЕПТ* [лат. *conceptus* мысль, понятие]. 2) В когнитивной лингвистике: *оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга* (Жеребило, 2010, с. 165). Однако в современных направлениях концептологии употребительным является термин, обозначающий генерализованные области топикально и темпорально детерминированного содержания в общем пространстве – метаконцепт: ... *способность метаконцепта к ассоциативной экспансии – метафорическому и метонимическому притяжению близких прецедентному миру понятий и образов* (Слышкин, 2004, с. 274). Таким образом, вторичные рефлексивные конструкции на основе коррелятивных концептов в зарубежной концептологии не фиксируются в качестве отдельного термина и конситуативно имплементируемый вербализатор *generic concept*, с одной стороны, конкретизирует объект метаязыкового описания, а с другой, не воспринятый всем лингвистическим сообществом, действует в качестве ситуативного квазитермина. При этом следует указать на сохранение ядерных компонентов конкретизатора *generic* (*общий, родовой, универсальный*), которые позволяют создать функциональные ограничения родо-видовых отношений в терминосистеме на основе различения *concept* и *generic concept*. В то же время частеречная транспозиция в английском исходном термине *generic (adj./sub.)* позволяет эксплицировать дополнительные знаниевые компоненты, представляя концепты в качестве примитивных симиляров метаконцептов (в терминах

отечественной концептологии). Сам же квазитермин «родовое понятие / общее понятие» не получает ни аргументативной, ни описательной дефиниции, претерпевая транспозицию без экспликации парадигматических связей в новой терминосистеме.

Рассмотрим некоторые возможности транспонирования терминоединиц с недифинитивно эксплицированными классификаторами, маркирующими положение квазитермина в принимающей терминосистеме.

*It should be possible to access the **FN data** to help eliminate the ambiguity of the meaning of words, semantic composition (integration of information related to semantic dependents into **frames** evoked by their **semantic governors**), **valence-justified choices among competing parses**, and activation of **topic-related vocabulary** (through **shared frame membership**) for recognition and sense-selection in successive parts of a text (Fillmore, Baker, 2001).* – Должна быть возможность доступа к **данным FN**, чтобы помочь устранить двусмысленность значения слов, семантическую композицию (интеграция информации, относящейся к семантическим зависимостям, во **фреймы**, вызываемые их **семантическими регуляторами**), выбор, оправданный **валентностью**, среди конкурирующих **синтаксических парсингов** и активация **тематической лексики** (посредством **присутствия в одном фрейме**) для распознавания и выделения смысла в последовательных частях текста (перевод автора – Ю.П.).

В вышеприведенном примере соседствуют отдельные трансгрессионные терминологические единицы с квазитерминами, произведенными на основе транспозиции или же на основе восполнения ассоциативных гнезд основных терминов. Следует отметить, что в случае внедрения переосмысленного транспозиционного элемента в условиях отсутствия дифинитивной экспликации новых парадигматических связей в принимающей трансдисциплинарной терминосистеме актуализация их доминантного компонента происходит на основе параллельного

употребления с ядром ассоциативного гнезда. Так, например, элемент *semantic governor*, образованный посредством конкретизации квазитермина адъективным термином из пласта основных лингвистических, получает дополнительные элементы, функционирующие в качестве аттрактора для создания подсистемы «фрейм» в трансдисциплинарной терминосистеме: *Регулятивные структуры (регулятивы) позволяют свернуть полученную информацию в модели сознания (фреймы)* (Жеребило, 2010, с. 302). Что дополнительно подкрепляется эксплицируемыми в тексте партитивными отношениями *frames* ← *semantic governors*, которые в свою очередь реализуют широкий потенциал по формированию ассоциативных гнезд в области трансдисциплинарного прояснения взаимодействия языковых и когнитивных структур, что закрепляется в лексикографических источниках как интраязыкового, так и межъязыкового заимствования: *...frame is related to the notion of a domain* (Evans, 2007, p. 86).

Термин *parse*, получивший достаточно широкое распространение в современном анализе формальных языков и машинном анализе естественных языков и токенов, был исходно заимствован из математики как процесс или результат сопоставления линейных последовательностей с формальными принципами их систематизации (Kumar, 2011, p. 100). Этот элемент конкретизирует функциональное поле употребления в результате прояснения ограничений на основе двух терминов (основного и базового, который является трансгрессионным) – *vocabulary* и *valence*, верифицирующих вектор интерпретации в рамках когнитивной семантики. Кроме того, топикальная привязка сужает вариативность данной единицы до необходимости выстраивания четкой схемы-алгоритма (дерева составляющих или дерева зависимостей) для формального анализа системами генераторов парсингов, что эксплицируется в инициальной фразе *FN data (FrameNet) data*, которая и маркирует функциональные ограничения понимания всех терминов и

квазитерминов областью корпусных исследований семантико-синтаксических созависимостей в текстовой генерации.

Нивелировка вариативности при сохранении ядерных компонентов при трансгрессии осуществляется в рамках четкого закрепления парадигматических отношений внутри промежуточной терминосистемы. Так, в концепциях когнитивной семантики описывается множество видов значения, но при имплементации нового форманта субсистемы, подчеркиваются контрастивные отношения, так называемой, генеративной функции, т.е. индивидуально детерминированной готовности к порождению мыслей, обладающих характеристиками новума и творимости, что конвенционализирует антонимические отношения в парадигме: *Ideational function of language, for the expression of content, is usually contrasted with interpersonal (or social), expressive and textual meaning* (Crystal, 2008, p. 235). – *Генеративная функция языка для выражения содержания обычно противопоставляется межличностному (или социальному), экспрессивному и текстовому значению* (перевод автора – Ю.П.).

В то же самое время приводится перечень отдельных компонентов генерализации для формирования родо-видовых отношений в терминосистеме когнитивной семантики: *Terms with similar meaning include 'conceptual', 'referential', 'propositional' and cognitive* (Ibid.). – *Термины с аналогичным значением включают 'концептуальный', 'референциальный', 'пропозициональный' и когнитивный компонент* (перевод автора – Ю.П.). При этом компоненты реляции в классифицирующей дефиниции вводятся на основе возрастания степени генерализации, что выстраивает широкое ассоциативное гнездо терминов и в конечном счете очерчивает круг новых функциональных ограничений трансгрессионного терминологизированного элемента.

Чрезвычайно интересным является эксплицитно выраженная в формальной ремарке маркированность трансдисциплинарности

используемого термина: *The cognitive process of forming ideas and relationships of meaning, prior to their formulation in language, is known as ideation* (Ibid.). – *Когнитивный процесс формирования идей и отношений между компонентами значения, предшествующий их формулированию в языке, известен как формирование идей* (перевод автора – Ю.П.). С помощью данного пояснения демонстрируется исходная область трансгрессии – психология, что легитимизируется включением в текст ремарки (*in a behavioural definition*) – (*в бихевиористском определении*), исключающей в области-доноре функционирование материальных ограничений (эмпирической верификации). В создаваемых вновь функциональных ограничениях при переходе данной терминологической единицы это ограничение нивелируется и приводится новое дихотомическое (относящееся и к объективной реальности языка и действительности, и к рефлексивному пространству когниции): *... to the objectively verifiable states of affairs in the external world, as reflected in language* (Ibid.). – *...к объективно проверяемому положению дел во внешнем мире, отраженному в языке* (перевод автора – Ю.П.).

Трансгрессия отнюдь не полностью нивелирует вариативность интерпретации заимствованной терминоединицы, что нагляднее всего может быть продемонстрировано на основе межъязыковых соответствий трансдисциплинарных терминосистем. В условиях разрыва (локального или темпорального) даже при функционировании в едином направлении специализированной области информационно-знаниевого континуума конситуативная интерпретация и традиционность комбинаторики порождает существенные различия, иногда приводящие к амфиболии, полностью трансформирующей терминосистему. Например, в работе «*Semantic relations, dynamicity, and terminological knowledge bases*» авторы, анализируя фреймовую организацию терминосистем, указывают: *In frame-based terminology, conceptual networks are derived from an underlying domain event,*

which generates templates for the actions and processes that take place in the specialized field as well as the entities that participate in them (Faber, Leon-Araúz, Prieto Velasco, 2009, p. 5). – В терминологии, имеющей фреймовую организацию, концептуальные сети являются производными от базового события домена, которое генерирует шаблоны (скрипты) для действий и процессов, происходящих в специализированной области, а также объектов, которые в них участвуют (перевод автора – Ю.П.).

В случае с шаблонным стереотипизированным действием в рефлексивной реальности по интерпретации того или иного вербализатора для российского когнитолога привычнее воспользоваться транстермином **сценарий**, который описывает именно апперцептивно полученный шаблонный бэкграунд к объективному или рефлексивному действию. Даже закрепление в дефиниции элемента «сценарий» не гарантирует амфиболии в восприятии исходного текста, поэтому использование вариативного номинанта *template* (образец, шаблон) в зарубежной когнитивистике в большей степени соответствует нашему термину **скрипт**, который и детерминирует векторы интерпретации – наличный образец диктует восприятие.

Сценарий в этом случае превращается в структуру сознания, порождаемую на основе интерпретации, т.е. выводится из текста, а не имманентного присутствия в рефлексивном пространстве: *Сценарий вырабатывается в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические («сценарные») структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений* (Жеребило, 2010, с. 392). Кроме того, данный термин получает более подробную детализацию в русскоязычной терминосистеме, с основанием **фрейм**, выстраивающим классификационную субсистему: *поверхностно-синтаксический фрейм; 2) поверхностно-семантический фрейм; 3) тематические фреймы; 4) фреймы повествования* (Жеребило, 2010, с. 392),

с критериальными формализаторами концепции. На основе детализации более четко определяется место трансгрессионного термина в терминосистеме и описываются его парадигматические связи.

Подобные ограничения в функционировании заимствованных терминологизированных понятий зачастую наблюдаются именно при транспозиции или трансгрессии не только в трансдисциплинарном, но и межъязыковом переносе и объясняются именно действием констант фоновых знаний, ситуативности и контекстуальности. Более широкие возможности расширенного пространства трансгрессии в русскоязычном сегменте трансдисциплинарной области знания обеспечивают и увеличение элементов ассоциативного гнезда терминов конкретизаторов (*регулятив, фрейм*) и вариативных номинантов базовых терминов (*схема, сценарий, когнитивная модель, «наивная» (народная) теория*) в терминосистеме. Происходит это на основе введения в дефинитивные описания новых критериев, эксплицирующих направление интерпретации, т.е. элементов «инкодирование» и «декодирование», а также «статика» и «динамика»: ... *стереотипные смены событий* (Жеребило, 2010, с. 332).

Таким образом, именно критерий представленности в самом экспоненте понятийных интерреляций в конкретной трансдисциплинарной области информационно-знаниевого континуума позволяет разграничить трансгрессию и транспозицию, как ключевые механизмы транстерминологизации. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о дихотомичном синегретическом взаимодействии транспозиционных и трансгрессивных терминов в формировании парадигматических связей в промежуточных терминосистемах когнитивной лингвистики и дискурсологии. Транспозиция позволяет внедрять первичные квазитермины, создавая функциональные ограничения в текстовом употреблении, при этом осуществляется прояснение связей имплементируемого понятия, стоящего за термином. В дальнейшем место конвенционализируемого элемента

закрепляется посредством как текстовой, так и дифинитивной экспликации критериальных признаков (релятивных компонентов) в трансгрессионном термине. На основе эксплицитной и имплицитной категоризации происходит конвенционализация экспонента, понятийного и денотативного планов заимствуемого термина, т.е. трансгрессия предполагает повторную актуализацию релевантной специальной информации, фиксацию её в вербалике и воспроизведение на основе когнитивных моделей условий её опредмечивания и распредмечивания. Транспозиционные и трансгрессионные изменения содержания терминологических единиц носят дихотомический характер ввиду актуализируемых противоречий с принимающей пограничной терминосистемой, трансформация всех планов термина (экспонента, объема и содержания понятия) вызывает адекватный отклик всей системы, которая, в свою очередь, задает векторы преобразования семантики и функционала термина. Тип динамики понятия или денотата в трансдисциплинарной области знания (эволюция – коллективная конвенционализация в дифиниции; революция – индивидуальная конситуативная аргументация в тексте) в данном случае не имеет решающего значения.

2.2. Индивидуальные и коллективные компоненты в процессе транстерминологизации

В попытках актуализировать отдельные знаниевые компоненты в транстермине при выстраивании непротиворечивой промежуточной терминосистемы каждый из ученых, следуя как собственным

интерпретативным моделям опредмечивания содержания, так и руководствуясь необходимостью соблюдения принципа потенциального распредмечивания, внедряет в содержание как индивидуальные, так и коллективные смыслы (Раздубев, Алимуратов, 2016). Безусловно, традиционным способом актуализации представляется следование продуктивным терминодеривационным моделям, которые в некоторых случаях позволяют модифицировать ядерную область и ввести в качестве доминантных конситуативно детерминированные элементы, однако, гораздо большими потенциями в этом аспекте обладают метафорические ассоциативные модели транспозиции и трансгрессии. Описание содержательного пространства (понятийного и денотативного) терминов исследуемых метаязыков не всегда возможно на основе дефиниции, так как выше уже была продемонстрирована факультативность эксплицитной категоризации. Функциональные ограничения устанавливаются зачастую в горизонтальном контексте с последующей экстраполяцией интенционально созданных ситуативных факторов на всю трансдисциплинарную область. Вербализация служит не только ключевым механизмом трансляции знаниевых компонентов, но и основой их создания, инструментом категоризации, значит в ситуативных ассоциативных вербализаторах также может проявляться процесс и результат «теоретического и обыденного мышления, коллективного и индивидуального знания» (Болдырев, 2001, с. 10).

Индивидуальные компоненты (релевантные в контексте вербализации конкретного аспекта исследуемого объекта в текстовой детерминации) в любом случае обязаны пройти процесс коллективной концептуализации, т.е. их индивидуальная интерпретация, основанная на константах фоновых знаний, ситуативности и контекстуальности должна в аргументативном пояснении «войти в резонанс» с конвенционализированными элементами. Соответствие их ядерным концептам той области информационно-

знаниевого континуума, в которую они имплементируются, является главным условием их категоризации. Именно механизмы концептуализации и категоризации представляют собой основу актуализации вновь образованных знаниевых компонентов и введения их в пространство трансляции и генерирования новых идей. Однако их делимитация и дает возможность представления индивидуального и обеспечения его корреляции с общественным, данное разграничение производится при учете результатов и целей этих разноструктурных процессов (Демьянков, 1994, с. 22). Механизм концептуализации сопряжен с индивидуально маркированной интерпретацией информационного потока и интериоризацией критериальных и релевантных для того или иного реципиента признаков узловых точек генерализованного представления об объекте описания. При этом следует отметить обязательную вербализацию их в вариативных лексемах, что обеспечивает сохранность концептуализируемого понятия как в локально, так и темпорально детерминированных контекстах (Ахманова, 1966, с. 22). Концептуализация, по сути, есть интимизация – распредмечивание структур знания для себя и выделение «квантов» рефлексивного пространства как в результате интенционального, так и неотрефлексированного познания. Дальнейшее вычленение наиболее общих (в нашем случае разделяемых различными учеными в рамках расширения конкретной области информационно-знаниевого континуума) признаков, позволяет соотнести элементы индивидуальной концептуализации с другими объектами, обладающими сходными категориальными признаками. На основе данного сравнения производится сужение ряда необходимых и достаточных условий и возникает кластер характеристик, репрезентирующий конечный объем опредмечиваемого в последующей трансляции содержания. Во вторичном сравнении категоризация не просто разделяет область информационно-знаниевого континуума на категории, группы, классы неких коррелирующих

объектов (Ахманова, 1966, с. 23), но и обеспечивает создание общего «разделенного» пространства интерпретации.

Произведенный анализ возможностей интенсификации значимых в той или иной ситуации знаниевых компонентов в транстермине демонстрирует необходимость учета инициальной коллективной семантики термина даже в условиях перманентно расширяющихся промежуточных терминосистем. Однако импликаторный потенциал терминоэлемента в системе метаязыка описания не ограничивается только комбинаторными возможностями семантики, он детерминируется также и репертуаром морфолого-синтаксических средств языковой системы (Кочан, 2013), которые могут быть привнесены из другого языка при комплексном междисциплинарном и межъязыковом заимствовании. Индивидуальные элементы, подвергающиеся рефлексивной верификации в рамках только одного горизонтального контекста, не экстраполируются даже в качестве квазитерминов в общее понимание концепции и получают лишь локально-темпоральную адаптацию в качестве «окказиональных терминов», не работающих как база трансляции и генерации знания. Единицы, не коррелирующие или не являющиеся транспарентными для распредемечивания, не могут являться вместилищем когнитивного опыта, т.е. представляют собой асистемные сущности (Парсонс, 2002).

Разделенный коллективный опыт, вербализованный в термине, проходит эмпирическую и рефлексивную верификацию, многократно интерпретируясь и преломляясь, трансформируется на основе новых знаний, индивидуальных достижений. В рамках герменевтико-ноэматического анализа, вскрывающего все факторы формирования общего пространства понимания с учетом горизонтальной текстовой и вертикальной континуально-концептуальной реальности (Бредихин, 2014 в, с. 115), производится описание не только возможных употреблений транстерминов, но и делимитируются его связи в системе метаязыкового инструментария.

Ключевым приемом описания интерпретируемых в том или ином контексте компонентов значения термина является фиксация, анализ и обобщение всех зафиксированных контекстов употребления исследуемого терминологического элемента. Полученное на основе исчисления всех возможных функциональных ограничений генеративное значение представляет собой иерархию актуализированных и ассоциативных в различных контекстах одной области информационно-знаниевого континуума сем, каждая из которых будет репрезентировать либо индивидуальный (а значит неизвестный, новый) компонент (эпизодическую память), либо отражать конситуативно релевантный элемент ядерного поля, т.е. коллективную память (семантическую по терминологии Э. Тулвинга) (Tulving, 1972).

Согласно Т. А. ван Дейку, коллективные (семантические) компоненты репрезентируют коллективно разделяемые убеждения некоего сообщества, экстраполируемые на все сходные и ассоциированные области получения и трансляции опыта. По сути, это установки, зафиксированные векторы интерпретации, общие для каждого из акторов генерации знания в трансдисциплинарной области. Индивидуальные (эпизодические) компоненты созданы для трансляции паттернов, абстрагированных от перцептивно и апперцептивно интимизированных в пространстве личного опыта, собственной когнитивной активности. Каждый из индивидуумов, формирующих трансдисциплинарную терминосистему, создает отдельное текстовое представление объекта исследования или целостной концепции в эпизодической памяти, при этом стереотипизированные ситуационные модели являются связующим звеном между интерпретированными компонентами или личными аргументациями и структурами семантической памяти (Dijk van, 1990).

Индивидуальный интенционально созданный на основе ассоциаций компонент значения актуализируется в качестве квазитермина в

горизонтальном контексте. Именно в нем и происходит его первичное дефинирование, однако в отличие от естественного языка, где интенсификация компонентов личного опыта происходит значительно чаще (примерно в 10 % фиксированных словоупотреблений по данным «Психолингвистического толкового словаря русского языка» (Психолингвистический толковый словарь русского языка, 2019), в метаязыке науки данный процент существенно снижается. Причиной тому является доминантная цель институционального научного дискурса – генерация и трансляция нового знания. Но этот принцип не всегда применим к исследуемым нами трансдисциплинарным областям информационно-знаниевого континуума, поскольку сам процесс «преодоления функциональной границы» связан с повышенными возможностями генерации.

Так, в некоторых текстах научных статей, описывающих трансдисциплинарные области, на основе имеющегося в той или иной концепции трансгрессионного термина с конвенционализированным значением при интрадисциплинарной транспозиции возникает дополнительный знаниевый компонент. Этот компонент может ассоциироваться с коррелирующей областью с иными функциональными ограничениями, в данном случае ассоциативное гнездо термина расширяется и позволяет не только имплементировать его в различные subsystemы метаязыка описания, но и создать индивидуальные векторы интерпретации в форме микрополей. Рассмотрим подобные примеры функционирования транспозиционных терминов на основе имеющихся в системе трансгрессионных (следует однако отметить, что частотность таких случаев относительно невелика ввиду необходимости множественной аргументации внедрения данного индивидуального компонента): *For the Arraignment frame, for example, the “slots” needing to be filled are not generally going to be available in the same sentence, let alone among the syntactic dependents of the*

verb arraign (Fillmore, Baker, 2001). – Например, для фрейма *Arraignment* «слоты», которые необходимо заполнить, обычно не будут доступны в одном предложении, не говоря уже о синтаксических зависимостях глагола *arraign* (перевод автора – Ю.П.).

При использовании в данном случае транстермина *slot*, который сохраняет свои ядерные компоненты терминальности импликации указаний на отношения между терминалами во фрейме, а также отсылки к нетерминальным составляющим, т.е. вариативное наполнение: ... *'slots' can be filled by other lexical items* (Evans, 2007, p. 218). – ... *'слоты' могут быть заполнены другими лексическими элементами* (перевод автора – Ю.П.); включаются компоненты базовой интерпретации иерархической структуры данной вариативности: ... *a CLASS of ITEMS can be INSERTED* (Crystal, 2008, p. 439). – ... *ВНЕДРЯТЬСЯ может целый КЛАСС ЭЛЕМЕНТОВ* (перевод автора – Ю.П.). Таким образом происходит сохранение коллективных (семантических) элементов, обуславливающих принципиальное понимание как генерализованного значения термина, так и возможность определения его места в терминосистеме. Сама трансгрессионная специфика данного термина обуславливается его «зонтиковым» характером, присутствующим в ядерных компонентах исходной лексемы «slot», и является достаточно прозрачной – локально и темпорально детерминированная единица установки модульных вариативных элементов. При этом высокая степень абстракции позволяет использовать этот термин во множестве областей знания, в том числе меж- и трансдисциплинарных.

Однако в вышеприведенном примере примарными оказываются не только коллективные компоненты интерпретации транстермина *slot*, распространенные в когнитивной науке и фиксируемые множеством лексикографических источников. В данном случае транспозиционные и трансгрессионные компоненты образуют конвергентное значение, сходное по характеристикам с опознавательными терминами, доминантное

содержание которых не включается в перечень категориальных признаков понятия, стоящего за ним (Рябов, 2009, с. 184). Здесь происходит актуализация периферийных компонентов из коррелирующей области нелинейной фонологии, а именно значения «ассоциативная линия» как связь между разноуровневыми элементами, что подчеркивается использованием кавычек и дальнейшим пояснением о невозможности структурирования слотов в рамках методологии другой интердисциплинарной области – тагмемики: *a line drawn between UNITS on different LEVELS* (Crystal, 2008, p. 41). – *линия, маркирующая границы ЭЛЕМЕНТОВ на разных УРОВНЯХ* (перевод автора – Ю.П.). Таким образом, происходит актуализация и интенсификация индивидуально интерпретируемого и конситуативно релевантного трансгрессионного компонента, получающего дифинитивные описания в определениях различных областей знания, но фиксируемых в конкретной концепции. Эти расширительные элементы значения термина не повышают степени его вариативности, а наоборот, легитимизируют трансдисциплинарную методологию анализа.

Проанализируем ещё один случай, конвенционализирующий социологические и психологические транстермины в рамках конкретизации функциональных ограничений, осуществляемых посредством ассоциативного переноса устоявшихся векторов интерпретации в область лингвистического анализа. Так, при обсуждении возможностей применения некоторых методологических принципов бихевиористской теории в процессах распределения смысла в восприятии речи, один из ведущих ученых Регенсбургского Университета А. Тейшейра Калькхоф привлекает в качестве поясняющей аргументации уже занявшего прочные позиции в когнитивной лингвистике трансгрессионного термина *gestalt* некоторые не входящие в пространство коллективной интерпретации квазистермины.

Under normal circumstances, we recognize a word at once like we recognize a known person by his “habitus” (for the related Indian notion of

“*sphota*”...)<...> *No one can say which aspect of the word triggered the recognition process. Sounds of a word form part of a whole, of its “lautgestalt” ...* (Teixeira Kalkhoff, 2020, p. 68-69). – При нормальных обстоятельствах мы сразу узнаем слово, как узнаем известного человека по его “габитусу” (синоним для родственного индийского понятия “*спхота*”...) <...> Никто не может сказать, какой аспект слова вызвал процесс распознавания. Звуки слова составляют часть целого, его “*lautgestalt*”... (перевод автора – Ю.П.).

На основе внедрения в ядерное поле значения термина компонентов «инициального неотрефлексированного узнавания» при восприятии речи, автор конвенционализирует не только коллективные значения «гештальта» в когнитивной лингвистике как холистического конструкта когнитивно-коммуникативной деятельности человека – *An organised whole or unit* (Evans, 2007, p. 90). – **Организованное целое или единство** (перевод автора – Ю.П.), но и его неинтенционально используемые возможности концептуализации и категоризации ...*unconscious mental processes constrain experience* (Ibid., p. 91). – **...бессознательные психические процессы ограничивают опыт** (перевод автора – Ю.П.), хотя категоризация вряд ли может проходить вне выявления и обобщения категориальных признаков объекта.

На основе расширения ассоциативного гнезда, предлагаются вариативные терминоминимации анализируемого ментального единства «гештальт», в которых доминантную актуализацию получают два конкурирующих принципа: 1) целостность и неделимость на основе учета конечного перечня релевантных признаков (необходимые и достаточные условия); 2) целостность на основе аморфного неделимого несистемного архетипа. Первый компонент аргументируется в квазитермине “*habitus*”, имеющем более высокую степень конвенциональности в лингвистике (ср. лингвистический габитус), чем второй квазитермин “*sphota*”, призванный мифологизировать архетипические представления о целостности звукомысли (ср. фоносемантика).

Так, набор четко очерченных диспозиций (функциональных ограничений) становится одним из критериальных признаков категоризации гештальта как некоей системы, обусловленной темпоральным и локальным контекстом, а значит строящимся на константах фоновых знаний, ситуативности и контекстуальности. Противопоставленный же данному вектору понимания гештальта в когнитивной лингвистике интерпретант «спхота» фиксируется в донаучной лингвистической традиции в трактате грамматиста Патанджали «Махабхашья» как ментальная форма (инвариант वर्ण – варна). Эта дилемма (невозможность совмещения интенционального и неосознанного) также вербализуется автором на основе лексемы *related notion*, которая репрезентирует лишь семейное сходство рассматриваемых компонентов не подменяя одни методологические принципы другими. Таким образом, первый актуализированный индивидуальный компонент обеспечивает возможность определения «ценности», места трансгрессионной терминоединицы *gestalt* в ряду подсистемы «фигуры и фона» (*figure-ground organisation*), а второй элемент индивидуальной интерпретации позволяет а priori оправдать использование и дополнительно подчеркнуть нерушимость связей в этой целостности. Трансплантация же в неизменном виде немецкого термина *lautgestalt* в гораздо большей степени реализует конситуативную привязку к концепциям речепорождения и речедекодирования. При использовании устоявшихся в отечественном языкознании терминов «звукообраз» или «акустический образ» порождает ситуативную амфиболию в первом случае к фоносемантическим исследованиям, а во втором к фонологии.

Каждый из индивидуальных компонентов значения транстерминов, актуализируемых в топикально детерминированном горизонтальном контексте, нуждается, по крайней мере, в рефлексивной верификации на предмет адекватности в действующих функциональных ограничениях. Они отличаются не только от ядерных компонентов, присущих

трансгрессионному термину и составляющих жесткий каркас парадигматики в терминосистеме, но и друг от друга, иногда образуя, как это было продемонстрировано выше, оппозиционные пары. Лексикографические и психолингвистические значения термина служат для создания рядов спецификации индивидуальных компонентов, которые характеризуются следующими особенностями. Во-первых, структурно они организованы как семантемы, т.е. при сохранении высокоиндексных сем в контексте использования они демонстрируют примарность сопутствующих компонентов при реализации всех функций термина. Во-вторых, доминантными константами для их актуализации являются константы фоновых знаний (продуцента/реципиента), субъективности, контекстуальности (ситуативности), так как наблюдается не только высокая степень привязки их к содержанию конкретного научного текста, но и максимальная интроспекция в процессе их создания. В-третьих, обеспечение дальнейшей конвенционализации происходит в процессе аргументативного сравнения с коллективными паттернами, прогнозирующими их распределение. Эта модельная репрезентация индивидуального в коллективное пространство имеет место при необходимости переноса элементов кратковременной конситуативной верификации в долговременную память социумной группы (ученых занимающихся единой проблематикой) и описывается Ф. Н. Джонсоном-Леардом в рамках соответствия структур ментального моделирования (Johnson-Laird, 1983, p. 148-149).

Выявление индивидуальных компонентов, актуализируемых в том или ином горизонтальном контексте в квазитермине, происходит на основе интроспективного контекстуально-семантического анализа, т.е. реципиент на основе феноменологической рефлексии распремечивает тот или иной знаниевый компонент содержательной структуры термина, актуализируемый в его употреблении. При этом необходимо отметить, что ядерные компоненты, которые намеренно не нивелируются ближайшим контекстом,

распредмечиваются независимо от наличия новых. Таким образом, наблюдается теснейшая взаимосвязь лексикографических и индивидуальных значений, коррелирующих и определяющих друг друга в контекстуальном описании с последующей категоризацией словоупотреблений и формированием генерализованного определения, актуального и соответствующего конкретной области информационно-знаниевого континуума (Стернин, Саломатина, 2011, с. 25).

Концептуализированные в контексте компоненты значения термина в своей совокупности призваны реализовать индивидуальное значение, которое на основе сравнения с лексикографическим и психолингвистическим и категоризует наиболее релевантные компоненты в генерализованном значении термина в трансдисциплинарной промежуточной терминосистеме. В процессе сравнения и закрепления новых компонентов делимитируются: 1) собственно актуализированное значение как комплекс критериальных признаков, 2) актуализированные семы как единицы, обеспечивающие первоначальное понимание и основу сравнения, 3) интимизированные и контекстуальные семы, эксплицирующие собственно авторскую позицию исследователя трансдисциплинарного объекта.

2.3. Контаминационные процессы при актуализации констант фоновых знаний, ситуативности и контекстуальности в терминологизированном заимствовании

В данном параграфе мы определим возможности распредмечивания и опредмечивания различных знаниевых компонентов, актуализируемых при

транстерминологизированном заимствовании как специфической форме деривации промежуточных терминосистем на примере дискурсологии и когнитивной лингвистики. Использование понятия «схемы действия» как модели опредмечивания/распредмечивания конситуативно детерминированного содержания термина представляется нам вполне закономерным в данном исследовании. Под ними подразумеваются особые акты интендирования в процессе интерпретации терминологизированного понятия, стоящего за элементом терминосистемы. Непротиворечивую схему смысловосприятия, смыслодекодирования и интерпретации невозможно построить без осознанного привлечения к анализу констант фоновых знаний (обеспечение нивелировки субъектно-объектной асимметрии при учете адресантно-адресатной фокусности), ситуативности (привязка к конкретной концепции трансдисциплинарной области знания) и контекстуальности (детерминированность позиции исследователя). Применение закрепленной данными константами механизмов интерпретации по «схемам» структурирует и позволяет прогнозировать векторы адаптации опредмеченного в термине знания и трансформации функциональных ограничений.

Проблема интерпретации содержания транстермина в конкретных текстах является одной из самых насущных в наше время, когда расширение интердисциплинарных предметных областей достигло своего пика. Человек на настоящий момент живет в мире апперцептивно воспринимаемого и интерпретируемого знания, ведь объективная реальность всегда дана нам только в преломлении через рефлексивную реальность, а потому рефлексивная деятельность является наиважнейшим способом действия в производстве и интерпретации внутреннего содержания элементов концептуальных систем вербализации неэмпирически верифицируемого и генерируемого нового знания. При исследовании языковых конструкций, на основе которых человек воспринимает, генерирует и транслирует знание,

роль неэмпирически верифицируемых «ненаблюдаемых объектов», которые выполняют функцию сжатого, априорно интимизируемого символа существенно возрастает (Гвишиани, 1986, с. 8). Знаниевые компоненты как узловые элементы смыслопорождения термина, и возникающее при их актуализации комплексное генерализованное значение термина (контаминированное на основе лексикографического, психолингвистического и индивидуального значения) воспринимаются и осмысливаются только при использовании осознанной, интенционально направленной на объект разноаспектного описания рефлексии в ходе распремечивания вербализованных, бытующих в ткани конкретного текста единиц (Smith, McIntyre, 1982, p. 16). Для актуализации такого комплексного значения без потери различных элементов, но в условиях синергетического их взаимодействия рефлексия должна иметь направление вовнутрь, вектор опредмечивания в этом случае является некоей онтологической конструкцией, осознаваемой и применяемой всеми членами социумной группы, т.е. реальной категорией той области трансдисциплинарного знания, в котором существуют продуцент и реципиент текста.

Рассмотрим некоторые форманты, вербализующие генерализованное значение на основе констант фоновых знаний, ситуативности и контекстуальности, которые позволяют в рамках действующих функциональных ограничений установить отдельные актуализируемые компоненты значения в их взаимовлиянии и взаимодействии. В работе «The Embodied Mind and the Origins of Human Culture» известного когнитивиста, профессора Университета Кейс Вестерн Резерв Марка Тёрнера в рамках обсуждения механизмов концептуального смещения при восприятии и интерпретации высказываний естественного языка неоднократно встречается пример, эксплицирующий шаблонность и схематичность действий, а также неосознанность этих моделей, несмотря на их усвоенность и закрепленность: *...almost everything we are doing in language happens backstage, in ways we*

can't see, following patterns we can't state, indeed patterns we don't even know we are following (Turner, 2011, p. 15). – ...почти все, что мы делаем в языке, происходит за кулисами, способами, которые мы не можем наблюдать, следуя законам, которые мы не можем сформулировать, более того, мы следуем паттернам, о существовании которых даже не подозреваем (перевод автора – Ю.П.).

В данном случае описание шаблонности и коллективности «схем действия» эксплицируется в трансгрессионном термине *pattern*. Именно он, сохраняя ядерные компоненты своего лексикографического значения, закрепленного в узуальном употреблении как «повторяющиеся в реализации модели», актуализирует в качестве доминантного компонент «предсказуемость». Данный ядерный компонент подкрепляется в горизонтальном контексте лексическим повтором, который, однако, может интерпретироваться вариативно, поскольку сам процесс трансгрессии и «зонтиковый» характер данного термина предполагает дефинитивную неопределенность даже в различных направлениях лингвистического знания: *...this term is found in linguistics and phonetics, without any special implication* (Crystal, 2008, p. 354). – ...этот термин встречается в лингвистике и фонетике без каких-либо специальных ограничений (перевод автора – Ю.П.). Иными словами, трансляция потенциальности позиций, которую может занять данный термин в той или иной subsysteme терминов, закрепляется в определении. Однако внедрение именно константы ситуативности позволяет конкретизировать функциональные ограничения и вписать данный термин в теорию концептуального блендинга: *Certain theoretical implications may be added in some contexts, however* (Ibid.). – Однако в некоторых контекстах могут быть добавлены определенные теоретические импликации (условия) (перевод автора – Ю.П.). В то же время горизонтальный контекст актуализирует компоненты «неосознанность», «неинтенциональность» процессов интерпретации, что на первый взгляд

противоречит ядерному компоненту «предсказуемость», при этом он модифицируется в элемент иного содержания – «прогнозируемость», который не актуализирует облигаторность схемы и воспроизводимых процессов, но эксплицирует возможные динамические модели понимания: *...the factors which governs the attentional system* (Evans, 2007, p. 158). – *...факторы, детерминирующие систему акцентуаций* (перевод автора – Ю.П.).

В дальнейшем при описании механизмов смешения элементов сферы-источника и сферы-цели при формировании конвергентных ментальных пространств, в процессе континуального смыслопорождения и смыслодекодирования М. Тёрнер использует ещё более спорные квазитерминологические элементы для модификации функциональных ограничений. Привлекаемые при этом неконвергирующие области знания сами начинают действовать в качестве одного из факторов трансформации принимающей терминосистемы, т.е. сфера-источник является не донором элемента, а донором системных отношений и методологических принципов.

The most advanced kind of blending networks are “double scope” blending networks, also known as “vortex” blends (Turner, 2011, p. 15). – *Наиболее продуктивным типом блендинга являются «двухсферные» (межпространственные) блендинговые системы, также известные как «потокосые» (турбулентные) бленды* (перевод автора – Ю.П.).

В лексикографическом значении блендинг в лингвистике эксплицирует именно компонент транспозиционного преноса элементов одного домена на другой без их органичного (синергетического) смешения, именно поэтому в зарубежной когнитивистике существует вариативный вербализатор «bleeding», актуализирующий перенесение структурных репрезентаций одной модели на другую: *...a process of understanding one conceptual domain in terms of another* (Crystal, 2008, p. 98). – *...процесс понимания одной концептуальной области в терминах другой* (перевод автора – Ю.П.).

Подобное распредмечивание ядерного компонента основывается на общепринятом значении и детерминирует наличие двух областей конвергенции. Однако психолингвистическое значение «блендинга», строящееся в рамках «наивного» восприятия экспонента, формирует совершенно иное пространство взаимопроникновения двух систем, что подчеркивается в условиях дальнейшей конкретизации функциональных ограничений использования данного термина: *A type of integration network in which both input spaces also contain distinct frames but the blended space is organised by structure taken from each frame, hence the term 'double-scope'* (Evans, 2007, p. 63). – *Тип интегративной сети, в которой оба исходных пространства также содержат отдельные фреймы, при этом смешанное пространство имеет структурную организацию, присущую каждому фрейму, отсюда и термин «межпространственная сеть» («двухсферная»)* (перевод автора – Ю.П.). Это значит, что константа ситуативности в данном случае при сужении интерпретативного пространства расширяет степень взаимообусловленности и взаимопроникновения неконвергирующих областей, хотя используемый для прояснения термин *double scope* всё ещё действует в качестве некоего барьера для интенсификации динамического характера. В аспекте задействования контекстуальности вскрываются совершенно новые знаниевые компоненты, а именно возможность конвергенции не двух, а более пространств бленда, а также его континуальный характер, что эксплицируется уже термином *“vortex” blend*. Именно «потокость» блендинга в данном случае эксплицируется в итоговой аргументации, т.е. «перманентное движение» интегративных структур их относительная, а не закрепленная в сознании способность создавать аналоговые пересечения и породить схожие структуры в процессе интерпретации.

Автор в данном случае выстраивает специальный текст таким образом, что осмысление внутреннего содержания каждого из

конвенционализированных терминов когнитивной семантики реципиентом в полихронотопном пространстве является основным критерием понимания трансформации всей промежуточной терминосистемы.

В некоторых случаях расхождения в интерпретации неоформленных лексикографически дефиниций транстерминов приводят к серьезным расхождениям в интерпретации как ядерных, так и имплементируемых ситуативных и контекстуальных компонентов. В данном случае степень контекстуальной привязки существенно возрастает. Рассмотрим некоторые из подобных достаточно употребительных единиц, частотность которых в работах по концептологии очень велика, однако в специальных словарях их определение либо отсутствует, либо не содержит аргументативного объяснения с детальным представлением критериальных признаков. Зачастую такие дефиниции даются на основе других терминоединиц с более конвенционализированным толкованием.

В работе М. Тёрнера встречается обсуждение возможностей алгоритимизированного представления знаний из различных сфер в процессе блендинга: *The blending typically does not obliterate the inputs. It provides a human-scale, integrated scenario that serves as a conceptual anchor for the conceptual integration network* (Turner, 2008, p. 13). – *Процесс блендинга обычно не аннулирует входных данных. Он обеспечивает создание масштабного, комплексного сценария, который служит концептуальным якорем для сети концептуальной интеграции* (перевод автора – Ю.П.).

В данном примере интенционально подчеркивается всеобъемлющий характер такой структуры представления знаниевых компонентов, как «сценарий», однако отсутствует один из ключевых компонентов, привычных для российского когнитивиста – «рефлексивная структура, распределенная при рецепции». Т.е. исходным для формирования и закрепления сценария в узуальном значении представляется текстовая реальность, на основе которой, сценарий «вырабатывается в результате

интерпретации» (Демьянков, 1997, с. 181). Инициальным пространством в рассматриваемом контексте служит не текст, но некое пространство взаимодействия двух концептуальных сфер (блендинг), при этом оно воспринимается именно в своей процессуальности, что приводит к интерпретации транстермина в качестве определенной последовательности шагов, а значит, прописанного алгоритма, приводящего к известному результату.

Конечно же, сохранение ключевого компонента данного термина, а именно значения «алгоритмизированного», а не просто схематичного действия по созданию интегративных пространств, ещё более выпукло представляет широко эксплицируемый (базовый в отечественной когнитивистике) элемент значения – «динамика и процедурность»: *концептуальные структуры для **процедурного** представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении* (Баранов, 2001, с. 18). «Схема дейсвоания» в данном случае представляется подвижной и постоянно меняющейся, хотя и привязана к описанию стереотипных феноменов. При таком рассмотрении термина *scenario*, он в большей степени сближается с исходным транспозиционным не адаптированным заимствованием *scene*, который эксплицирует сам процесс трансфера данных из одной области в другую (ср. команды инициализации сценариев в различных языках программирования: $+(id) \quad scene \quad \{ \quad CCScene *scene = [CCScene \quad node] \}$).

Другим контекстуально детерминированным компонентом значения, в некоторой степени противопоставляемым описанному выше содержанию динамичности, является метафорически эксплицируемая «статика» в выражении *anchor for the conceptual integration network*. Понимаемое «якорение» – закрепление последовательности действий по смешению концептуальных пространств, практически полностью нивелирует тот динамизм и перманентное перетекание (вариативность структуры), которое

является критериальным признаком для термина «сценарий». Таким образом, генерализованное значение, органично объединяющие в себе необходимые и достаточные условия для описания этого транстермина формируют новую дефиницию – *комплексная вариативная схема действия по опредмечиванию/распредмечиванию знания, служащая в качестве узловой точки (ядра) интегративной сети.*

Нормированная лексикографическим значением интерпретация в горизонтальном контексте подразумевает выявление индивидуально релевантных компонентов и не дает возможности распределить все грани значения, однако, когда возникает объективная необходимость ввести термин не только в собственный метаязык, но и транслировать распределенные компоненты, на основе сравнения происходит процесс вторичного связывания, и луч направленной (осознанной) рефлексии воспринимается уже как коллективная среда интерпретации. Возникновение так называемого «второго типа производства знаний» в его коэволюционной форме (Черникова, 2015, с. 26) – совместной генерации знания и инструментария его выражения и трансляции – является предтечей опредмечивания парадигматических связей в новых промежуточных областях. Таким образом выстраивается иерархия компонентов значения во всеобщем понимании, возникает определенность места в системе номинантов, метаструктуры обретают дискретность и детализацию. При таком комплексном взаимодействии всех вышеперечисленных констант рассматривается весь перечень ключевых характеристик терминологизируемого понятия, именно тогда трансдисциплинарная область информационно-знаниевого континуума обретает собственную терминосистему, проясняется через себя – «мы сохраняем равенство вещи с самой собой и ее истину, состоящие в том, что вещь есть “одно”» (Гегель, 1959, с. 65).

В условиях внедрения в подвижные рамки новых функциональных ограничений транстерминов необходимо учитывать не только высокий

интерпретативный потенциал подобных элементов, но и возможные каузации и постоянное перетекание в конситуативную определенность генерализованного значения конструкта. Однако константа фоновых знаний (доминантное условие принадлежности потенциального реципиента к репрезентируемому в тексте направлению) и многоуровневости адресантно-адресатной фокусности: 1) продуцент – реципиент, 2) отношения между элементами терминосистемы, 3) план опредмечивания содержания терминоединиц (фокус продуцента), 4) план распредмечивания содержания терминоединиц (фокус реципиента) (ср. полихронотопность текста по А. И. Милостивой (Milostivaja, 2010, S. 199)), позволяет делимитировать пространство наиболее эффективной трансформации как семантики самого термина, так и модификации парадигматических отношений во всей промежуточной терминосистеме. Само существование вариативного номинанта терминологизируемого понятия в таком случае определяется посредством нескольких осей координат: 1) Прототекст – Текст – Метатекст (Кузьмина, 1999), образующих первую вертикальную ось, 2) единое пространство горизонтального текста, образующего горизонтальную ось и 3) вторая вертикальная ось установления парадигматических отношений – донорские области транстерминологизации, формирующие промежуточную терминосистему.

Константа интенциональности как осознанность внедрения терминоединицы для репрезентации специфических недифинированных ранее понятий релевантных для описания трансдисциплинарного объекта с учетом его динамических свойств, наблюдающихся в условиях присутствия наблюдателя. Целостное восприятие содержания термина прогнозируется именно в таком ключе, потому что каждый реципиент на основе константы фоновых знаний и собственной интенции получает подтверждение «правильности» используемого термина в процессе рефлексивной верификации при дальнейшем распредмечивании во всей ткани текста, так и

в собственной последующей трансляции элемента. Если на первом этапе осуществляется только актуализация некоторых компонентов содержательной структуры, то в рамках действия константы ситуативности наблюдается их адаптация к конкретной области информационно-знаниевого континуума.

Содержание, стоящее за транстермином в новой системе отношений, усматривается только в рефлексии, в постоянной динамике, в трехслойном действовании продуцента/реципиента с текстом – терминосистемой – областью информационно-знаниевого континуума. Данные компоненты значения проясняются не только через ядерные номинанты ассоциативного гнезда, но и в метафорическом прояснении через самих себя. Определенное и распределенное осуществляется не как денотация объективной реальности, но как пресуппозиция рефлексивной деятельности каждого из участников научной коммуникации над «смысловыми скважинами» (Жинкин, 1998, с. 34), которые создают проблемы в выстраивании единой концепции. Однако следует отметить, что отождествление пресуппозиции и «смысловой скважности» является упрощением данного процесса, скорее они соотносятся как причина и следствие, результат попыток вмонтировать новые знаниевые компоненты в коллективное пространство интерпретации. Каждый из знаниевых компонентов, не получивших лексикографического закрепления, остается распределенным только мыследействованием, привязан к горизонтальному контексту, эксплицирован в виде квазитермина (как в примере с микро- и макропазлами (Шаховский, 2018, с. 69), описанном выше). Кроме того, степень взаимопонимания между представителями одной концепции всегда говорит о максимальной степени элиминации «скважности», ведь даже при использовании подобных квазитерминов общий смысл высказывания и понимание ключевых характеристик описываемого объекта ведет к транспарентности их содержания. Интроспекция нормализует активность

интерпретации уже генерализованного значения транстермина и помогает иерархически структурировать компоненты внутри него для адаптации к принимающей системе. Обратные процессы ретро- и проспекции при имплементации подобных элементов в терминосистему приводят к модификации её структуры, что адаптирует саму систему к новым функциональным ограничениям.

Рассматриваемый тип рефлексии представляется структурирующим, обеспечивающим четкое определение места той или иной терминологической единицы в терминосистеме, а значит контролируемость контаминации констант фоновых знаний, ситуативности и контекстуальности позволяет в практике научного дискурса изменять наполнение онтологических картин реципиента. Синергетическое взаимодействие элементов актуализации этих констант позволяет эксплицировать трансдисциплинарный объект исследования не в его первичном снятии в процессе взаимодействия с объективной или текстовой реальностью, а в генерализованном значении, действующем в конкретных условиях семиозиса и когниогенезиса. Эта конвергенция дает нам полную картину усматриваемого, осмысливаемого и в конечном счете транслируемого компонента, и именно подобный вид рефлексии позволяет проанализировать не только процесс, но и «субстанцию понимания» (Богин, 1993).

Интерпретации (первичная) на основе восприятия только индивидуальных компонентов всегда релевантна собственной метаязыковой системе и не выводит распределенные знаниевые компоненты термина в область парадигматической взаимосвязи с другими коллективными компонентами значения. Но при интенциональном сравнении с генеративной ситуацией, она выходит на новый уровень в качестве распределенного – «узнанного», т.е. из аморфного превращается в структурированное, все компоненты обретают сущностные характеристики и фиксируются,

освобождаются от «аспектуальной случайности» (Гадамер, 1988, с. 161). Механизм контаминации различных констант оказывается релевантным как для продуцента нового термина, так и для реципиента, поскольку репрезентация рефлексивной реальности в вербалике предполагает интенциональное рассмотрение как самого феномена, так и понятия как максимально исчерпывающего перечня его критериальных признаков, а также всех аспектов его формализации в материи языка (Husserl, 1992, S. 122-123).

Это рефлексивное поле интерпретации формируется в коллективном пространстве при первичном апперцептивном восприятии, дальнейшем осознании и фиксации недостатка фоновых знаний в пассивной рецепции. «При пробуждении рефлексии опыт оживает и реализует горизонт (т.е. происходит растягивание смысла), причем не так, как это случилось бы во времена появления опыта» (Богин, 1993, с. 10). Внимание к «скважности», попытки заполнения пробелов дефинитивного описания расширяет возможности транстерминологизации, поскольку снимает ограничения «горизонта недетерминированной реальности» (Husserl, 1992, S. 127), усиливает детализацию информационно-знаниевого континуума.

При взаимодействии всех вышеуказанных констант модификации подвергается уже вся принимающая промежуточная система терминов, узловые элементы внутри структуры перераспределяются и растяжению подвергается практически каждая из имевшихся ранее парадигматических связей для включения новых элементов, а вместе с этим осуществляется трансформация и изменение ранее образованных онтологических картин, способных описать наддисциплинарные объекты.

Образование и закрепление «схем действия» (закрепление следует понимать условно и конситуативно детерминированно) осуществляется в специализированном тексте в направлении от коллективных актуализированных компонентов, через индивидуальное преломление во

вновь вводимых периферийных элементах к генерализованному значению термина. Тот факт, что интерпретация даже общих компонентов значения транстермина каждого реципиента осуществляется в рамках его воззрений на тот или иной феномен (денотат терминоединицы), опосредуется конситуативными и контекстуальными ограничениями, что в конечном счете ведет к возникновению сходных «схемы действия» или относительной универсальности, нормированности восприятия, которую можно писать как структурированность генерации нового знания. Такая структурированность на фоне различий в фоновых знаниях и позволяет продуценту и реципиенту понимать друг друга.

Контаминация различных констант при опредмечивании и распредмечивании нового знания в транстермине является не стихийной, но организованной по общим принципам синергетического взаимодействия, включающим различные иногда даже асимметричные возможности: «организованности сознания в отношении друг к другу могут выступать и как противоречивые, и как взаимодополняющие, совместимые и несовместные, зависимые и независимые, в самых различных типах обусловливания и т.д. и т.п. – и все это в одном, произвольно взятом, индивидуальном сознании» (Алексеев, 1991, с. 6).

В трансдисциплинарных терминосистемах для опредмечивания и распредмечивания актуализированного значения узловых единиц применяется интегральная модель лексического ожидания, которая сопровождается прогностическими стратегиями, для обеспечения единства интерпретации. На основе этой модели каждый случай структурно неоднозначного терминопотребления может быть аргументирован реализацией той или иной константы, что снимает проблему неправильного толкования и дальнейшей «проекции ядерного элемента» как объединяющего компонента (Бредихин, Серебрякова, 2016, с. 114). Осознанное формирование фокуса внимания над формой и содержанием

транстермина есть ни что иное как интенциональность, которая актуализирует и конвенционализирует различные знаниевые компоненты, распределяет их по уровням структуры во взаимодействии с коррелирующими компонентами других элементов промежуточной терминосистемы и связывает их в узловые конситуативно детерминированные единицы, служащие ядром ассоциативных гнезд. Таким образом, сам узкоспециализированный текст становится генератором нового знания.

Вариативная интерпретация с учетом взаимодействия различных констант отнюдь не исключает возможности совместного действия по пророждению новых компонентов, которое происходит на основе двух типов дальнейшей конвенционализации: предметно-денотативного и пропозиционально-референциального (Никитин, 2009). Именно второй тип закрепления генерализованного значения происходит в рамках актов интендирования, т.е. намеренного встраивания компонентов в содержание. А первый тип обеспечения коллективного восприятия становится основой исходной аллюзивности и ассоциативности, которая позволяет расширять гнездо терминов и выстраивать subsystemы. В ряд формирующих генерализованное значение транстермина предданностей можно включить также коллективные пропозиции и пресуппозиции.

Из вышесказанного следует вывод о том, что интендирование как намеренная контаминация реализации констант фоновых знаний, ситуативности и контекстуальности является доминантной процесса транстерминологизации вне зависимости от механизмов (транспозиционного или трансгрессионного) имплементации новых элементов в промежуточную терминосистему. На основе учета этих констант в их синергии продуцентом/реципиентом осуществляется выбор оптимальных языковых способов формализации и конвенционализации знания. Сам же трансдискурсивный характер термина, эксплицированный в дефинитивных описаниях или имплицированный в функциональных ограничениях,

представляет собой маркер, инициирующий подбор нужных (актуальных в горизонтальном и вертикальном контексте) «схем действия».

2.4. Лингвокогнитивные основания имплементации «зонтиковых» терминов в промежуточные терминосистемы

Каждый виток развития знаниевого пространства вне зависимости от сферы его применения коррелирует с прорывным (революционным) изменением лексической системы языка. Трансдисциплинарные направления лингвистического знания (когнитивистика и дискурсология), выступая как средство, субъект и объект когнитивной деятельности, представляют собой наиболее интересные для исследования терминодеривационных процессов области современной науки. Следует отметить, что именно в рамках данной области информационно-знаниевого континуума наиболее ярко проявляются скрытые зачастую в других сферах лингвокогнитивные механизмы адаптации новых элементов – транспозиции и трансгрессии (преодоления непроходимой границы на стыке несмежных лингвоконцептуальных областей). Ключевую позицию в данных процессах занимают так называемые «зонтиковые» термины, «функционирующие в дискурсивном пространстве, осложненных конситуативными факторами и характеризующимися присутствием эпизодических контекстуально детерминированных компонентов, областей информационно-знаниевого континуума» (Serebriakova, Bredikhin, Plokhaya, 2021, p. 1442). Конситуативное обоснование каждого термина, подвергающегося транспозиции или трансгрессии или создаваемого с учетом компонентов

новума, творимости и идиомаркированности, не может избежать необходимости традициплнарной легитимизации, которая по сути представляет собой контекстуальную и прагматическую верификацию (Bredikhin, Tsybulevskaya, 2020, p. 1512). Только при соблюдении данного условия терминосистема с транспозиционными и трансгрессионными элементами сможет выполнять свою примарную функцию обеспечения оперирования новыми компонентами для приращения знаниевых структур (Лотте, 1961, с. 138).

Размытость границ промежуточных терминосистем является главным фактором расширения терминоведческих интересов в отношении исследования различных видов пополнения терминологического состава, создания терминологизированных единиц, модификации и смены статуса терминов, терминоидов, квазитерминов и т.п. Имманентная возможность транспозиции и трансгрессии объясняется амфиболической природой самого термина – данные единицы, с одной стороны, являются структурирующими компонентами знаниевого континуума конкретной области человеческой деятельности, а с другой – общим достоянием, функционируя в лексической подсистеме конкретного языка. Исследование информационно-знаниевого континуума в его вербальной представленности невозможно без обращения к отдельным аспектам внеязыковой реальности, создающим пространство конситуативной интерпретации.

Аргументированность и возможность рефлексивной верификации рассматриваемого типа терминологии является основанием для успешного взаимодействия различных научных концепций в рамках воспринимающей области информационно-знаниевого континуума, ведь именно система подобных наддисциплинарных элементов, способных к структуриации общего пространства вербализации на основе разделенного метаязыкового кода, может выступать как средством, так и результатом формирования, аккумуляции и трансфера знаниевых компонентов. Следует указать и на

чрезвычайную значимость унификации не только терминоединиц, но и компонентов, позволяющих порождать новые терминоиды и квазитермины, маркирующие все нюансы эксплицируемого значения в конситуативной привязке. Последнее особенно актуально в условиях современной глобализации научного знания. Понимание стандартизованных механизмов семантической терминодеривации способствует системному осмыслению международного опыта в данной сфере и, безусловно, дает возможность выработать единые модели прогнозируемого использования «зонтиковых» терминов в конкретных предметных областях.

Ключевыми вопросами имплементации «зонтиковых», т.е. способных к иррадиации отдельных компонентов значения, терминов в развивающиеся промежуточные терминостистемы когнитивной лингвистики и дискурсологии являются: 1) проблема определения лингвокогнитивных оснований транспозиции и трансгрессии элементов в качестве лексем-репрезентантов ключевых концептов конкретной научной картины мира в условиях динамических изменений промежуточных (зачастую находящихся на этапе формирования) терминосистем; 2) анализ механизмов обретения понятийной определенности в процессе смены узуса употребления как логико-конкретизирующего/генерализирующего, так и онтолого-классификационного.

Теоретики одной из отечественных лингвистических школ, работающие в Воронежском государственном университете, И. А. Стернин и З. Д. Попова (Попова, Стернин, 2007, с. 8) выделили несколько направлений когнитивных исследований, контаминация которых в анализе номинационных процессов в предельно-рефлексивных пространствах вербализации (которыми и являются промежуточные терминосистемы) представляется объективно необходимым фактором проникновения в природу терминообразования способов модельной вербализации концептуально значимых и структурирующих информационный поток

лингвокогнитивных единиц. При этом наиболее значимыми в данном аспекте представляются работы логического направления, фокусирующие свое внимание именно на логике концептоформирования, зачастую нивелируя вербалику (Арутюнова, 2006); семантико-когнитивное направление в качестве дополняющего логику анализа как путь восхождения от языковой формы к узловым единицам ментального пространства (Boldyrev, 2020); а также философско-семиотическая ветвь (Kravchenko, 2020), исследующая когнитивный базис инкодирования.

К вопросам формирования различных терминосистем в аспекте анализа лингвокогнитивных оснований их систематизации и структуризации неоднократно обращались как отечественные, так и зарубежные ученые, работавшие в рамках когнитивного терминоведения (Клэстер 2012; Ashby 1962). Наиболее важными в аспекте исследования механизмов терминообразования и репрезентации концептуально значимых знаниевых компонентов в пограничных областях динамически развивающихся терминосистем следует признать работы пятигорской школы (Алимурадов, 2010; Лату, 2015). Следует указать и на труды, которые раскрывают сущность имплементационных процессов в рамках внедрения в текстопроизводство репрезентантов контекстуально порождаемых понятий, что позволяет добиться оптимальных временных рамок и наиболее эффективных конситуативных условий в восприятии и интерпретации термина в новом контексте (Бредихин, Серебрякова, 2016). Проблематикой деривации узловых единиц отдельных лингвоконцептуальных пространств в аспекте внедрения характеристик новума и творимости в условиях человеческой когниции занималось множество зарубежных исследователей (Turner, 2006; Halpern, 2013). Однако комплексного анализа ключевых характеристик «зонтиковости» как базового условия адаптации терминоединиц в новом горизонтальном и вертикальном контексте с применением приемов компонентного анализа, конситуативной

интерпретации, являющейся обязательным элементом критического дискурса-анализа и учитывающей сферу терминопорождения, до настоящего времени не производилось. Таким образом, проблема делимитации базовых ядерных компонентов рефлексивной интенционализации на основе многоаспектности терминоединицы, т.е. объединения минимального и достаточного количества критериальных сем для создания генерализованного значения, отвечающего ограничениям функциональной области употребления, и параллельная актуализация периферийного поля конкретизирующих сем, что собственно и позволяет терминологизированному понятию сохранять свой «зонтиковый» характер, остается открытой.

Именно применение методов когнитивной лингвистики в терминоведении позволяет по-новому рассмотреть проблемы взаимоотношения элементов творимости и детерминированности в условиях интенциональной транспозиции и трансгрессии терминоединиц (Пелевина, 2022, с. 53). Именно данный подход дает возможность вскрыть формы взаимодействия информационных и знаниевых компонентов в процессе деривации новых конкретизирующих значений, привязывающих «зонтиковый» термин не только к эпизодическому текстовому, но и к ситуативному и отраслевому употреблению.

Инкодирование на основе конситуативного детерминирования знаками репрезентационной системы языка (в некоторых случаях демонстрирующих априорную сисмвольность, которая способствует свертыванию знания и дает возможность непосредственного оперирования понятиями при генерации нового знания) внеязыковых специфических сущностей представляется ключевым постулатом определения языка не как знаковой системы, но как системы для производства знаков (Манаенко, 2013). Именно в данном аспекте как созданное на основе элементарных компонентов комплексное образование, служащее для вербализации специфической ментальной области, система концептуально-терминологических репрезентаций может

служить основой научной трансдисциплинарной картины мира.

Концептосфера, эксплицированная в терминосистемах промежуточного типа, является особым лингвокогнитивным пространством выверенной в определенной системе координат генерализованных единств, интерпретируемых в качестве конкретных в условиях нивелировки или наоборот интенсификации характеристики «зонтиковость». Обязательным условием транспозиционной и трансгрессионной адаптации будет не только имманентный компонент применимости терминологизированного понятия к различным областям знания, но и возможность снятия данной амфиболичности посредством конситуативной конкретизации. Именно научный специализированный концепт, связанный детерминативами конситуативной интерпретации, будет участвовать во всех гносеологических процессах по восприятию и порождению нового знания, а значит и по расширению терминосистемы в рамках функционирования во вторичном вербализованном виде в речемыслительной деятельности по опредмечиванию этого знания. На основе этих перманентных переходов выстраивается трансдисциплинарный инструментарий и методология конкретного направления, внося свои коррективы в общенаучное восприятие действительности на современном этапе развития общества. Данный факт означает, прежде всего, примат адаптивно-модификационных процессов в трансдисциплинарных областях и даже его иррадиацию в обыденное сознание всех представителей конкретного направления и коррелирующих областей знания, т.е. затрагивает всю социумную группу, сохраняя константную пресуппозицию в качестве устойчивого детерминанта интерпретации (Ма, 2010, с. 100). При этом, учитывая современный глобальный характер любого знания и его относительную общедоступность, можно говорить уже не о интраязыковых псевдотерминосистемах, но о промежуточных межъязыковых и трансдисциплинарных многокомпонентных самоорганизующихся системах

терминологизированных элементов, служащих основой для контекстуально, конситуативно и логически детерминированных терминодеривационных процессов.

При подобном восприятии проекция гносеологических усилий как отдельного специалиста, так и всего научного сообщества будет не только адекватно отображать логику трансляции мышления, не опирающуюся только на одну методологию и не требующую обязательной эмпирической верификации, т.е. являться результатом как знаниевой, так и информационной составляющей, но и средством познания и структурирования рефлексивно верифицируемых феноменов. Репрезентация, таким образом, выступает не обычным речемыслительным актом, но когнитивно-концептуальным единством, на основе которого имплементированные в собственное сознание отношения могут фиксироваться в трансформированных или вновь созданных языковых знаках. А процесс концептуализации и терминологизации понятия в новой области знания может быть пройден каждым из рецепирующих агентов научного дискурса на основании конкретной дефиниции, так реализуется одна из доминантных функций термина – инкодирующая (Пелевина, 2022, с. 54).

Деривационные процессы также могут быть рассмотрены с лингвокогнитивных позиций, определяющих их механизмы. Главным образом это касается именно вторичности в переосмыслении и адаптации понятия трансдисциплинарной области в условиях семантического контекстуального и конситуативного сдвига. Вербализатор терминологизируемого понятия в данном случае не только в своем снятом виде (как набор эксплицированных критериальных признаков) репрезентирует значимые элементы первичной эмпирической верификации своей корреляции с действительностью, т.е. является «хранилищем» полученных научным путем знаний, но и присоединяет компоненты

рефлексивной верификации – осмысления возможности привязки к конкретной области знания во вторичной репрезентации понимаемого уже в новом контексте феномена. Удобство и эффективность адаптации данного типа состоит в актуализации ситуативно и контекстуально детерминирующих компонентов дающих возможность повторного распределения реципиентами, оперирующими знаниевыми компонентами аналогичной лингвоконцептуальной сферы. Так соблюдается главное условие компактного и разделяемого всеми модельного способа «упаковки» необходимых и достаточных для категоризации понятия компонентов знания в информационном потоке. В производном вторичном репрезентанте конситуативно концептуализируемого понятия эксплицируется результат сложного взаимодействия когнитции и коммуникации, созданный на основе этого синергетического взаимодействия термин представляет собой процессуальное единство контаминации лингвемных, локутемных, когитемных элементов. Термиосистема конкретной трансдисциплинарной области знания в этом случае, при актуализации сопутствующих конкретизаторов, представляет собой не некую вариативную множественность общей системы языка, но отдельный функциональный в отдельно взятом случае взаимодействия язык, способствующий производству нового знания, так реализуется метатеоретическая функция.

Относительно небольшое количество работ, посвященных промежуточным терминосистемам и пограничным лингвокогнитивным областям, формирующим отдельные наборы терминодеривационных элементов, очевидно свидетельствует о некоторой методологической расчлененности и лакунарности данных образований. Различные аспекты концептообразования, прогностического моделирования понятийно-терминологических единиц как узловых элементов отдельных областей информационно-знаниевого континуума в узуальном функционировании

обычно отсекаются, – это, так называемый, «квантовый скачок», который обеспечивает саккадический переход от исходных компонентов значения в ядерной структуре терминологизированного понятия к финальным, ситуативно и логически детерминированным компонентам конкретизации «собственно» терминологического словообразования. Следует признать, что этот процесс в определенной степени нивелирует «зонтиковые» характеристики термина в конкретных условиях его употребления. Каждая конкретная концепция делимитирует области актуального и периферийного функционирования по-своему, а значит, и актуализирует только релевантные в данном случае компоненты значения, причем они не всегда будут соответствовать ядерным в узуальном употреблении. Это ограничивает возможности применения общей теории номинации и универсализацию моделей терминодеривации, но намечает новые тенденции в рамках когнитивного прогнозирования функциональной и содержательной нагрузки промежуточных терминосистем.

Терминология пограничных лингвоконцептуальных областей, таких как «Когнитивная лингвистика» и «Дискурсология» и других, появляющихся и развивающихся в поле контаминации различных смежных и дистантных дисциплин, по определению должна представлять собой органично взаимосвязанную на основе однородности и однопорядковости систему элементов. Однако стремление к однопорядковости и гомогенности отнюдь не предполагает нивелировки стержневого элемента терминоединицы подверженной транстерминологизации, а значит, в данных условиях создается имманентно присущая таким системам семантическая гетерогенность, ведь категориальная характеристика, присущая подсистемам и элементам, формирующим целую систему, может быть экстраполирована на всю общность. Сложные саморазвивающиеся гетерогенные терминосистемы и механизмы интеграции в них новых единиц успешно изучаются в рамках лингвокогнитивного анализа, т.е. в данном случае нам

приходится прибегать к прояснению предмета исследования на основании методологии самого этого научного направления, что образует некое подобие герменевтической спирали в авторефлексивном интроспективном анализе.

Терминоединицы промежуточных терминосистем в большинстве своем являются «зонтиковыми», т.е. потенциально способными к функционированию в нескольких предметных областях, получая относительно устойчивую дефиницию (конкретизируясь) именно в рамках той или иной теории или концепции на основе различных категоризационных отношений, коренящихся в собственно базовых постулатах конкретной трансдисциплинарной области знания. При этом ментальные феномены, стоящие за терминологизируемым понятием, обладающим признаками «зонтиковости», не обязаны обладать неизменным признаком родового стержневого единства, транслировать сферу идеализированного объекта рефлексии, таковыми будут конкретизирующие понятия, находящиеся в субординативных отношениях к генерализованному термину. Для всего перечня коррелирующих с базовым экспликатором вторичных терминов более подходит описание их в рамках стандартного витгенштейновского «семейного сходства» (*family resemblance*), где наблюдается интуитивная конвергенция и пересечение пространств конситуативной интерпретации.

В любой области информационно-знаниевого континуума в качестве некоего общего кванта мыслительных операций выступают сущностные характеристики, являющиеся основой транспозиции или трансгрессии термина. Данный импликант отношений (не единиц) представляется одновременно и способом, и результатом категоризации и структурирования трансдисциплинарного знания во всем его объеме. Происходит это по причине того, что эти ментальные оперативные единицы обладают признаковым характером, формирующимся на основе когнитивных механизмов абстрагирования. Модели абстрагирования от стержневого

«зонтикового» компонента, который нивелируется при трансгрессионной конкретизации и интенсифицируется при транспозиционной адаптации, задаются самими условиями формирования терминосистемы промежуточного типа, которая и создает, и описывает объект анализа. Подобный бифокальный механизм создания новых знаниевых компонентов и эксплицирующих их терминов характерен для метатеоретического способа описания как феноменов сознания, так и языка.

Весьма показателен анализ изменений и установления новых функциональных ограничений к трансгрессионному термину когнитивной лингвистики *frame*, при сужении области его унифицированного применения в дискурсцентричном когнитивном терминоведении. Уже в начале обсуждения легитимности применения фреймового подхода к структурированию сложных терминосистем, основанных на концептуальных сдвигах, подчеркивается отличие от «традиционного» общекогнитивного толкования значения этого транстермина: *As its name implies, frame-based terminology uses a modified version of Fillmore's Frames (Fillmore, 1976, 1982, 1985; Fillmore and Atkins, 1992) coupled with premises from Cognitive Linguistics to structure specialized domains and create non-language-specific representations* (Faber, Leon-Araúz, Prieto Velasco, 2009, p. 4). – *Как следует из названия, терминология, основанная на фреймах, использует модифицированную версию фреймов Филлмора (Филлмор, 1976, 1982, 1985; Филлмор и Аткинс, 1992) в сочетании с предпосылками когнитивной лингвистики для структурирования специализированных областей и создания неязыковых репрезентаций* (перевод автора – Ю.П.).

В данном случае описываются не только привычные для экспликации функциональных ограничений исходные области транстерминологизации *Fillmore's Frames* и *Cognitive Linguistics*, но и применительные, целевые области анализа, производимого на основе модифицированного понимания «зонтикового» трансгрессионного термина. Однако самого перечня

признаков, ограничивающих «зонтиковость», не приводится в форме дефинитивного описания, и сохраняется функциональная вариативность квазитерминологической репрезентации нового компонента.

«Квантовый скачок» от системы представлений в аморфном дорефлексивном пространстве осознания через необходимость вербализации к категоризованному и вербализованному, а затем и терминологизированному понятию происходит именно в процессе трансгрессии, когда на основе лингвокогнитивного механизма метафоризации феномен не только выявляется, но и «является» миру. Как утверждал М. М. Бахтин, понимание и есть континуальное пространство неразрывных слитых актов, они не дискретны в своем функционировании, но каждый из конкретных актов представляется онтологической сущностью и его можно выделить на основе осознанной рефлексии (Бахтин, 1979, с. 381). Это движение саккадическое, но отнюдь не всегда интуитивное, оно проходит все стадии интенциональной категоризации, рождая на основе концептуального совмещения некоррелирующих областей в конситуативном понимании дискретное образование, описывающее четкий круг возможностей истолкования, и определяющее возможные в конкретной сфере применения векторы восприятия и дальнейшего действия в процессе трансляции вновь введенного компонента. Типы взаимодействия источника и таргета при этом должны соответствовать разделенному пространству теории или концепции, иначе будет интерпретироваться только «затемненный» стержневой компонент транстерминологизируемой единицы, а объяснительный потенциал конкретизирующих элементов для описываемых неизвестных или малоизвестных характеристик сферы мишени будет безвозвратно утерян.

На основании степени нивелировки «зонтиковых» характеристик и типов адаптации создаются различные транспозиционные и трансгрессионные модели: структурные, ориентационные и онтологические.

Так, структурные предполагают наличие обязательного

компаративного элемента в источнике и таргете, который может быть подвергнут эмпирической верификации, например: *An introduction to knowledge representation using Frame Semantics, as is being carried out in the FrameNet Project... including semantic composition, text coherence, polysemy and WSD, and evidentiality* (Ellsworth, Baker, Petruck, 2021). – *Введение в вербальную репрезентацию знаний с использованием фреймовой семантики, как это делается в проекте FrameNet ... включая семантическую контаминацию, текстовую когерентность, полисемию и механизмы нивелировки смысловой вариативности, а также способы верификации* (перевод автора – Ю.П.). В данном случае происходит связывание в рамках трансгрессии термина *frame* двух исходно не коррелирующих областей: 1) семантические компоненты знания, т.е. общекультурное (либо разделенное социумное) пространство понимания, что подчеркивается введением номинативной группы *knowledge representation*, а также отсылкой к *Semantics* в понимании Э. Тульвинга, как репрезентанта ядерного в отличие от ситуативного и периферийного; 2) формальные структуры распредмечивания и пополнения информационного потока, в качестве ситуативного линейного развертывания материально репрезентированных элементов. Таким образом, в структурной модели присутствует конкретный эмпирический опыт, который на основе компонентов вариативной применимости – «зонтиковости» – сравнивается с общей пакетированной базой данных. Следует подчеркнуть экспликацию исходных сфер, распространяющих отдельные компоненты своих функциональных ограничений на принимающую трансдисциплинарную область, что, как видно из множества проанализированных выше примеров, является одним из базовых средств адаптации транстермина в новых условиях применения. Кроме того, эмпирические компоненты дополнительно акцентируются с помощью термина *evidentiality*, имеющем даже в лингвистической терминологии компоненты корреляции с реальной

действительностью: *Evidentiality refers to particular linguistic resources for talking about knowledge sources* (Aikhenvald, 2018, p. 167). – *Эвиденциальность относится к конкретным языковым возможностям для обсуждения источников знаний* (перевод автора – Ю.П.). На основе этих конкретизирующих компонентов корреляции ментальных единиц с объективной реальностью и сохраняется достаточно высокая степень «зонтиковости» переосмысливаемого в новой парадигме термина-именования *Frame Semantics*. Это подкрепляется дополнительными характеристиками «зонтиковости» окружающих транстерминов. Так, например, «зонтиковый» термин интрадисциплинарного типа *evidentiality*, закрепляет уместность внутрилингвистического употребления благодаря сохранению доминантных признаков внутрисистемности, ведь его введение в коммуникативную прагматику осуществлено из донорской области лингвистической типологии.

Ориентационная метафорическая модель предполагает интенсификацию линейных отношений рядоположенных элементов информационно-знаниевого континуума. Например, как это представлено в следующем примере: *Since FrameNet (FN) is a lexicographic project, our concern in its application to research on text understanding has to be limited to its potential service in other sorts of activities* (Ellsworth, Baker, Petruck, 2021). – *Поскольку FrameNet (FN) является лексикографическим проектом, наше намерение его применения для исследования понимания текста должна быть ограничена его потенциальной полезностью в других видах деятельности* (перевод автора – Ю.П.). В данном случае понимание «фрейма» зиждется на восприятии и распредмечивании именно потока отдельных рядоположенных элементов материальной структуры языка, что находит свою актуализацию в термине *text understanding*, при этом подчеркивается одновременность не только синтагматического развертывания процессов «сборки» дискретных семантических

контекстуально детерминированных единиц в некое целое (горизонтальный процесс), но и необходимость существования другого пространственного измерения (вертикального контекста парадигматических отношений в терминосистеме) для осуществления данного распределения, что интенсифицируется стержневым компонентом термина *lexicographic*. Таким образом, внедрение новых компонентов осуществляется на сопоставлении двух однопорядковых пространственных осей и эксплицируется в терминологизируемом на основе двух трансгрессионных терминов *Frame* и *Net*, первый из которых репрезентирует линейную рамку, а второй вертикальные парадигматические отношения в рамках описания механизмов, задействованных в процессе понимания текстового пространства. «Зонтиковые» характеристики в данном случае сохраняются в меньшей степени, чем при использовании структурной модели, поскольку рядоположенность (в данном конкретном случае пространственных в метафорическом понимании) координат способствует конвенционализации функциональных ограничений одного типа.

Онтологическая модель метафоризации при транспозиции и трансгрессии терминологизируемых единиц в промежуточной системе базируется на корреляции логических ментальных объектов, обладающих лишь возможностью рефлексивной верификации, и материальных «онтологизированных» объектов, потенциально верифицируемых в эмпирике. Для текстологических и дискурсологических исследований таковыми могут выступать идеологизированные или схематизированные представления и их материальные репрезентанты. Например, *Most of the work in FrameNet to date has focussed on the verbs (and some nouns and adjectives) which we call frame-bearing or frame-evoking – those lexical heads which evoke a frame whose frame elements are typically expressed by the dependent NPs, PPs, VPs and Ss* (Ellsworth, Baker, Petruck 2021). – Большая часть работы в FrameNet на сегодняшний день сосредоточена на глаголах (и некоторых

существительных и прилагательных), которые мы называем *фреймосодержащими* или *фреймообразующими* – те узловые лексемы которые *порождают фрейм*, элементы которого обычно выражаются *зависимыми NPs, PPs, VPs и Ss* (перевод автора – Ю.П.). Так, конкретные материально представленные объекты в структуре предложения: *NPs* (Noun Phrases) – именные группы, *VPs* (Verbal Phrases) – глагольные группы, *Ss* (Subjects) – субъекты высказывания, несмотря на свои классификационные параметры выделения, т.е. рефлексивную верификацию их как объектов исследования и анализа, все же обязаны иметь реальное эмпирическое представление в потоке речи *verbs, nouns and adjectives*, что придает им свойства материализации в звуке или графике, а значит и эксплицирует в данном метатеоретическом высказывании возможность эмпирической верификации. Таким образом, придание статуса онтологичности ментальным феноменам осуществляется в сложных терминах *frame-bearing* и *frame-evoking*, репрезентирующих не только результат данного перехода от чувственно воспринимаемого к ментально операциональному, но и конкретизирующими сам процесс данной трансгрессии. Закрепление в материальном пространстве потенциально воспринимаемой объективной реальности практически полностью стирает элементы «зонтиковости» в употреблении рассматриваемых транстерминов композитов, привязывая их в качестве базовых характеристик конкретных единиц языка, обладающих семами обобщения. При этом компонентный состав термина *frame-bearing* эксплицирует имманентно присущие характеристики самой языковой единицы, а единица *frame-evoking* лишь репрезентирует потенциальную возможность лексем служить в качестве номинанта ядерного пространства фрейма.

В подобном рассмотрении концепция транспозиционного и трансгрессионного формирования промежуточных терминосистем сходна с ранее предложенной Ж. Фоконье теорией блендинга, которая получила свое

дальнейшее развитие в его работах, а также отдельных пояснениях (Fauconnier, 2020). В нашем понимании предлагаемый в его работах термин *mapping*, являющийся трансгрессионным, поскольку в рамках семантического сдвига (Serebriakova, Bredikhin, Plokhaya, 2021, p. 1443) внедряется в пространство интерпретации когнитивных терминов из формальных моделей программирования, не теряя стержневого компонента как *data mapping*, т.е. логическое определение имеющихся между элементами закрытой системы связей, всё же выходит за рамки формального анализа, хотя в алгоритмах исходной области его графическое представление весьма напоминает деревья непосредственно составляющих. При конситуативной интерпретации этот базовый термин интенсифицирует значение «образность», а не «структурированность»: *This if-construction is not a logical entailment, but rather an instruction as to how to perform the metaphorical mapping* (Fauconnier, 2020, p. 202-203). – *Эта условная конструкция не является логической импликацией, а скорее правилом построения относительно того, как выполнить метафорический перенос* (перевод автора – Ю.П.). На основе этих пояснений «мэппинг» переносится из области имманентно присущей органичной связи между различными концептуальными областями в сферу перцепта, когда интенциональное усмотрение продуцентом возможности переноса и знание «необходимых» для этого правил позволяет осуществить процесс проецирования. Создаваемые новым контекстом эмпирические основания «мэппинга» (проекции онтологически существующих картин), подкрепляют неактуальный в узусе этимологический пласт исходного термина, который обрел терминологическое значение в среднеанглийском в Эпоху Великих географических открытий в XV в. (ср. СА. *mondeine*, «of this world, worldly, terrestrial» из лат. *mundanus* «принадлежащий миру в отличие от духа») (<https://www.etymonline.com/>). В то же время компоненты «идеальный», «модельный» для обозначения исходных доменов в сознании также

имплицитно заложены в том же этимологическом пласте еще более древнего состояния омонимичной латинской лексемы *mundus* «мир, вселенная» и «ясный, отточенный» (Там же).

Таким образом, на основании вариативных интерпретаций ключевого терминологизируемого понятия возникает возможность расширения промежуточной терминосистемы. Если всё же принять во внимание, что данный базовый термин в исходном толковании обладает характеристиками «зонтиковости», которые и будут служить основой для порождения конкретизированных понятий на основании того или иного типа метафоризации, то эта вариативность толкования и функционирования «схлопывается» под давлением создаваемых в горизонтальном контексте функциональных ограничений. Именно таким образом, сам «мэппинг» уже осознается как прагматически-функциональный, проекционный или схематический, в зависимости от степени реализованности блендированного ментального пространства (разделенности концепции и деривационного потенциала для порождения нового знания).

В процессе имплементации и адаптации транстерминологизируемых в новой области репрезентации единиц одним из ключевых вопросов является принципиальная анализируемость иерархической структуры генерализованного «зонтикового» термина, т.е. возможность выводимости потенциальных элементов для последующей деривации из композиционного семантически единого целого. Членимость этих формально единых единиц подразумевает способность каждого из продуцентов и реципиентов, действующих в рамках конкретной лингвоконцептуальной области, выявить и определить вклад дискретных компонентов формализованного терминологического выражения в создание общей семантики. В этом случае доминантным становится принцип частичной композициональности, который постулирует комплексную структуру выведения общего смысла из суммы формальных компонентов с

дополнительным прояснением в результате конситуативной интерпретации на основе транспарентных и нетранспарентных семантизаторов.

Ключевой характеристикой «зонтикового» термина является способность абстрактной репрезентации логически выводимых в рефлексивной реальности понятий, снижение степени интенсификации данной характеристики позволяет выступать ему в качестве репрезентанта узловых понятий и занимать конкретное место в промежуточной трансдисциплинарной системе взаимосвязанных единиц. В современном терминоведении предпринимаются попытки моделирования иерархической схемы (алгоритмизирования) формирования системных отношений на основе когнитивных принципов выделения категоризируемых сем в конситуативной интерпретации отдельной концептуальной области информационно-знаниевого континуума. Создание модельной схемы иерархизации терминологизируемых транстерминов с учетом межпонятийных корреляций в двух наиболее релевантных при терминологическом номинировании плоскостях (логической и онтологической) является пока нереализованной задачей когнитивного терминоведения. При этом основываться данные схемы должны, как нам представляется, на их схематизации в качестве категориальных модулей или кластеров, создающих многочленные оппозиции (Fodor, 1983): тотативные (генерализующие пространство понимания и эксплицирующие стержневую генерализующую семантику при транстерминологизации), партитивные (субординирующие отношения единиц разного уровня генерализации), родовидовые (эксплицирующие конкретизирующие компоненты базовых транстерминологизированных единиц). В рамках более детальной типологизации возникает необходимость выделения в широких парадигмах отдельных subsystem на основе логического пересечения, логической координации, логической контрастности и др.

Подверженные адаптационным механизмам транспозиции и трансгрессии термины дискурсологии и когнитивной лингвистики можно типизировать на основе логико-когнитивных и онтолого-классификационных отношений, представляющих степень нивелировки признаков «зонтиковости». Так, родовые генерализованные понятия *frame*, *gestalt*, *concept* могут содержать трансгрессированные стержневые компоненты «единство», «структурированность», которые распрямляются даже в конситуативных интерпретациях новых направлений общей когнитивной теории с максимальным сохранением «функциональной свободы» («зонтиковости»). Однако конкретизация их с помощью субординативных отношений создает более градуированную шкалу расположения пакетированных компонентов различных типов: *empty frame*, *ellipse frame*, *polygon frame* и т.п. При этом в процессе транстерминологизации данные базовые экспликаторы могут входить в отношения логического пересечения, что достаточно часто наблюдается при параллельной имплементации двух и более ядерных единиц терминосистемы. На базе подобного координативного отношения создаются единичные образования с акцентуацией стержневого «зонтикового» компонента одного и конситуативного элемента другого терминологизируемого понятия, например: *concept-frame*.

Смешанная вертикально-горизонтальная субординация характеризует сеть конкретизаторов в условиях объяснения гиперонимического термина: *A concept-frame is a hierarchy of semantic features, such as text- and classification-frames, which characterize the objects described in the text, both regardless of situations, i.e. based on encyclopedic knowledge, and from the point of view of the actualized roles of these objects in specific situations chosen by the narrator* (Ellsworth, Baker, Petruck, 2021). – *Концепт-фрейм – это иерархический конструкт семантических признаков, таких как текстовые и фреймы-классификаторы [поверхностно-семантические и тематические фреймы – пояснение автора Ю.П.], которые характеризуют объекты,*

описанные в тексте, как независимо от ситуаций, т.е. на основе фоновых знаний, так и с точки зрения актуализированных ролей этих объектов в конкретных ситуациях, выбранных рассказчиком (перевод автора – Ю.П.).

В данном случае мы имеем дело с терминологизированным композитом, созданным в форме квазiterмина и сохраняющим «зонтиковые» характеристики каждого из компонентов, но именно эти расширительные функциональные элементы и образуют специфические ограничения целевого квазiterмина, детерминируя его понимание в рамках когнитивной семантики.

Таким образом, процессы транsterминологизации элементов со стержневым «зонтиковым» компонентом призваны эксплицировать в процессе формирования промежуточной терминосистемы, прежде всего, структурные взаимосвязи феноменов и понятий информационно-знаниевого контенуума. Данные отношения детерминируют как форму (деривационную модель), так и семантическое пространство (возможность конситуативной интерпретации) вербализаторов. Подобная относительная определенность в прогностике восприятия и интерпретации «зонтикового» термина в конкретной области знания достигается посредством интенсификации логико-когнитивных и онтолого-классификационных отношений между понятиями, стоящими за транsterминами. Конкретизация значения той или иной единицы транстерминологической промежуточной терминосистемы возможна только при учете поля его функционирования в усложненной системе гетерогенных единиц, созданной для вариативной экспликации мельчайших нюансов нового знания, что не исключает создания открытой, но при этом целостной системы однопорядковых номинантов.

2.5. Модификации содержания в процессе имплементации заимствованных репрезентантов терминологизированных понятий

Современные исследования различных заимствованных терминологизированных единиц могут быть охарактеризованы множеством практических и теоретических оснований, которые и формируют базу компонентного анализа их структуры, семантических (закрепленных в узусе) и эпизодических и ситуативных дискурсивных трансформаций общего смысла и функциональной прагматики конситуативных элементов в системе принимающего и генерирующего новое знание научного институционального дискурса. Проблема модификации смысла в процессе внедрения того или иного транстермина в рамках возникающих новых направлений научного знания, а значит и в процессе формирования новых дискурсивных практик, на настоящий момент является одной из наиболее сложных в терминоведении. Главным образом это связано с тем фактом, что актуализация и адаптация различных компонентов смысла происходит не по уже отработанным моделям когнитивного действия в традиционных областях применения и сложившихся типах дискурсопорождения, а по новым, авторским «схемам действия», которые предоставляют возможность создания актуального событийного смысла, а значит и опредмечивания скрытых в имеющихся дискурсивных практиках потенциалов. Вновь формирующиеся виды дискурсов характеризуются употреблением не узусальных терминов, которые были выработаны в результате многолетних попыток привести разрозненные терминосистемы в соответствие, но эпизодическими, зачастую окказиональными образованиями, призванными обозначить специфические понятия, образующие базу научного терминологического аппарата каждой бурно развивающейся

трансдисциплинарной отрасли исследований. Так, современные когнитологические и дискурсивные исследования смысловой структуры не выработали ещё устойчивой терминологической базы, демонстрирующей единство дискурсивного взаимодействия, и процесс приращения семантических компонентов во вновь вводимых терминологизированных понятиях продолжается, хотя большинство терминов уже прочно вошли в научный аппарат этих направлений языкознания. Достаточно значимым представляется определение необходимых и достаточных оснований и критериев для выявления механизмов и условий ввода в дискурсивную практику новых моделей знания, что представляется ключевым для формирования из интра- и межъязыковых заимствованных междисциплинарных терминов непротиворечивой и актуальной промежуточной терминосистемы (Arauz, P. Faber, 2010, p. 15).

Большинство подобных лексем не только представляют собой единицы с отсутствующими ячейками морфологической парадигмы (доминантным они образом употребляются лишь в исходной, заложенной только самим агентом дискурсопорождения форме), но и претерпевают существенные трансформации смысловой структуры в процессе внедрения их в новые дискурсивные практики (Пелевина, 2021, с. 257). Гипотетические реципиенты данных терминологизированных заимствований, в свою очередь, становясь продуцентами метатекстов, вкладывают в них собственное видение различных аспектов проблемы, а значит и новые грани смысла, т.е. расширяют дискурсивные возможности их употребления. В этом случае значимым представляется парадокс А. Шлейермахера, когда реципиент при намеренном осмыслении на третьем уровне абстракции над воспринимаемым термином находит в нем скрытые смыслы и новые возможности внедрения его в терминосистему, не предусмотренные автором термина. Полного эквивалента исходному, реализованному в дискурсе-доноре, значению термина в новом контексте практически невозможно обнаружить в условиях

как интраязыкового, так и межъязыкового заимствования, несмотря на достаточную успешность того или иного термина в исходном дискурсивном пространстве (Толстикова, 2012). Актуализация различных, заложенных в структуре предтермина и реализуемых в рамках одного вида дискурса и «стираемых» в сфере другого, компонентов происходит по причине того, что «они несут в себе имманентно заложенные оттенки смысла, репрезентируемые в составе либо формой, либо аллюзивными коннотациями» (Бредихин, Сидоренко, 2015). Расширение или же сужение понятийного объема транстермина происходит при переносе ассоциативных компонентов при трансформации дискурса, а значит и семантического поля применимости как ядерных, так и периферийных сем и ноэм.

Динамические трансформации базовых вводимых терминов под влиянием нового меняющегося контекста употребления приносят в его содержательную структуру новые эпизодические дискурсивные компоненты, формируют и закрепляют новые значения в сходной или же выстроенной на основе междискурсивного взаимодействия нескольких областей информационно-знаниевого континуума. Раскрытие способов формирования нового значения заимствуемого термина при взаимопроникновении различных типов дискурсопорождения дает возможность сформировать ясное представление о «способах репрезентации когнитивно-содержательного начала» (Бредихин, Вартанова, 2017, с. 51) в различных направлениях современного терминодеривационного процесса.

Вступая в новые контексты, то или иное именование социумной значимости приобретает новый, контекстуально интерпретируемый компонент значения, теряя или обретая мотивированные связи с исходным именованием (Толковый словарь современного русского языка, 2001, с. 431). Семантические сдвиги порождают целые лексические ряды ассоциативного связывания на основе взаимопроникновения исходных и порожденных новым контекстом компонентов значения. В связи с этим назрела насущная

необходимость рассмотрения когнитивных процессов трансформации обобщенного содержания интра- и межъязыковых трансдисциплинарных заимствований в терминосистемах, которые достаточно часто становятся промежуточными в условиях обслуживания различных пограничных областей информационно-знаниевого континуума, а значит и вновь появляющихся дискурсивных практик, обеспечивающих генерацию знания в новых отраслях развития лингвистической науки (Пелевина, 2021, с. 258).

Одним из наиболее продуктивных механизмов модификации значения терминологизируемой единицы в новом контекстуальном окружении служит когнитивная метафора при выражении неузуального смысла в форме узуального вербализатора на основе имманентно присутствующих этимологических или же структурных компонентов. Метафорическое значение квазитерминов, действующих при трансгрессионной адаптации подобно символическим репрезентантам, в различных видах дискурса и его корреляция с единицами ментального пространства, а также способами восприятия и интерпретации, представляется наиболее значимым в рамках анализа модификации семантики транстермина и трансформации пограничной принимающей терминосистемы. По мнению профессора Университета Сиракуз Николя Бабутса, сходства и различия сфер заимствования и цели не обязательно представлены в общелингвокультурном пространстве понимания, но всегда имеют оттенок индивидуального ассоциирования (Babuts, 2017), т.е. объяснение компонента внедряемого при новом «прочтении» заимствованного терминологизированного понятия выстраивается на основе личностных дискурсивных предпочтений – того, что продуцент определяет в качестве основного компонента в условиях ситуативного употребления.

Наиболее интересными пространствами адаптации и модификации семантической структуры на основе различных видов транстерминологизации являются современные направления когнитивной

лингвистики и дискуртологии, которые ещё не выработали единого терминологического аппарата, однако, отличаются специфическими способами актуализации переосмысленных компонентов в аспекте вербального выражения результатов сдвигов в семантических полях. Исследуя процессы внедрения ассоциативных компонентов при трансформации структуры смысла, т. е. адаптации ядерных компонентов к новым видам дискурса в образовании доминантного значения транстермина, которое должно войти в условно открытую терминосистему, необходимо, прежде всего, проанализировать последовательность создания отвлеченного вербализованного понятия, переходящего затем в результате многочисленных когнитивных трансформаций в вербализованное и концептуализированное понятие, репрезентантом которого и будет выступать заимствованный термин в новом значении, обладающий различной степенью освоенности в той или иной области знания.

Первичные процессы контекстуальной адаптации ядерных компонентов значения происходят в результате единичного, окказионального акта намеренного авторского смыслопорождения. Определяя актуальные элементы этимологического или же личностного восприятия формальных компонентов имеющегося в донорской терминосистеме наименования и интенсифицируя его в ассоциативном пространстве, агент новой дискурсивной практики образует некое «внутреннее понятие» (Бредихин, 2014 б). Затем данное понимание на основе рефлексивного осознания и сочетаемостных потенций в применении его в новых контекстах может выйти на уровень повторной вербализации в смещенном семантическом поле (в ряду терминов одного порядка, не свойственных данному элементу прежде) и, «обрастая» дополнительными обертонами, сформировать «вербализованное концептуализированное понятие» (Там же). А оно в свою очередь послужит для создания целого ряда семантических ассоциатов в сходных видах дискурса. Так будет сформирован новый термин с отличной

от исходного структурой обобщенного смыслового содержания и способный к дальнейшей экспансии своих новых компонентов в терминосистеме посредством создания гнезда ассоциатов.

Проанализируем заимствованный из экспериментально-феноменологической психологии в область критического дискурс-анализа, и концептологии термин *гештальт* (от нем. *Gestalt* – целостный образ, первоначально использовавшийся в холизме для целостного, нерасчлененного описания естественных систем). Сема «целостность» является доминирующей в исходном термине психологического дискурса, например: *Если вы расчленили гештальт, то он уже таковым не является* (Перлз, 2007, с. 17).

Данный термин является наиболее показательным в качестве ещё не устоявшегося и постоянно меняющего свое ядерное наполнение наименования некоей целостной структурированной области представления образа начального интенционального (потребностного) фрагмента действительности, именно этот компонент значения, т.е. предварительное, неосмысленное формирование переживаемого образа и постулируется в психологическом дискурсе: *...гештальт – это переживаемый феномен* (Перлз, 2007, с. 19). Но при заимствовании его в лингвистический дискурс, область акцентуации компонента значения меняется на противоположный и «гештальт» уже выступает как целостный, однако, незавершенный образ намеренного осмысления, что подтверждается множеством примеров: *Значение образно мотивированных номинаций структурировано на основании взаимодействия двух типов фреймовых структур: таксономического фрейма, который опирается на типичное представление, и компаративного фрейма, который опирается на гештальт* (Жаботинская, 1999, с. 14). Таким образом, в институциональном аргументативном дискурсе когнитивной лингвистики «гештальт» представляет собой уже результат намеренного сравнения и осознанной категоризации феномена в результате

ментальных и речевых действий, при этом ядерную позицию занимает противоположная исходной сема «интенциональность», а не «предданность на основе перцепта». В данном случае вектор процесса сравнения с образцами паретированного хранения направлен от заданного доопытным путем апперцепта к воспринимаемой языковой или объективной реальности. Данный термин представляет собой, как утверждают некоторые ученые, научный симулякр для описания максимального расширения рационального и эмотивного рефлексивного пространства другого ментального образования «концепта».

Подобные воззрения о сложной и неопределенной структуре часто выражаются в квази- и пред-терминологических номинациях, которые составляют ассоциативный ряд, содержащий несколько терминов с сопутствующими конкретизаторами того или иного компонента значения.

Таблица 1 – Контаминированное ассоциативное гнездо базовых терминов «фрейм» и «гештальт»

ФРЕЙМ	ГЕШТАЛЬТ
<i>гештальт-фрейм</i>	
схема	закрытый гештальт
сценарий	незакрытый гештальт
скрипт	смешанный процессуальный тип
концепт-фрейм	гештальт эксперимент
многокомпонентный концепт	завершённый гештальт
макрофрейм	когнитивная метафора
«пустой» фрейм	сложный комплексный образ внешнего мира
сцена	
поверхностно-синтаксический фрейм	
поверхностно-семантический фрейм	
тематический фрейм	
фрейм повествования	
система выбора языковых средств	

Представленный в таблице перечень ассоциативных терминов и квазитерминов, состоящих в различных отношениях в субсистеме, можно продолжать практически бесконечно. В различных исследованиях в зависимости от грани рассматриваемого трансдисциплинарного объекта будет выявляться и акцентироваться тот или иной компонент (коллективный или индивидуальный) семантической структуры транстермина. В данном случае наличие большего числа «зонтиковых» элементов значения порождает более широкое ассоциативное гнездо, а значит транстермин реализует более высокий модификационный потенциал. Степень освоенности и детализации объекта исследования при этом также играет одну из ключевых ролей в процессах расширения ассоциативных гнезд, особенно это касается элементов, входящих в субсистему на основе гипо-гиперонимических, партитивных и родо-видовых отношений с ядерным номинантом.

Во многих работах данный компонент «неопределенность» выходит на первый план в ядерной структуре этого термина, например: ...*framed in more general terms* (Dijk van, 2003, p. 220). – ...*сформулированный в более общих терминах* (перевод автора – Ю.П.). Такая дефинитивно постулируемая неопределенность, дающая возможность наполнения схематизма абстракциями даже более высокого уровня, модифицирует ядерный компонент значения в условиях применения транстермина для обозначения «сверхрамки», включающей разнопорядковые гетерогенные элементы.

Сходными характеристиками обладает и термин *фрейм* (от англ. *frame* – рамка, первоначально использовался в качестве термина для описания структурных систем необходимых для поддержания нерамочных элементов физической конструкции с ограничением протяженности её построения), который при всей своей определенности и относительной устойчивости семантической структуры в различных видах дискурса, все же деактуализирует некоторые компоненты значения в условиях вхождения в

новое дискурсивное пространство когнитивной лингвистики. Автор данного термина, Марвин Минский, который ещё в 70-е гг. прошлого века ввел его для формализованного представления структурных типов означивания стереотипных сцен перцептивного действия, предполагал в качестве ядерного признака именно компонент «пространственного» восприятия. Данный компонент в современном дискурсе концептологии практически не учитывается, а в ядерной зоне его место занимают элементы «целостность» и «структурированность»: *единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия <...> структура узлов и отношений* (Жеребило, 2010, с. 441). Следует также указать на наличие некоего ядра, вокруг которого строится фрейм, при этом в когнитивистике этим базовым элементом является понятие, что модифицирует исходное значение термина, привязывая его интерпретацию не к онтологической системе реально существующей схематизации, а к относительно устойчивому, но всё же способному к вариациям рефлексивному пространству.

Следует подчеркнуть, что изменение вида дискурсивной практики трансформирует ядерную область значения не только с помощью введения потенциальных компонентов периферии, но и акцентируя нерелевантные элементы ядра в новом контексте, например: *...a descriptive framework based on semantic frames containing frame elements (semantic roles)* (Barcelona, Valenzuela, 2011). – *...описательная структура, основанная на семантических фреймах, содержащих элементы фрейма (семантические роли)* (перевод автора – Ю.П.). В данном случае ключевыми в значении становятся семы «элементарный состав», «сложность конструкции», которые более характерны для математического дискурса, что доказывается введением других заимствованных терминов, более точно описывающих такое понятие когнитивной лингвистики как «пресуппозиция»: *...polysemy is a one-many relation between lemmata and the frames that express their meanings* (Ibid.). – *...многозначность – это отношение «один ко многим» между*

леммами и фреймами, которые выражают их значения (перевод автора – Ю.П.). Достаточно интересной является модификация структурного восприятия фрейма в инвариантную форму, лишь потенциально обладающую трансформационными вариантами своего представления, это противоречит исходному пакетированному пониманию, предполагающему вариативное наполнение. Это привязывает термин **фрейм** к его материально-нормативной репрезентации, где инвариантная форма сама может служить ядерным номинантом нескольких фреймов.

Каждый из осознаваемых компонентов и понимание их возможности войти в структуру нового термина как ядерного компонента концептуализируемого понятия, которое впоследствии может стать отправной точкой для формирования целого ряда ассоциативных дериватов в новом виде дискурса, не только всегда будет отвечать требованиям адекватности заданной дискурсивной практики в аспекте номинирования интуитивно воспринимаемого и понимаемого общего метасмысла, но и вполне отвечать традиционным структурам категоризации и связывания этого смысла с прагматическими задачами вертикального контекста (Бредихин, 2014 б). Таким образом, происходит модификация, основывающаяся на учете как традиционных, коллективно интерпретируемых, так и эпизодических контекстуальных компонентов: **За старым именем оказался застроенным новый геиштальт** (Бабушкин, Стернин, 2018, с. 124).

В рассмотренном нами примере сохранение этимологического компонента приставки *ge-* реализует метасмысл устоявшегося и подкрепленного в самой системе языка и признанного в сознании всех реципиентов термина, который также призван способствовать пониманию предельной абстрактности термина **геиштальт** уже не в исходном дискурсе бихевиористской и экспериментально-феноменологической психологии, а в рамках когнитивной лингвистики. Следует отметить этимологическую

составляющую как достаточно узуальную – она осознавалась ещё в XIX веке при отнесении данного понятия к искусствоведческой сфере Х. Эренфельсом (Ehrenfels von, 1897). Таким образом, введение данного компонента в ядерную область способствует упрочению позиций данного транстермина только в рамках дискурса концептологии при описании культурных концептов, предполагающих наличие моделируемого объекта при вербальном представлении феномена, т.е. исключает его из дискурса о ментальных, а не вербальных пространствах. Однако даже несмотря на сохраняющийся в общей структуре смысла элемент «онтологичность» (наличие в ряду реально существующих феноменов) терминологизированное понятие органично входит в пространство трансдисциплинарных терминосистем когнитивной лингвистики и дискурс-анализа, т.е. статус событийности приобретают ментальные сущности, описываемые в рамках критического дискурс-анализа и концептологии: *...термины обозначающие когнитивную и психологическую структуру (гештальт), которая определяет человеческое восприятие и интерпретацию действительности* (Бабушкин, Стернин, 2018, с. 209).

Так, многие авторы подчеркивают именно компонент «целостность» в рамках использования терминологизированного понятия *gestalt*, иногда в подкрепление этому компоненту дается иной вербализатор, который и интенсифицирует ситуативно релевантный компонент: *Hence the commonplace claim in cognitive linguistics that meaning is ultimately pragmatic, and very often holistic, gestalt-like* (Barcelona, Valenzuela, 2011). – Отсюда банальное утверждение в когнитивной лингвистике, что значение в конечном счете прагматично и очень часто целостно, подобно гештальту (перевод автора – Ю.П.). Кроме того, эта целостность связывается с прагматикой высказывания в вербальной форме, что обеспечивает конситуативное подтверждение психоэмотивного понимания как рефлексивных пространств, так и языка в когнитивной лингвистике.

В термине **фрейм** этимологические компоненты рамочной завершенности построения стереотипной ситуации также уходят на второй план в результате намеренного употребления таких терминов как «терминал» и «нетерминальный узел» в органичной оппозиции узлов-слотов: *СЛОТ. Терминальный узел, входящий во фрейм* (Жеребило, 2010, с. 346); *структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений, приписанных терминальным элементам* (Там же, с. 392). Именно в данном значении заимствованный термин уже не представляет собой закрытую систему, а предполагает её постоянное динамическое развертывание в условиях меняющегося вида дискурсивной практики, т.е. это происходит с помощью внедрения элемента «хронотопичность» в ядерную область, что свойственно большинству когнитивных и дискурсивных транстерминов. Это развитие значения обуславливает возможность роста ассоциативного ряда с уточняющими компонентами, введения различного вида фреймов и их отношений в общем когнитивном пространстве: *Frame-to-frame relations include composition, by which a complex frame is shown to be decomposable as a temporal structure – often a structured procedural sequence of simpler frames – and inheritance* (Barcelona, Valenzuela, 2011). – *Отношения между фреймами включают композицию, с помощью которой показано, что сложный фрейм можно разложить как временную структуру – часто структурированную процедурную последовательность более простых фреймов – и историческую производность* (перевод автора – Ю.П.). Таким образом, модифицируется значение вариативности фрейма под влиянием динамики представлений всего сообщества, и компоненты «схематичность», «стереотипизированность» приобретают дополнительные коннотации, что позволяет интерпретировать фрейм как диахронический феномен, что конвенционализирует его онтологические характеристики.

Наполнение ядерной области значения в той или иной ситуации дискурсопорождения описывается во многих работах, так А. П. Бабушкин описывает эту характеристику следующим образом: *С точки зрения когнитивных структур, незнание – это «пустой» макрофрейм, открытый для заполнения слотами* (Бабушкин, Стернин, 2018, с. 108). Термин *макрофрейм* в данном примере конвенционализирует значение «сложной структуры», которое эксплицировалось в предыдущем высказывании в форме префиксального деривата с генерализованным значением, т. е. в отечественной когнитивистике взаимосвязь компонентов «комплексный характер» и «схематизация» интерпретируется как более тесная, неделимая.

Одной из наиболее модифицированных смысловых структур обладает заимствованный в гештальтпсихологии термин, используемый в качестве компонента сложного терминологизированного понятия в работах А. П. Бабушкина *концепт-инсайт* (Бабушкин, Стернин, 2018). Бесспорным является процесс деактуализации ядерного компонента значения термина «инсайт» в условиях его адаптации к новому дискурсу концептологии, а именно, утрата элементов «внезапность», «непосредственный эмпирический опыт». Как при создании того или иного наименования, его воспроизведении в речи, агент дискурса не обязательно обладает опытом непосредственного взаимодействия с описываемым явлением или феноменом, достаточно наличия факта осознания «упакованного» в лексеме ментального образа об устройстве и механизме функционирования того или иного предмета или явления. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что сам процесс концептуализации предполагает не только наличие эмпирической верификации (наличия объекта восприятия), но в гораздо большей степени вычленения в процессе осознанной рефлексии всех актуальных признаков, способствующих категоризации познаваемого объекта. Следовательно, компонент «инсайт» в композите «концепт-инсайт» представляется крайне

неудачным образованием в случае внедрения его в дискурсивную практику ономасиологических когнитивистских исследований.

В случае смены вида дискурса к описанию семасиологического (распредмечивающего смысл текста) когнитивного анализа исходный компонент «внезапное осознание» вполне органично входит в ядерную структуру этого заимствуемого транстермина. Узнавание и выделение актуальных признаков, позволяющих отнести именуемый объект к тому или иному виду дискурса, происходит вне рамок эмпирической верификации на уровне интуитивной рефлексии, что, безусловно, не требует намеренного анализа компонентов, этимологии или контекстуального узуса используемого термина. Всё это позволяет говорить о доминантном положении элемента «ненамеренное осознание» в структуре смысла окказионального квазистермина *концепт-инсайт* в рассматриваемом виде трансдисциплинарного дискурса.

Термин *фрейм* также обрастает компонентами значения «опредмеченность», «вербализованность», не свойственными даже дискурсу когнитивной лингвистики, которые могут стирать исходный ядерный элемент «ментальная структура»: ... *the main frame-bearers in the sentence* (Barcelona, Valenzuela, 2011). – ...*основные носители фрема в предложении* (перевод автора – Ю.П.).

Компонентом интенсификации термина *геитальт* в рамках междисциплинарного заимствования также становится хронотопичность, как сфера применимости его «здесь и сейчас» как целостного образования (Пелевина, 2021, с. 263). Данное целостное представление в отличие от вполне понятной «типизированности», «стереотипности» вышеописанного компонента, реализуется только в рамках осознанного применения и наблюдения за формирующимися компонентами смысла в динамике становления нового дискурса. Именно поэтому таксономичный фрейм теряет в случае употребления данного понятия свою актуальность, но возникает

способ сравнения личностных образов с представлениями коллективного сознания, формируется компаративный фрейм. Сравнение всегда осуществляется в определенный момент времени и в определенных условиях (конкретная ситуация семиозиса), а потому компонент «хронотопичность» приобретает статус ядерного именно в дискурсе когнитивной лингвистики. Непосредственно в исходном понимании того или иного термина в перенесенном в новый вертикальный и горизонтальный контекст виде уже заложена контекстуально-хронотопическая соотнесенность – *can only address some of issues* (Dijk van, 2003, p. 220).

В сферу хронотопичности заимствования терминологизированных единиц входят компоненты «индивидуальность» и «намеренность» их использования. Например, во многих высказываниях репрезентируется индивидуально-личностное понимание в различных видах дискурсивных практик: *...these models are personal representations* (Dijk van, 2003, p. 210). – *...эти модели являются личными репрезентациями* (перевод автора – Ю.П.).

В результате формирования хронотопического аспекта внедрения термина возникает совершенно новая структура, которая распрямляется по данным самим автором «схемам действия». Эти «схемы действия» будут актуальны в том случае, если создается общее пространство понимания – единый для всех агентов дискурс, представляющий собой вертикальный контекст и обслуживающую его терминосистему в общей семантической сети, определяемой как *semantic network is a network of concepts* (Latu, Tagiltseva, 2020, p. 871). – *семантическая сеть – это сеть концептов*. Разделенное понимание в рамках эпизодически возникающей, однако, строящейся на фундаментальном научном базисе, концепции предполагает стирание традиционных компонентов и формирование специализированной для конкретного дискурса «эпизодической памяти» (*'episodic memory'*) (Dijk van,

2003, p. 210). Эпизод есть ситуация семиозиса, т.е. контекст обобщения смысла. Как указывают некоторые авторы, некоторые компоненты того или иного понятия *находятся в ситуации «ожидания»: они наполняются признаками в процессе приспособления к конкретной ситуации* (Соколова, 2007, с. 239). Таким образом, в ядро содержания транстерминов *фрейм, гештальт* в каждом новом виде дискурса вводятся компоненты ситуативности и хронотопичности.

Процесс транстерминологизации предполагает ещё и механизм концептуализации – привязки к значимому для избранного дискурса пространству переживания и прояснения сущности не только собственно текста, но всей области знания (той или иной теории) – вертикального контекста. Поэтому при акцентуации смысловых компонентов наиболее важных в конкретной ситуации обязательно «в-живание» реципиента в ситуацию производства термина и повторение как рациональных, так и эмоциональных шагов по заимствованию термина для конкретной дискурсивной практики (Бредихин, Аликаев, 2016, с. 123).

Таким образом, ещё одним компонентом, выходящим за пределы ядерной структуры рассматриваемого транстермина, является эмоциональное переживание компонентов гештальт-структуры: *что имеет значение для определения пропорции между эмоциональным и рациональным уровнями сознания в принятии решений* (Жеребило, 2010, с. 190). Эмоциональное пространство в отличие от рационального основывается на иррациональных компонентах псевдоаргументативного оправдания актуального для каждого конкретного типа и агента дискурса компонента смысловой конструкции (Novy, 2002, p. 104), что может привести к возникновению «неудачных», по мнению усредненного реципиента, терминологических именовании. Следует отметить, что при создании такого «неудачного» термина, продуцент, выражающий собственное видение конкретной области информационно-знаниевого континуума может руководствоваться основными принципами

формирования терминосистемы промежуточного типа, которая призвана, по мнению Х. А. Акаевой и О. А. Алимурادова, обслуживать пограничные междотраслевые виды дискурса, «в рамках которого исследования могут носить как фундаментальный, так и прикладной характер» (Акаева, Алимуратов, 2016, с. 202).

Следует отметить подвижность терминосистем промежуточного типа, в которых вербализуется большинство пограничных видов академического дискурса. Именно динамические параметры актуализации и деактуализации компонентов общего смысла и метасвязей в парадигматических отношениях с другими междотраслевыми терминами служат основой для создания сложных модифицированных значений. Утрачивание рассматриваемыми междисциплинарными заимствованными терминами признака моносемантической не лишает их дефинитивности, наоборот, многогранность и динамика иерархической структуры позволяет им выступать в качестве центрального именованного сразу нескольких рядов ассоциативного связывания в различных видах дискурса.

На основе каждого из рассмотренных терминов трансдисциплинарного заимствования в результате их адаптации к новым дискурсивным практикам возникли целые ряды ассоциатов, которые образовали и продолжают формировать систему парадигматических отношений внутри промежуточных терминосистем складывающихся областей информационно-знаниевого континуума. Дифференциальные признаки транстермина вербализуются в конкретизирующих маркерах, которые могут не просто образовывать дополнительные значения, но и формировать новый термин, как это происходит с трансдисциплинарными междискурсивными заимствованиями: *Калейдоскопические концепты сопряжены с когнитивными метафорами (геиштальтами)* (Бабушкин, 2001, с. 56).

Весь процесс порождения, аргументации применения, трансляции и закрепления в трансдисциплинарной промежуточной терминосистеме новых

элементов значения находит свое опредмечивание только в форме конкретного дискурса, который строится по определенным моделям, данные модели дискурсопорождения задаются самим автором на основе «схем действия», призванных облегчить другим агентам дискурса процесс распредмечивания актуального смысла (Аликаев, Бредихин, 2015, с. 122). А значит и элементы терминосистемы, созданные с помощью тех или иных заимствованных терминологизированных единиц, также обладают этими интенционально заложенными схемами. Анализ дискурсивных маркеров адаптации и модификации отдельных компонентов значения может реализовываться двумя путями: 1) в рамках дефинитивно-разъяснительных процедур, которые позволяют прояснить значение заимствованного термина более понятным как в ситуативном, так и в привычном контексте сложным понятием (зачастую принимающим форму описательного словосочетания) – подобного типа распредмечивания придерживается Дж. Мур (Мур, 1993); 2) в процессе построения собственного метаязыка описания, т.е. «перевода» реципиентом вторично образованных терминов в новые – третичной дискурсивно обусловленной терминодеривации, имеющей целью повторное объяснение всей логической структуры порождения, – данного типа распредмечивания придерживаются Р. Карнап (Карнап, 1959) и Н. Гудмен (Гудмен, 2001). Очевидно, что модификации смысла происходят именно на основе второго типа внедрения индивидуального понимания отдельных компонентов значения заимствованного термина.

Процесс внедрения заимствованного трансдисциплинарного термина в промежуточные терминосистемы даже при условии частотного их употребления в пограничных видах дискурса достаточно продолжителен и сложен, степень его укоренения и признания зависит не только и не столько от удачности актуализированных в его ядре новых компонентов значения, но и от факторов частотности употребления его в различных дискурсивных практиках, находящихся в процессе становления. Основываясь на критериях

частотности и наполненности ассоциативных рядов того или иного заимствованного терминологизированного понятия, вычленяемых на основе анализа текстов узкоспециализированных трансдисциплинарных областей когнитивистики и дискурсологии, формируется коррелятивная кривая обобщенного содержания и степени важности различных компонентов иерархии в её составе (Tameryan et al., 2020).

Сама трансдисциплинарная парадигма позволяет актуализировать дихотомию ономаσιологической и семасиологической семантики заимствуемых единиц, одним из ключевых аспектов которой является процесс постоянного перетекания компонентов ядра и периферии в структуре генерализованного значения в системе терминологизированных заимствований создаваемых или переосмысливаемых в результате порождения индивидуально маркированной, дискурсивно обусловленной транспозиции и трансгрессии.

Диалектическое взаимоотношение вербального представления компонентов информационно знаниевого континуума и видового разнообразия дискурсивных практик, обслуживающих процессы трансляции и генерации нового трансдисциплинарного знания, проясняется в терминах опирающихся как на исходное общепринятое распредмечивание, т.е. на ядерные компоненты, так и на постоянную трансформацию инвариантных структур-паттернов в потенциально конвенционализируемые знаки индивидуальной терминодеривации и декодирование этих новых компонентов значения по созданным в процессе их вербализации личностным моделям – «схемам действия». Базовыми механизмами расширения смысловой структуры при трансдисциплинарном заимствовании термина и условиями взаимовлияния различных видов дискурса выступают когнитивные процессы субъективации и объективации (опредмечивания и распредмечивания). Финальным этапом вхождения такого рода термина в промежуточную терминосистему будет не просто условие эмпирической

верификации как проверки адекватности применения и возможности четкого выражения, заданных осознанием актуальных признаков, но в гораздо большей степени внедрение того типа понимания среди других агентов дискурса, который был инициирован автором этого термина.

Степень удачности именованного того или иного трансдисциплинарного понятия с помощью адаптационных механизмов транспозиции и трансгрессии прямо пропорциональна возможности разделения индивидуальных, ситуативных, контекстуальных дискурсивных компонентов, кристаллизующихся в рамках специфического контекста формирования и использования терминологизируемого понятия. Таким образом, основными векторами внедрения новых компонентов значения в процессе как интра-, так и межъязыковой транстерминологизации в специфические промежуточные терминосистемы становятся механизмы, являющиеся семантико-концептуальными по своему характеру, а именно те, в которых учитываются как процессы объективации и формализации рефлексии в языковых структурах, так и позволяющие на интенциональном уровне включить в структуру обобщенного содержания понятия все возможные варианты объяснения результата наложения объективированной мысли на мысль, актуальную в дискурсах трансдисциплинарной области информационно-знаниевого континуума.

Выводы по главе 2

Специфика адаптации заимствованной терминологизируемой единицы к принимающей трансдисциплинарной промежуточной системе заключается

не только в модификации его семантической структуры, но и в широких возможностях подобного элемента влиять на изменение парадигматических связей во всей терминосистеме. В зависимости от типа модификационного переноса эксплицитного (дефинитивно-формирующего) или имплицитного (функционального) можно выделить два специфических адапционных механизма транстерминологизации: 1) транспозицию и 2) трансгрессию. При транспозиции элемент расширяет или конкретизирует парадигматические связи внутри принимающей промежуточной терминосистемы (переразложение ядерных компонентов), сохраняя исходные знаниевые компоненты. При трансгрессии термин конвенционализирует функциональные ограничения в описательной аргументативной дефиниции, закрепляемой в лексикографических источниках.

Транспозицию и трансгрессию маркирует наличие конситуативных и контекстуальных компонентов значения транстермина, которые должны коррелировать с коллективными векторами распределения смысловой структуры. На основе этого в термине они структурируются как семантемы, сохраняя высокоиндексные семы, они демонстрируют примарность сопутствующих компонентов. Доминантными константами для внедрения актуальных компонентов значения в дискурсивных практиках трансдисциплинарных областей знания являются константы фоновых знаний (продуцента/реципиента), субъективности, контекстуальности (ситуативности). Индивидуальные компоненты, концептуализирующие релевантные для той или иной области знания элементы в генерализованном значении термина, опосредуются лексикографическим и психолингвистическим значением. Структурно генерализованное значение содержит целый ряд компонентов, которые различаются степенью репрезентации констант фоновых знаний, ситуативности и контекстуальности: 1) собственно актуализированное значение как комплекс критериальных признаков, 2) актуализированные семы как единицы,

обеспечивающее первоначальное понимание и основу сравнения, 3) интимизированные и контекстуальные семы, эксплицирующие собственно авторскую позицию исследователя трансдисциплинарного объекта.

Практически все термины, воспринимаемые промежуточными терминосистемами когнитивной лингвистики и дискурсологии обладают «зонтиковым» характером – функционально-конситуативной вариативностью. Повышение степени терминологичности обеспечивается нивелировкой «зонтиковости» в конкретной области знания на основе интенсификации логико-когнитивных и онтолого-классификационных отношений между понятиями, стоящими за транстерминами. Та или иная степень навелировки функционально-конситуативной вариативности обеспечивается структурной, ориентационной и онтологической моделями адаптации.

Модификации генерализованного значения транстермина происходят именно на основе третичной, дискурсивно обусловленной терминодеривации, имеющей целью повторное объяснение всей логической структуры порождения термина как элемента системы парадигматических отношений. Интерпретация генерализованного значения осуществляется с обязательным учетом семантической структуры в исходных областях с привлечением неактуализированного в узусе этимологического пласта, т. е. особого внимания к процессам объективации и формализации рефлексии в языковых структурах.

Заключение

В современных условиях активной контаминации различных областей знания для решения новых методологических и инструментальных проблем анализа специфических наддисциплинарных объектов исследования происходит формирование особого типа терминосистем. Элементы, образующие эти условно открытые системы, продуцируются при динамическом взаимодействии индивидуальных схем семантической деривации с коллективно распределенными компонентами.

Новое знание как результат апперцептивной деятельности, элементы которого подвергаются рефлексивной верификации в определенных контекстах и конситуациях, не всегда нуждаются в эмпирической верификации, поскольку представляют собой одновременно и исходные посылки, и результат вербально-когнитивной деятельности. Постоянное перетекание вербализованного в терминоединицах для обеспечения трансляции и генерируемого для аргументативного прояснения «внутреннего» знания продиктовано двойственной природой «информационно-знаниевого континуума».

В процессе транстерминологизации как наиболее адекватного механизма потенциальной конвенционализации элементов, релевантных в новых конситуативных и контекстуальных окружениях, а также использования их в качестве узлов ассоциативных гнезд в процессе дальнейшего научного осмысления трансдисциплинарной области можно выделить несколько обязательных этапов. Во-первых, продуценту/реципиенту транстермина необходимо на основе константы фоновых знаний выявить проблемную область анализа наддисциплинарного объекта и установить методологические и инструментальные лакуны в интра-,

поли- и междисциплинарном подходах. Во-вторых, на основе выявленных несоответствий определить возможные и наиболее эффективные модели вербализации нового знания и актуализации специфических компонентов понятий и далее произвести коррекцию неадекватных формализованных и понятийных элементов транстермина. В-третьих, в рамках делимитации функциональных ограничений в новой области знания осуществить рефлексивную верификацию термина посредством имплементации в текстовом пространстве «схем действия» по распрямечиванию актуальных смыслов. При достаточной степени распрямечивания конситуативных и контекстуальных компонентов и их верифицируемости в рамках обеспечения устойчивых парадигматических связей производится анализ деривационного потенциала терминологизированного понятия в аспекте расширения гнезд ассоциатов и новых субсистем по вновь принятым алгоритмам.

Такой сложный процесс генерации, актуализации и трансляции нового знания сопровождается специфическим способом выхода за пределы одной теоретико-методологической области и обуславливает необходимость обращения к трансдисциплинарному подходу. Неинтегративные отношения в контаминации инструментария и методологии полидисциплинарного подхода и интерактивные кооперативные связи в междисциплинарных исследованиях закономерно замещаются холистическим трансдисциплинарным анализом объектов исследования, выходящих за пределы сформированных областей знания. В аспекте создания целостной непротиворечивой системы терминов это требует не только преодоления функциональных ограничений исходных систем элементами, внедряемыми в новые ситуации помысливания и контексты, но и создания новых оптимальных условий функционирования как в дискурсивном пространстве генерации знаниевых компонентов, так и в системно-языковой сфере кумуляции и трансляции. Именно подобный тип системно-деривационных

отношений и демонстрируют промежуточные терминосистемы когнитивной лингвистики и дискурсологии, элементы которых были подвергнуты анализу в настоящем исследовании. В данных специфических метаязыках отмечается присутствие особых логико-семантических и когнитивно-гносеологических блоков, обеспечивающих универсальные векторы транстерминологизации. Схематичность актуализации и идентификации новых компонентов значения трансдисциплинарных заимствований в рассматриваемых системах носит открытый характер и осуществляется в рамках синергетического взаимодействия противонаправленных векторов различающихся когнитивных областей. Привязка отдельных компонентов значения к горизонтальному специальному тексту действует двунаправленно, обеспечивая потенциально как адекватную, так и искаженную интерпретацию. При этом конситуативное детерминирование этих компонентов на основе привязки к области знания призваны конкретизировать область функционального введения термина и обеспечить верный вектор интерпретации в тексте и дальнейшей трансляции.

На основе анализа функциональной нагрузки транстерминологизированных элементов в промежуточных терминосистемах когнитивистики и дискурсологии мы пришли к выводу о расширении и частичной реорганизации их ролей в аспекте опредмечивания этих областей информационно-знаниевого континуума. Так, номинативная функция транстермина сменяется сходной с ней репрезентативной ввиду частотной символности и расширительного понимания точности отражения денотативного и понятийного пластов значения. Коммуникативная функция приобретает когнитивный характер (коммуникативно-когнитивная) и обеспечивает не просто обратную связь, но и ответные рефлексивные действия не только по восприятию, но и по встраиванию термина в индивидуальное пространство трансдисциплинарной когниции, предполагающей как дальнейшую его трансляцию, легитимизацию, так и

экстраполяцию полученных апперцептивно знаниевых компонентов в процесс генерации нового знания. Результаты генерации нуждаются в определении четкого места в иерархии для обеспечения функционирования всей системы, а потому функциональная нагрузка транстермина дополняется классифицирующей и моделирующей функциями.

Реализация комплексного функционального потенциала промежуточных трансдисциплинарных терминологий требует специфических форм адаптации как элементов донорских систем, так и трансформации парадигматических связей, устанавливаемых в принимающей системе в определенный период её функционирования. Соотнесенность адресантно-адресатной фокусности с формами и механизмами означивания рефлексивных объектов детерминируется не только самим коммуникативным пространством (горизонтальным контекстом), но и прогностикой конвенционализации областей употребления (коллективными векторами развития трансдисциплинарной области знания). В обеспечении адекватных функциональных ограничений терминопотребления как в текстовом, так и концептно-ситуативном пространстве наиболее востребованными оказываются два механизма адаптации при транстерминологизации – транспозиционный и трансгрессионный. Транспозиция представляет собой опрошенный перенос термина в трансдисциплинарную область информационно-знаниевого континуума, не предполагающий дефинитивную экспликацию новых парадигматических связей в принимающей терминосистеме. Зачастую это приводит к появлению квазитерминов и предтерминов, ограничивающих пространство своего употребления горизонтальным контекстом или вертикальным контекстом минимальной концептуальной детализации. Трансгрессия обеспечивается реализацией большего количества категоризационных параметров и представляет собой заимствование термина с закреплением новых парадигматических связей на основе дефинитивного

экспонента. Это может приводить как к созданию невариативного номинанта с функцией моноядра ассоциативного образования (например, *frame* (*фрейм*)) или полидефинитивного условно структурированного термина с сохранением максимальной степени «зонтиковости» (например, *mapping* (*мэппинг/перенос*)). Транспозиционные и трансгрессионные изменения содержания терминологических единиц носят дихотомический характер – трансформация всех аспектов термина вызывает адекватный отклик всей системы, которая, в свою очередь, задает векторы преобразования семантики и функционала термина.

В работе выявлены отдельные компоненты транстерминологизируемых единиц, актуализируемые в промежуточных терминосистемах когнитивистики и дискурсологии. С учетом степени конвенциональности в отдельной области информационно-знаниевого континуума и реализации системомодифицирующего потенциала они могут быть разделены на следующие семантические форманты: 1) категориальные семы, унифицирующие и легитимизирующие парадигматические связи в промежуточной системе; 2) векторные семы, обеспечивающие первичную интерпретацию в конситуативном восприятии и представляющие основу корреляции генерируемого и социумного опредмечивания понятийного содержания; 3) релятивные и контекстуальные семы, маркирующие генерацию нового знания и являющиеся ассоциатами в расширяющемся гнезде терминов, которые могут служить в качестве конкретизаторов авторской позиции наблюдателя при трансдисциплинарной объективации феномена.

Адаптация индивидуальных и коллективных компонентов значения происходит в узловых точках структурирования содержания транстермина на основе контаминации лексикографического, психолингвистического и индивидуального значения. Сформированное таким образом генерализованное актуальное не только в контексте, но и в конситуации

значение воспринимается и адекватно интерпретируется в процессе применения «верных» (заданных самой областью информационно-знаниевого континуума) актов осознанного распредмечивания. Интенциональная рефлексия организуется константами фоновых знаний продуцента/реципиента, ситуативности и контекстуальности, что при условии их синергии в значительной степени нивелирует субъектно-объектную асимметрию. При этом интенсификация в качестве доминирования только одной константы приводит к существенным расхождениям в интерпретации как ядерных, так и ситуативных и контекстуальных компонентов. В данном случае степень контекстуальной детерминации значения транстермина существенно возрастает. Генерализованное значение терминосистемы в новой системе отношений имеет динамический синергетический характер и претерпевает модификации на каждом из этапов взаимодействия продуцента/реципиента с текстом – терминосистемой – областью информационно-знаниевого континуума.

Как неотъемлемая детерминирующе-результатирующая часть трихотомического пространства внедрения транстермина принимающая промежуточная система трансформируется. Структурные элементы терминосистемы такого типа подвергаются растяжению, парадигматические связи модифицируются для включения новых компонентов конкретизации, а вместе с этим осуществляются трансформация и изменение ранее образованных онтологических картин. Основными условиями трансформирования парадигматических связей в промежуточной терминосистеме и возможностями внедрения новых элементов являются: 1) организация компонентов транстермина по принципу семантем (вербально-концептуальных единиц), 2) примат констант фоновых знаний, субъективности, контекстуальности в процессе интенциональной терминодеривации, 3) процессуальный характер аргументативного сравнения

с коллективными паттернами, прогнозирующими распределение конкретного содержания.

Контаминация компонентов транстермина осуществляется не на основе метафорического переноса критериальных признаков, описывающих необходимые и достаточные условия вхождения элемента в промежуточную систему, а на индукционно формируемой конвергенции и пересечении пространств конситуативной интерпретации, демонстрирующих лишь параметры «семейного сходства» (family resemblance). Это определяет так называемую «функциональную свободу» – возможность языковой единицы адекватно описывать ментальные конструируемые в холистическом восприятии, т.е. исходная «зонтиковость» будет служить главным критерием, определяющим возможность трансдисциплинарного заимствования термина. Степень же снижения этой характеристики по структурной, ориентационной или онтологической моделям конкретизирует семантику и позволяет транстермину выступать в качестве репрезентанта узловых понятий и занимать конкретное место в промежуточной трансдисциплинарной системе взаимосвязанных единиц. «Зонтиковость» помимо выполнения функции расширения пространств внедрения термина в корреляции с компонентами значения неактивных в узусе этимологического или контекстуального периферического пластов создает функциональные ограничения, действуя как конситуативная детерминанта.

Анализ адаптационных и модификационных процессов внедрения ассоциативных компонентов в структуру значения термина при его транспозиции или трансгрессии показал, что образование генерализованного значения зиждется на адаптивных потенциях ядерных компонентов к новым видам дискурса, а также на степени коррелятивного соответствия их индивидуальным контекстуальным и конситуативным элементам. В первичном приближении к аргументативному прояснению трансдисциплинарного объекта кристаллизуется невербализованное понятие

как аморфный комплекс критериальных признаков, которое в результате многочисленных когнитивных трансформаций становится вербализованным и концептуализированным, обладающим структурной организацией признаков, категоризованных в узловых точках иерархии. Репрезентантами такого понятия в условно ограниченной промежуточной системе становятся заимствованные термины в новых значениях, обладающие различной степенью освоенности.

В качестве перспектив данного исследования можно назвать применение методологии комплексного анализа адаптационных механизмов транспозиции и трансгрессии к изучению специфики транстерминологизации в межъязыковом аспекте в различных типах терминосистем (открытых, условно закрытых, прикладных, фундаментальных, промежуточных). Кроме того, перспективным является выявление и описание ключевых механизмов конвенционализации конситуативных элементов квазитерминов, предтерминов и окказиональных терминологизированных единиц в процессе детализации их значения во вторичной метатекстовой репрезентации. Актуально также на сегодняшний момент решение проблемы межъязыковой эквивалентности терминосистем одной предметно-когнитивной области, испытывающих в своем расширении влияние национальных научных школ и направлений.

Список литературы

1. Авербух, К. Я. Общая теория термина: комплексно-вариативный подход: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Авербух Константин Яковлевич. – Москва, 2005. – 324 с.
2. Авербух, К. Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты / К. Я. Авербух // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 38-49.
3. Агафонов, А. Ю. Основы смысловой теории сознания / А. Ю. Агафонов. – Санкт-Петербург: Речь, 2003. – 296 с.
4. Акаева, Х. А. О некоторых системных критериях разграничения фундаментальных и прикладных терминологий / Х. А. Акаева, О. А. Алимуратов // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – № 5 (2). – С. 200-211.
5. Акаева, Х. А. Прикладные и фундаментальные терминосистемы как взаимокоррелирующие вербальные основы профессиональной коммуникации: к постановке проблемы / Х. А. Акаева, О. А. Алимуратов, М. Н. Лату // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 3. – С. 40-45.
6. Акаева, Х. А. О некоторых системных критериях разграничения фундаментальных и прикладных терминологий / Х. А. Акаева, О. А. Алимуратов // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – № 5 (2). – С. 200-211.
7. Акулинина, Т. В. Экстралингвистическая обусловленность особенностей английской терминологии компьютерной информатики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Акулинина Татьяна Викторовна. – Омск, 2003. – 157 с.

8. Алексеев, Н. Г. Заметки к соотношению мыследеятельности и сознания / Н. Г. Алексеев // Вопросы методологии. – 1991. – № 1. – С. 3-8.
9. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – Москва.: Academia, 2004. – 346 с.
10. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивная семантика: миф и реальность / Н. Ф. Алефиренко // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). – 2006. – Вып. 5 (6). – С. 43-48.
11. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – Москва: Гнозис, 2005. – 326 с.
12. Аликаев, Р. С. «Схемы действия» как маркер дискурсивности научного текста: формальная логика vs. герменевтика / Р. С. Аликаев, С. Н. Бредихин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2015. – № 2 (26). – С. 121-127.
13. Алимуратов, О. А. Современные теории ментальных процессов: некоторые методологические парадоксы / О. А. Алимуратов // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 3 (35). – С. 24-27.
14. Арутюнова, А. Д. Неисследимые смыслы: просто так, да не так просто / А. Д. Арутюнова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2006. – № 65 (2). – С. 14-23.
15. Багиян, А. Ю. Лингвоаксиологические характеристики научно-популярного дискурса информационных технологий / А. Ю. Багиян, Т. А. Ширяева, А. Р. Аракелова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2019. – № 4. – С. 33-41.
16. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – Москва: Эдиториал URSS, 2001. – 360 с.
17. Баранов, А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста: дис. ... д-ра филологических наук: 10.02.19 / Баранов Анатолий Григорьевич. – Ростов-на-Дону, 1993. – 182 с.

18. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1979. – 423 с.
19. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – Москва: Высшая школа, 2004. – 239 с.
20. Богин, Г. И. Субстанциальная сторона понимания текста / Г. И. Богин. – Тверь: ТГУ, 1993. – 138 с.
21. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. Изд. 2-е, стер. – Тамбов: Изд-во Тамбовского университета, 2001. – 123 с.
22. Болдырев, Н. Н. Языковая репрезентация основных уровней познания / Н. Н. Болдырев, О. В. Магировская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2 (019) – С. 7-16.
23. Борхвальдт, О. В. Историческое терминоведение русского языка / О. В. Борхвальдт. – Красноярск: Изд-во Красноярского педагогического университета, 2000. – 198 с.
24. Бредихин, С. Н. Имплементация эпизодических компонентов в содержательное пространство метаконцептов / С. Н. Бредихин, И. Н. Махова // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 3 (111). – С. 108-115.
25. Бредихин, С. Н. Интегративный характер формирующейся терминосистемы когнитивной лингвистики / С. Н. Бредихин, Ю. И. Пелевина // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 2 (110). – С. 71-76.
26. Бредихин, С. Н. Информационно-знаниевый континуум: проблемы трансляции в педагогическом дискурсе / С. Н. Бредихин // Иностранный язык в высшей школе в период цифровой трансформации образования: материалы региональной онлайн-конференции (Ставрополь, 28 мая 2021 г.). – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2021. – С. 7-8.
27. Бредихин, С. Н. Константы интенциональности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла / С. Н. Бредихин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3 (44). – С. 54-58.

28. Бредихин, С. Н. Ноэматическая структура смыслопорождения в философском дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Бредихин Сергей Николаевич. – Нальчик, 2014 а. – 38 с.

29. Бредихин, С. Н. Ноэматическая и семантическая адаптация английских заимствований в современном русском языке [Электронный ресурс] / С. Н. Бредихин, С. Г. Сидоренко // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17525> (дата обращения 12.06.2022).

30. Бредихин, С. Н. Способы вербализации когнитивного начала в немецкоязычных текстах патентного права: оригинал vs. перевод / С. Н. Бредихин, Л. Р. Вартанова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 3 (52). – С. 51-56.

31. Бредихин, С. Н. Стратегии усмотрения и распредемечивания смысловых конструкторов в аспекте понимания и в-живания / С. Н. Бредихин, Р. С. Аликаев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 2 (47). – С. 123-128.

32. Бредихин, С. Н. Субъектно-объектная асимметрия при распознавании речи / С. Н. Бредихин, С. В. Серебрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4 (49). – С. 114-121.

33. Бредихин, С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации [Электронный ресурс] / С. Н. Бредихин // Современные проблемы науки и образования. – 2014 б. – № 4. – URL: <http://www.science-education.ru/118-13920> (дата обращения 07.11.2021).

34. Бредихин, С. Н. Трансформации в речевом потоке: производство смыслов и управление деривационными моделями / С. Н. Бредихин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014 в. – № 1(38). – С. 115-124.

35. Бриллюэн, У. Л. Наука и теория информации / У. Л. Бриллюэн. – Москва: Физматгиз, 1960. – 392 с.

36. Бурт, Э. М. Научные понятия как системы и их описание в толковых терминологических словарях / Э. М. Бурт // Вопросы языкознания. – 1984. – № 1. – С. 36-43.

37. Бушин, И. В. Формирование вторичных терминосистем и их специфика (на материале терминологии судебной медицины русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Бушин Игорь Вячеславович. – Саратов, 1996. – 241 с.

38. Буянова, Л. Ю. Термин как единица логоса / Л. Ю. Буянова. – Москва: Флинта, 2013. – 220 с.

39. Буянова, Л. Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность / Л. Ю. Буянова. – Москва: Флинта, 2011. – 389 с.

40. Веселов, П. В. Структура терминов дефинитивного типа (на материале терминологий пластических масс и мягких искусственных кож): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Веселов Петр Васильевич. – Москва, 1971. – 17 с.

41. Витгенштейн, Л. О достоверности / Л. Витгенштейн // Философские работы / пер. с нем. – Москва: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 321-411.

42. Волгина, М. Ю. Перевод терминов как ключевых единиц специального текста / М. Ю. Волгина // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 6 (6). – С. 170-175.

43. Володина, М. Н. Информационная природа термина / М. Н. Володина // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 90-94.

44. Володина, М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) / М. Н. Володина. – Москва: Изд-во Московского университета, 2000. – 127 с.

45. Воркачѳв, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С. Г. Воркачѳв // Язык, сознание, коммуникация. – Москва: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24. – С. 5-12.
46. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – Москва: Прогресс, 1988. – 704 с.
47. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин / Изд. 4-е, стереотипное. – Москва: КомКнига, 2006. – 144 с.
48. Гвишиани, Н. Б. Язык научного общения: Вопросы методологии / Н. Б. Гвишиани. – Москва: Высшая школа, 1986. – 280 с.
49. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения / Г. Ф. В. Гегель. – Москва: Соцѳкгиз, 1959. – Т.4: Система наук. – Ч.1: Феноменология духа. – 488 с.
50. Герд, А. С. Значение термина и научное знание / А. С. Герд // Научно-техническая информация. – 1991. – № 10. – С. 1-4.
51. Глыбин, В. В. «Эпистемологические миражи» лингвистики / В. В. Глыбин // *Studia Tinguistica Cognitiva* / под ред. А. В. Кравченко. – Москва: Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание. – С. 31-45.
52. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. – Москва: Флинта, 2011. – 224 с.
53. Голованова, Е. И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход / Е. И. Голованова // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 33. – С. 18-25.
54. Головин, Б. Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи / Б. Н. Головин // Вопросы языкознания. – 1976. – № 3. – С. 20-34.
55. Горбунова, Н. Н. К вопросу об изучении трансдисциплинарности некоторых терминосистем / Н. Н. Горбунова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – № 5. – С. 20-39.

56. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – Москва: Московский Лицей, 1993. – 309 с.
57. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. – Москва: Академия, 2008. – 304 с.
58. Гудмен, Н. Способы создания миров / Н. Гудмен. – Москва: Идея-Пресс, 2001. – 376 с.
59. Даниленко, В. П. Терминология современного языка науки / В. П. Даниленко // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. – С. 61-66.
60. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
61. Дроздова, Т. В. Научный текст и проблемы его понимания (на материале англоязычных экономических текстов): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Дроздова Татьяна Васильевна. – Москва, 2003. – 390 с.
62. Ермакова, А. В. Природа термина / А. А. Ермакова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 2. – С. 218-223.
63. Ефимов, Д. К. Новые термины-заимствования в русском языке / Д. К. Ефимов // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2018. – № 1 (37). – С. 134-141.
64. Жинкин, Н. И. Язык. Речь. Творчество / Н. И. Жинкин. – Москва: Лабиринт. 1998. – 364 с.
65. Залевская, А. А. Концептуальная интеграция как базовая ментальная операция / А. А. Залевская // Слово и текст: психолингвистический подход: сборник научных трудов. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2004. – Вып. 2. – С. 56-71.
66. Иванова, Г. А. О семантической эквивалентности терминологических единиц (на материале метаязыка лингвистики) / Г. А.

Иванова // Терминология и знание: материалы II Международного симпозиума / отв. ред. С. Д. Шелов. – Москва: Азбуковник, 2010. – С. 181-192.

67. Канделаки, Т. Л. Семантика и мотивированность терминов / Т. Л. Канделаки. – Москва: Наука, 1977. – 167 с.

68. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

69. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва: Наука, 1987. – 264 с.

70. Карнап, Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / Р. Карнап. – Москва: Иностранная литература, 1959. – 384 с.

71. Катречко, С. Л. Знание как сознательный феномен / С. Л. Катречко // Что значит знать?: сборник научных статей. – Москва: Центр гуманитарных исследований, 1999. – С. 60-99.

72. Киященко, Л. П. Феномен трансдисциплинарности – опыт философского анализа / Л. П. Киященко // Santalka. Filosofija. Vilnius. – 2006. – Т. 14. – № 1. – С. 17-38.

73. Киященко, Л. П. Философия трансдисциплинарности / Л. П. Киященко, В. И. Моисеев. – Москва: ИФ РАН, 2009. – 205 с.

74. Клёстер, А. М. Когнитивный подход к изучению межотраслевой терминосистемы / А. М. Клёстер // Омский научный вестник. – 2012. – № 4 (111). – С. 171-174.

75. Князева, Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е. Н. Князева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 10. – С. 193-201.

76. Кобрин, Р. Ю. О понятиях «терминология» и «терминологическая система» / Р. Ю. Кобрин // История отечественного терминоведения. – Т. 3.

аспекты и отрасли терминологических исследований (1973-1993): Хрестоматия. – Москва: Московский Лицей, 2003. – С. 35-40.

77. Колмогоров, А. Н. Теория информации и теория алгоритмов / А. Н. Колмогоров / отв. ред. акад. Ю. В. Прохоров. – Москва: Наука, 1987. – 304 с.

78. Конецкая, В. П. О системности лексики / В. П. Конецкая // Вопросы языкознания. – 1984. – № 1. – С. 26-35.

79. Кочан, И. М. Украинская научная лексика: международные компоненты в терминологии / И. М. Кочан. – Киев: Знание, 2013. – 294 с.

80. Кравченко, А. В. Является ли язык репрезентативной системой / А. В. Кравченко // *Studia Linguistica Cognitiva* / под ред. А.В. Кравченко. – Москва: Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание. – С. 135-156.

81. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В. В. Красных. – Москва: Гнозис, 2001. – 271 с.

82. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 5-12.

83. Кубрякова, Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Москва: Наука, 2002. – Т. 61. – С. 13-24.

84. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва: Язык славянской культуры, 2004. – 560 с.

85. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – 268 с.

86. Лату, М. Н. Номинация в развивающихся терминосистемах / М. Н. Лату. – Пятигорск: СНЕГ, 2015. – 192 с.

87. Лату, М.Н. Типы системных отношений между терминами в сетевых моделях организации научного знания / М. Н. Лату // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4 (57). – С. 134-142.

88. Лейчик, В. М. О методах и принципах конструирования терминосистем / В. М. Лейчик // Семантика естественных и искусственных языков в специализированных системах. – Ленинград: ЛГУ, 1979. – С. 106-108.

89. Лейчик, В. М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина / В. М. Лейчик // Вопросы языкознания. – 1981. – № 2. – С. 63-73.

90. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик / 4-е изд. – Москва: Либроком, 2009. – 256 с.

91. Лемов, А. В. Система, структура и функционирование научного термина: на материале русской лингвистической терминологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Лемов Аркадий Владимирович. – Нижний Новгород, 2000. – 359 с.

92. Леонтьев, А. А. Психолингвистические проблемы семантики / отв. ред. А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович. – Москва: Наука, 1983. – 288 с.

93. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История / Ю. М. Лотман. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 447 с.

94. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. – Москва: Наука, 1982. – 152 с.

95. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. – Москва: Изд-во АН СССР, 1961. – 158 с.

96. Ма, Т. Ю. Социумная пресуппозиция и модели социальных ситуаций / Т. Ю. Ма // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 2. – С. 98-103.

97. Манаенко, Г. Н. Границы и содержание общей предметной области трёх научных дисциплин / Г. Н. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 33-47.

98. Манаенко, Г. Н. Язык как система для производства знаков / Г. Н. Манаенко // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 14. – С. 109-117.

99. Матвеева, Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста / Г. Г. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1984. – 132 с.

100. Мулуд, Н. Современный структурализм: Размышление о методе и философии точных наук / Н. Мулуд / пер. с франц., под ред. и с вступ. статьей Г. Курсанова. – Москва: Прогресс, 1973. – 376 с.

101. Мур, Д. Э. Доказательство внешнего мира / Д. Э. Мур // Аналитическая философия: Избранные тексты / Сост., вступит. ст. и коммент. А. Ф. Грязнова. – Москва: Изд-во МГУ, 1993. – С. 66-84.

102. Мухортов, Д. С. Вариативность значения слова в функционально дифференцированной речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Мухортов Денис Сергеевич. – Москва, 2003. – 207 с.

103. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин / 2-е изд. – МОСКВА: URSS, 2009. – 168 с.

104. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – Москва: Академический проект, 2002. – 832 с.

105. Пелевина, Ю. И. Модификации смысла заимствованных терминологических единиц в процессе изменения видов дискурса / Ю. И. Пелевина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 256-267.

106. Пелевина, Ю. И. Трансгрессия «зонтиковых» единиц пограничной терминосистемы дискурсологии и когнитивной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 1. – С. 51-60.

107. Песина, С. А. Полисемия в когнитивном аспекте / С. А. Песина. – Санкт-Петербург: МГТУ им. Г. И. Носова, 2005. – 325 с.
108. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва: АСТ, 2007. – 314 с.
109. Раздубев, А. В. Некоторые антропоцентрические параметры терминологической номинации (на материале терминов-эпонимов сферы нанотехнологий) / А. В. Раздубев, О. А. Алимуратов // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 27. – С. 580-591.
110. Разинкина, Н. М. Развитие языка английской научной литературы / Н. М. Разинкина. – Москва: Наука, 1978. – 212 с.
111. Ребрушкина, И. А. О разграничении понятий мотивированности и ориентированности термина (на примере лингвистической терминологии) / И. А. Ребрушкина, О. Л. Арискина // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 208-213.
112. Реформатский, А. А. Мысли о терминологии / А. А. Реформатский // Современные проблемы русской терминологии. – Москва: Наука, 1986. – С. 165-198.
113. Рыженкова, Т. В. Специфика процесса транстерминологизации в отраслевой терминосистеме: на материале русской и английской терминологии правоведения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Рыженкова Татьяна Васильевна. – Волгоград, 2001. – 187 с.
114. Рябов, А. Г. Терминологическая номинация как результат переноса значения / А. Г. Рябов // Вестник Костромского государственного университета. – 2009. – № 4. – С. 183-186.
115. Серебрякова, С.В. Дихотомия когнитивного пространства: о корреляции понятий «знание» и «информация» / С.В. Серебрякова, Е.Е. Плохая // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 3 (31). – С. 130-137.

116. Сидоренко, С. Г. Лингвокультурные факторы и аспекты личностной и общекультурной контрастности в процессе адаптации англицизмов в современном русском языке / С. Г. Сидоренко, Ю. А. Строгина (Ю. И. Пелевина) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12-2(90). – С. 385-389.

117. Сложеникина, Ю. В. Терминологическая вариативность. Семантика, форма, функция / Ю. В. Сложеникина. – Москва: ЛКИ, 2010. – 288 с.

118. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю. А. Сорокин. – Москва: Наука, 1985. – 168 с.

119. Стернин, И. А. Семантический анализ слова в контексте / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.

120. Суперанская, А. В. Общая терминология. Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – Москва: Наука, 1989. – 246 с.

121. Толстикова, Л. В. Когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты функционирования русизмов в англоязычном и англицизмов в русскоязычных газетных дискурсах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Толстикова Любовь Владимировна. – Краснодар, 2012. – 235 с.

122. Тухарели, Н. Д. Особенности терминосистем интеграционного типа / Н. Д. Тухарели // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1995. – С. 90-96.

123. Тюленев, С. В. Теория перевода: учебное пособие / С. В. Тюленев. – Москва: Гардарики, 2004. – 336 с.

124. Урсул, А. Д. Природа информации: философский очерк / А. Д. Урсул / 2-е изд. – Челябинск: Информационное общество, 2010. – 231 с.

125. Уфимцева, А. А. Языковая номинация. Общие вопросы / А. А. Уфимцева, В. Н. Телия, Г. В. Колшанский и др. / под ред. Б. А. Серебренникова. – Москва: Наука, 1977. – 293 с.

126. Фефилов, А. И. Введение в когитологию / А.И. Фефилов. – Москва: Флинта; Наука, 2010. – 240 с.

127. Хижняк, С. П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Хижняк Сергей Петрович. – Саратов, 1998. – 357 с.

128. Цзяньгуан, Ма. Термин как репрезентативная единица фрагментов научной картины мира (на материале цельнооформленных терминов подязыка «лазеры и лазерные технологии»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ма Цзяньгуан. – Санкт-Петербург: 2008. – 181 с.

129. Черникова, И. В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки / И. В. Черникова // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 26-35.

130. Чернышенко (Моногарова), А. Г. Сопоставительный анализ структурных моделей фундаментальных и прикладных терминосистем (на материале терминологий нанотехнологий и медиации) / А. Г. Чернышенко (Моногарова), А. В. Раздуб // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III Международной научной конференции. – Москва: Буки-Веди, 2014. – С. 123-128.

131. Чернявская, Л. А. Интерпретация научного текста / Л. А. Чернявская. – Москва: Либроком, 2010. – 128 с.

132. Ширяева, Т. А. Когнитивно-дискурсивные механизмы генерирования нового знания в англоязычных научно-популярных изданиях / Т. А. Ширяева, О. М. Литвишко // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (46). – С. 701-704.

133. Ширяева, Т. А. Социокогнитивное моделирование как методологическая основа изучения делового дискурса / Т. А. Ширяева, А. Г.

Авшаров // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 1 (54). – С. 94-102.

134. Шмелева, О. Ю. Терминологические процессы в синхронии и диахронии (на материале английского языка) / О. Ю. Шмелева. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 120 с.

135. Штайн, К. Э. Предисловие / К. Э. Штайн // Текст. Узоры ковра: сборник статей научно-методического семинара «ТЕХТУС». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – Вып. 4. – Ч. 1. Общие проблемы исследования текста. – С. 5-14.

136. Щедровицкий, Г. П. Программирование научных исследований и разработок / Г. П. Щедровицкий. – Москва: Путь, 1999. – 288 с.

137. Эко, У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / У. Эко. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2004. – 472 с.

138. Юм, Д. О простоте и изощренности (литературного) стиля / Д. Юм // Вопросы литературы. – 1967. – № 2. – С. 156-167.

139. Alikaev, R. S. Representation of the morphological information at the level of lexical input during the process of speech decoding: philological and phenomenological hermeneutics vs. psycholinguistic models / R. S. Alikaev, M.S. Asanova, T.A. Shiryayeva, T.A. Cheprakova, S.N. Bredikhin // XLinguae. – 2018. – Vol. 11. – Iss. 1. – P. 70-81.

140. Ashby, W. R. Principles of the self-organizing system / W. R. Ashby // Principles of Self-Organization: Transactions of the University of Illinois Symposium. – London: Pergamon Press, 1962. – P. 255-278.

141. Arauz, L. Natural and contextual constraints for domain-specific relations [Electronic recourse] / L. Arauz, P. Faber // Proceedings of the Workshop Semantic Relations. Theory and Applications (Valletta, 18 May 2010). – 2010. – P. 12-17. – URL: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2010/workshops/W9.pdf> (accessed 12.06.2022).

142. Babuts, N. The Metaphoric Meaning / N. Babuts // *Literature and the Metaphoric Universe in the Mind*. – New York: Routledge, 2017. – P. 71-99.

143. Benthem, J. van. Fifty Years: Change and Constants in Logic / J. van Benthem // *Trends in Logic. 50 Years of Studia Logica*. – Dordrecht: Kluwer, 2003. – Vol. 21. – P. 35-56.

144. Boldyrev, N. N. The interpretive dominant in the cognitive theory of language [Electronic recourse] / N. N. Boldyrev // *Proceedings of the Philological Readings (PhR 2019)*. – 2020. – № 1. – P. 1-8. URL: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/1021/10570/article_1021_10570_pdf_100.pdf (accessed 02.06.2022).

145. Bredikhin, S. N. Fundamentals of metatheoretical understanding of nature based on comprehensive reflection of discourse / S. N. Bredikhin, T. V. Marchenko, N. A. Pelevina, I. I. Pelevina // *SHS Web Conferences: The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH-2019) (Volgograd, April 23-28 2019)*. – Les Ulis Cedex: EDP Sciences, 2019. – Vol. 69. – ANo. 00025.

146. Bredikhin, S. N. Main Principles Of Implementing Knowledge Components Within Textual Space / S. N. Bredikhin, I. I. Pelevina, A. S. Abakarov, I. N. Makhova // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS (SCTCMG 2021)*. – 2021. – Vol. 117. – P. 303-309.

147. Bredikhin, S. N. Poly- and inter-discursiveness in complex discourse / S. N. Bredikhin, A. V. Tsybulevskaya // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS (SCTCMG 2021)*. – 2020. – Vol. 92. – P. 1507-1514.

148. Cabre, M. T. Theories of terminology. Their description, prescription and explanation / M. T. Cabre // *Terminology*. – 2003. – № 9 (29). – P. 163-199.

149. Dijk van, T. A. *Social Cognition and Discourse* / T. A. van Dijk // *Handbook of Language and Social Psychology*. – Chichester: John Wiley and Sons, 1990. – P. 163-186.
150. Ehrenfels von, Ch. *System der Werttheorie [Electronic recourse]* / Ch. von Ehrenfels. – Leipzig: O. R. Reisland, 1897. – Bd. 2. – URL: <https://archive.org/details/systemderwertth02ehregoo> (accessed 15.06.2022).
151. Fauconnier, G. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2002. – 440 p.
152. Firth, J.R. *Linguistics and the Problem of Meaning* / J. R. Firth // *Proceedings of the Seventh International Congress of Linguistics*. – London: Titus Wilson & Son, 1956. – Part II: Plenary Sessions, Papers & Discussion. – P. 218-237.
153. Fodor, J. *The Modularity of Mind: an Essay of Faculty Psychology* / J. Fodor. – Cambridge: MIT Press, 1983. – 28 p.
154. Fox, R. *The contribution of linguistics towards transdisciplinarity in organizational discourse* / R. Fox // *International Journal of Transdisciplinary Research*. – 2009. – Vol. 4. – № 1. – P. 16-34.
155. Halpern, D. F. *Thought and knowledge: an introduction to critical thinking* / D. F. Halpern / 5th edition. – New York: Psychology Press, 2013. – 480 p.
156. Hoffmann, L. *Fachsprachen als Subsprachen* / L. Hoffmann, H. Kalverkämper, H. Wiegand, C. Galinski, W. Hüllen. – Berlin – New York: De Gruyter, 1997. – 385 s.
157. Hovy, E. H. *Comparing sets of semantic relations in ontologies* / E. H. Hovy // *The Semantics of Relationships: An Interdisciplinary Perspective*. – Dordrecht: Kluwer, 2002. – P. 91-110.

158. Husserl, E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie / E. Husserl. – Halle an der Spree: Verlag von Max Niemeyer, 1992. – 335 S.

159. Johnson-Laird, P. N. Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness / P. N. Johnson-Laird. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 528 p.

160. Kravchenko, A. Linguistic semiosis and human cognition / A. Kravchenko // Constructivist Foundations. – 2020. – № 15 (3). – P. 285-287.

161. Lakoff, G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – New York: Basic Books, 1999. – 624 p.

162. Lockwood, W. Historical German Syntax / W. Lockwood. – Oxford: Clarendon Press, 1968. – 279 p.

163. Maturana, H. R. From Being to Doing. The Origins of the Biology of Cognition / H. R. Maturana, B. Poerksen. – Heidelberg: Carl Auer Verlag, 2004. – 208 p.

164. Milostivaja, A. Text als pragmasynergetische Kommunikationsform / A. Milostivaja // Aspekte der Sprachwissenschaft: Linguistik-Tage Jena: 18. Jahrestagung der Gesellschaft für Sprache und Sprachen e. V. – Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2010. – S. 191-199.

165. Mittelstrass, J. Interdisziplinarität oder Transdisziplinarität? / J. Mittelstrass // Utopie Wissenschaft. Ein Symposium an der Universität Hannover über die Chancen des Wissenschaftsbetriebs der Zukunft (Hannover, 21-22 November 1991). – Munich – Vienna: L. Hieber, 1993. – S. 17-31.

166. Morin, E. La Tête bien faite. Repenser la réforme, réformer la pensée (L'Histoire immédiate) / E. Morin. – Paris: Editions du Seuil, 1999. – 153 p.

167. Searle, J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind / J. R. Searle. – New York: Cambridge University Press, 1983. – 216 p.

168. Serebryakova, S. V. Frame structure of term system within secondary encyclopedic text / S. V. Serebryakova, S. N. Bredikhin, E. E. Plokhaya // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. – 2021. – Vol. 107. – P. 1439-1446.

169. Smith, D. W. Husserl and Intentionality: A Study of Mind, Meaning, and Language / D. W. Smith, R. McIntyre // Synthese Library. Dordrecht: D. Reidel Pub. Co., 1982. – Vol. 154. – 423 p.

170. Stillings, N. A. Cognitive Science. An Introduction / N. A. Stillings, St. E. Weisler, Ch. H. Chase, M. H. Feinstein, J. Å. Garfield, E. Å. Rissland / 2nd ed. – Cambridge: MIT Press, 1998. – 530 p.

171. Staw, B. M. Threat-rigidity effects in organizational behavior: a multilevel analysis / B.M. Staw, L.E. Sandelands, J.E. Dutton // Administrative science quarterly. – 1981. – Vol. 26. – P. 501-524.

172. Steurs, F. Comment: The coining of terms and the relationship between general and scientific vocabulary [Electronic recourse] / F. Steurs // Terminology Science and Research. – 2004. – Vol. 15. – URL: <http://iitf.fi/cms/component/remository/func-startdown/9/?Itemid=108> (accessed 02.12.2021).

173. Tameryan, T.Y., Zheltukhina M.R., Anikejeva I.G., Arkhipenko N.A., Soboleva E.I., Skuybedina O.N. Language explication of the conceptualized meanings in ethno-cultural and socio-political aspects of discourse / T. Y. Tameryan, M. R. Zheltukhina, I. G. Anikejeva, N. A. Arkhipenko, E. I. Soboleva, O. N. Skuybedina // Opcion. – 2020. – Vol. 36 (Special Edition 26). – P. 456-475.

174. Temmerman, R. Towards New Ways of Terminology Description / R. Temmerman. – Amsterdam: John Benjamins, 2000. – 258 p.

175. Tulving, E. Episodic and semantic memory / E. Tulving // Organization of Memory. – New York: Academic Press, 1972. – P. 381-402.

176. Turner, M. *The Artful Mind: Cognitive Science and the Riddle of Human Creativity* / M. Turner. – New York: Oxford University Press, 2006. – 314 p.

177. Wilson, T. D. The accuracy of verbal reports about the effects of stimuli on evaluations and behavior / T. D. Wilson, R. E. Nisbett // *Social Psychology*. – 1978. – № 41. – P. 118-131.

Словари и справочники

178. Азимов, Э. Г. *Новый словарь методических терминов и понятий: (теория и практика обучения языкам)* / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва: ИКАР, 2010. – 446 с.

179. Ахманова, О. С. *Словарь лингвистических терминов* / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – Москва: УРСС, 2004. – 569 с.

180. ГОСТ Р 7.0.60-2020 «Издания. Основные виды. Термины и определения» [Электронный ресурс] // Виды изданий по целевому назначению, характеру информации, объёму и повторности выпуска. – Москва: ИПУ РАН. – URL: <http://www.ipu.ru/node/17409> (дата обращения 18.01.2022).

181. Демьянков, В. З. *Сценарий // Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / под редакцией Е. С. Кубряковой. – Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – С. 181-182.

182. Жеребило, Т. В. *Словарь лингвистических терминов* / Т. В. Жеребило / изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

183. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / под редакцией Е. С. Кубряковой. – Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
184. Логико-информационная схема [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на академике. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/13881> (дата обращения: 29.01. 2022)
185. Матрица [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на академике. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ntes/2654/МАТРИЦА> (дата обращения: 21.01. 2022).
186. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва: ИТИ Технологии, 2008. – 944 с.
187. Подорога, В. А. Трансгрессия и предел / В. А. Подорога // Новая философская энциклопедия. – 2-е изд., испр. и допол. – Москва: Мысль, 2011. – Т. 4. – С. 91.
188. Психолингвистический толковый словарь русского языка / И. А. Стернин, А. В. Рудакова, Э. Ю. Соколова-Сторчай. – Воронеж: РИТМ, 2019. – Вып. 8/1. Синонимы. – 139 с.
189. Психолингвистический толковый словарь русского языка / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж: РИТМ, 2019. – Вып. 9/1. Возрастные значения (с комментариями). – 179 с.
190. Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Складневской. – Москва: Астрель: АСТ, 2001. – 894 с.
191. Чернявская, В. Е. Дискурс / В. Е. Чернявская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – Москва: Флинта; Наука, 2006. – С. 53-55.

192. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 687 с.
193. Aikhenvald, A. Y. Evidentiality and language contact / A. Y. Aikhenvald // The Oxford Handbook of Evidentiality. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 148-172.
194. Bussmann, H. Routledge dictionary of language and linguistics / H. Bussmann; Transl. a. ed. by Gregory Trauth a. Kerstin Kazzazi. – New York: Routledge, 1998. – 530 с.
195. Crystal, D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics / D. Crystal. – 6th ed. p. cm. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2008. – 556 p.
196. English Oxford Living Dictionaries [Electronic resource]. – URL: <https://en.oxford-dictionaries.com/definition/> (accessed 27.05.2022).
197. Evans, V. A Glossary of Cognitive Linguistics / V. Evans. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 239 p.
198. Kumar, E. Natural Language Processing / E. Kumar. – Delhi: I. K. International Pvt. Ltd., 2011. – 234 p.
199. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed 14.06.2022).
200. Vaan de, M. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages / M. de Vaan. – Leiden – Boston: Brill, 2008. – 825 p.

Источники эмпирического материала

201. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж: Ритм, 2018. – 229 с.

202. Бабушкин, А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методики их выявления / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сборник научных трудов / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 52 - 57.

203. Вэньцзя, Ван. Понятие «сценарий» в когнитивном и лингвокультурологическом освещении / Ван Вэньцзя // Молодые голоса. – Екатеринбург: Ажур, 2016. – С. 21-28.

204. Егорова, М. А. «Когнитивное пространство» и его соотношение с понятиями «Ментальное пространство», «Когнитивная база», «Концетосфера», «Картина мира» / М. А. Егорова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3. – С. 61-68.

205. Жаботинская, С. А. Концептуальный анализ: Типы фреймов / С. А. Жаботинская // Вісник Черкаського університету. – 1999. – № 11. – С. 12-25.

206. Зусман, В. Г. Концепт в культурологическом аспекте / В. Г. Зусман, А. А. Фролов // Межкультурная коммуникация. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – С. 38-53.

207. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – Москва: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

208. Масленникова, Е. М. Художественный перевод: когнитивная матрица и лингвистическая (не)равноценность / Е. М. Масленникова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 3 (040). – С. 111-117.

209. Перлз, Ф. Гештальт-семинары / Ф. Перлз. – Москва: Институт Общегуманитарных исследований, 2007. – 326 с.

210. Роберт, И. В. Толковый словарь терминов понятийного аппарата информатизации образования / И. В. Роберт, Т. А. Лавина. – Москва: ИИО РАО, 2006. – 88 с.

211. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич. - Волгоград, 2004. – 323 с.

212. Соколова, О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике / О. В. Соколова // Вестник Астраханского государственного технического университета. –2007. – № 1 (36). – С. 236-239.

213. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер / пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешева. – Санкт-Петербург: Ювента, 1999. – 318 с.

214. Ходоренко, А. В. Лингвистический гештальт: проблема дефиниции, принципы конструирования / А. В. Ходоренко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63). – №1. – Ч. 1. – С. 192-198.

215. Шаховский, В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности / В. И. Шаховский // Russian journal of linguistics. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 54-79.

216. Barcelona, A. An Overview of Cognitive Linguistics [Electronic recourse] / A. Barcelona, J. Valenzuela // An empirical investigation into the role of conceptual metonymy in grammar, discourse and sign language; compilation of a metonymy database. – 2011. – URL: https://www.researchgate.net/publication/242182668_An_Overview_of_Cognitive_Linguistics (accessed 21.06.2022).

217. Dijk van, T. A. Political discourse and ideology / T. A. van Dijk // Doxa Comunicación Revista interdisciplinar de estudios de comunicación y ciencias sociales. – 2003. – № 1. – P. 207-225.

218. Ellsworth M. FrameNet and Typology [Electronic recourse] / M. Ellsworth, C. F. Baker, M. R. L. Petruck // Proceedings of the Third Workshop on Computational Typology and Multilingual NLP. – 2021. – URL:

https://www.researchgate.net/publication/352364037_FrameNet_and_Typology (accessed 03.06.2022).

219. Faber, P. Semantic relations, dynamicity, and terminological knowledge bases / P. Faber, P. Leon-Araúz, J. Prieto Velasco // *Current Issues in Language Studies*. – 2009. – Vol. 1. – P. 1-23.

220. Fauconnier, G. Semantics and Cognition: an interview with Gilles Fauconnier / G. Fauconnier, M. L. L. de Almeida, J. L. F. Lisboa Jr. // *Diadorim*. – 2020. – Vol. 22. – № 2. – P. 198-228.

221. Festinger, L. An Introduction to the Theory of Cognitive Dissonance [Electronic resource] / L. Festinger. – URL: <https://panarchy.org/festinger/dissonance.html> (accessed 27.01. 2022).

222. Fillmore, C. J. Frame Semantics for Text Understanding [Electronic resource] / C. J. Fillmore, C. F. Baker // *Proceedings of NAACL*. – Los Angeles: UCLA, 2001. – URL: https://www.researchgate.net/publication/228948602_Frame_semantics_for_text_understanding (accessed 08.01.2022).

223. Langacker, R. W. Foundations of cognitive grammar / R. W. Langacker. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – Vol. 1: Theoretical prerequisites. – 516 p.

224. Latu, M. N. Terminological network application to the construction of an expert system of academic knowledge representation / M. N. Latu, Yu. R. Tagiltseva // *Advances in Economics, Business and Management Research. Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference “Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth” (MTDE 2020)*. – 2020. – Vol. 138. – P. 870-874.

225. Teixeira Kalkhoff, A. M. Why is it so hard to establish gestalt ideas within linguistics? / A. M. Teixeira Kalkhoff // *History of Linguistics 2017. Selected papers from the 14th International conference on the History of Language*

Sciences (ICHoLS 14) (Paris, 28 August – 1 September 2017). – Amsterdam: John Benjamins, 2020. – P. 65-80.

226. Turner, M. The Embodied Mind and the Origins of Human Culture / M. Turner // *Cognition and Culture: An Interdisciplinary Dialogue*. – Frankfurt – Berlin: Peter Lang, 2011. – P. 13-27.

227. Turner, M. *Frame Blending* / M. Turner // *frames, Corpora and Knowledge Representation*. – Bologna: Bononia University Press, 2008. – P. 13-32.